

Ф. В. Булгарин

Воспоминания 1

РОССИЯ В
МЕНАДРАХ

Россия в мемуарах

Фаддей Булгарин

**Воспоминания.
Мемуарные очерки. Том 1**

«НЛО»

Булгарин Ф. В.

Воспоминания. Мемуарные очерки. Том 1 / Ф. В. Булгарин — «НЛО», — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-481604-2

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – одна из ключевых фигур русской литературы первой половины XIX века. Ожесточенная полемика с А. С. Пушкиным и действия в качестве агента Третьего отделения способствовали ухудшению его репутации, но не следует забывать, что он был одним из самых читаемых авторов своего времени, крупным издателем и редактором – в частности, первым сумел «провести в печать» фрагменты «Горя от ума» А. С. Грибоедова и ввел в русскую литературу ряд жанров. Занявшись публикацией своих мемуаров, Булгарин совершил беспрецедентный поступок: впервые в России мемуарист при жизни издал автобиографию. «Воспоминания», вошедшие в первый том этого издания, повествуют о начальном этапе бурной жизни автора, достойной плутовского романа: детстве в польской семье в Белоруссии, обучении в кадетском корпусе в Петербурге, участии в войнах с Францией и Швецией, службе в Кронштадте, петербургском быте и развлечениях начала XIX века, встречах с известными людьми и любовных увлечениях. Более поздний этап жизненного пути Булгарина отражен в мемуарных очерках, составляющих второй том книги. Они посвящены Наполеону, Карамзину, Аракчееву, Крылову, Грибоедову и др. В качестве приложения публикуются письма Булгарина цензорам «Воспоминаний», донос М. А. Корфа на мнение писателя о М. М. Сперанском, отклики Н. А. Полевого и Я. К. Грота на «Воспоминания» и ответы им автора.

ISBN 978-5-44-481604-2

© Булгарин Ф. В.

© НЛО

Содержание

БУЛГАРИН КАК МЕМУАРИСТ	6
ВОСПОМИНАНИЯ	31
БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ	32
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	46
I	46
II	53
III	60
IV	68
V	75
VI	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ф. В. Булгарин

Воспоминания Мемуарные очерки Том 1

БУЛГАРИН КАК МЕМУАРИСТ

1

7 декабря 1845 г. в книжные магазины М. Д. Ольхина в Петербурге и Москве поступила в продажу первая часть «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина. На следующий день объявление об этом появилось в «Северной пчеле», где сам автор в очередном субботнем фельетоне сообщал: «Вчера вышла в свет книга под названием “Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни”. Господа журналисты, устройвайте свои батареи, окопы и подкопы, вывозите орудия и высылайте застрельщиков. Вот он! *Воспоминания из жизни* – то же, что жизнь; итак, жизнь его в ваших руках! Бей наповал, жалеть нечего! Опасности для критиков нет никакой, потому что ответа не будет, а когда нет опасности, тогда все храбры. Людям, находящимся вне критического поприща, скажем иное. <...> Теперь вышла в свет *первая* часть, а *вторая* часть печатается и выйдет к Новому году. Будет ли более частей или нет, сам автор не знает и ничего не обещает»¹. Через день вышел в свет декабрьский номер журнала «Библиотека для чтения» с журнальным вариантом, а в начале января – вторая часть «Воспоминаний». При этом Булгарин, по своему обыкновению опережая критику, вызывал огонь на себя: «Журналы еще до сих пор не разобрали “*Воспоминаний Фаддея Булгарина*”! Острят штыки и заряжают орудия <...>. Чего ждать... стреляйте!»²

Так началась растянувшаяся на несколько лет публикация многотомного жизнеописания популярного писателя и журналиста Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859). Все свидетельствовало о хорошо продуманной маркетинговой стратегии: выход в свет накануне нового года, одновременный выход из печати отдельного и журнального изданий. Однако литературный проект, на который Булгарин возлагал большие надежды, вызвал предсказуемую негативную реакцию литературного сообщества. В результате издание было прекращено в 1849 г. после выхода шестой части, хотя ранее редакция «Библиотеки для чтения» сообщала, что приобрела «от знаменитого автора» все десять частей его «Воспоминаний»³.

Тем не менее в истории отечественной литературы этот факт беспрецедентен: впервые в России известный писатель при жизни опубликовал воспоминания о себе. С одной стороны, «Воспоминания» явились закономерным итогом литературной деятельности Булгарина, «последней апелляцией к публике»⁴, попыткой откорректировать сложившуюся к этому времени репутацию. С другой – Булгарин как всегда чутко угадал современные литературные тенденции и читательские запросы.

Во-первых, к 1840-м гг. интерес широкого читателя сместился от активно развивавшейся в отечественной словесности в предшествующее десятилетие исторической беллетристики к мемуарам. К этому времени завершил свои воспоминания И. И. Дмитриев, появились мемуарные очерки С. Н. Глинки и Н. И. Греча, приступил к работе над мемуарами Ф. Ф. Вигель.

---

¹ Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.

² Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 4. 5 янв.

³ Библиотека для чтения. 1848. Т. 86. Отд. I. С. 165.

⁴ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1] // Финский вестник. 1846. Т. 7. Отд. V. С. 32.

Однако, даже будучи ориентированы на публику, в отличие от записок для себя и узкого круга читателей (о чем свидетельствует публикация в периодике), в виде авторского жизнеописания, выпущенного отдельным изданием, в соответствии с литературно-этическими понятиями эпохи и нормами книгоиздательского дела, эти мемуары увидели свет лишь после смерти их авторов⁵.

Во-вторых, появился культурный запрос на писательскую биографию, свидетельствующий о закреплении особого общественного статуса писателя. Булгарин полагал, что в начале 1830-х гг. А. Ф. Смирдин положил «первое основание новому сословию – сословию литераторов»⁶. Среди событий, легитимирующих новое сословие в общественном сознании, – первое празднование в феврале 1838 г. писательского юбилея (пятидесятилетия литературной деятельности И. А. Крылова), открытие памятников Г. Р. Державину в Казани и Н. М. Карамзину в Симбирске. Булгарин высоко оценивал заслуги Карамзина и причислял себя к писательскому поколению, созданному им.

Среди причин, вызвавших к жизни булгаринские мемуары, нельзя сбрасывать со счетов и изменившуюся общественную атмосферу, сопровождавшуюся усилением цензурного гнета: начало 1840-х гг. отмечено резкими конфликтами Булгарина с цензурой⁷, осложнением отношений с властными структурами. Так, в период хлопот (которые велись через графа А. Ф. Орлова) о разрешении печатать в «Северной пчеле» частные объявления Булгарин писал Н. И. Гречу 15 июня 1844 г.: «...я ни за какие блага в мире не пойду к графу О[рлову]. <...> Граф О[рлов] – быть может, человек прекраснейший, но я его вовсе не знаю, и чужд ему. Полагаю даже, что он из числа тех русаков, которые вменяют мне в *преступление* мою наполеоновскую службу <...>. Зачем же мне унижать седую голову мою, склоняя ее перед человеком, который не хочет или не умеет постигнуть тогдашнего моего положения?»⁸ Близко по духу и булгаринское письмо к Л. В. Дубельту от 21 ноября того же года⁹. Сложившиеся обстоятельства могли спровоцировать желание завершить «Воспоминаниями» литературную карьеру и окончательно осесть в своем прибалтийском имении Карлово под Дерптом.

Нельзя исключать и влияние на Булгарина его ближайшего соратника Н. И. Греча, опубликовавшего в 1830-х гг. несколько мемуарных очерков, в которых тот утверждал память как единственную оставшуюся творческую силу: «А мы, запоздалые, что создадим в камере-обсуре, действительно темной хранилище нашего воображения? <...> Все, что я ни делаю, о чем ни помышляю, сбивается у меня на воспоминания»¹⁰. Наконец, немаловажным биографическим моментом, инициирующим подведение итогов, мог быть пятидесятилетний юбилей Булгарина, пришедшийся на 1839 г.

К началу работы над «Воспоминаниями» Булгарин не был новичком в мемуаристике. В какой-то мере своеобразной подготовкой к ней стала его деятельность как автора некрологов, печатавшихся на страницах «Северного архива», «Литературных листков» и «Северной пчелы», в этом качестве он был хорошо известен читателю. Обращаясь в апреле 1845 г. к Л. В. Дубельту за материалами для биографии недавно умершего Н. С. Мордвинова, Булгарин, явно преувеличивая количество своих статей-некрологов, писал: «Судьба предоставила мне печальную обязанность быть биографом почти всех замечательных лиц, скончавшихся в России, в

⁵ Вигель Ф. Ф. Воспоминания Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1864–1865. Ч. 1–7; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866; Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886; Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895.

⁶ Булгарин Ф. О общепольном предприятии книгопродавца А. Ф. Смирдина // Северная пчела. 1833. № 300. 30 дек.

⁷ См. отражение этих событий: Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 244, 251, 272–276.

⁸ Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 399.

⁹ Видок Гилярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М., 1998. С. 467.

¹⁰ Греч Н. И. Воспоминания юности // Новогодник. СПб., 1839. С. 218.

течение 26 лет»¹¹. Некоторые статьи, посвященные знакомым Булгарину лицам, перерастали формальное жанровое задание, включая мемуарный элемент¹². В периодике не раз появлялись мемуарные сочинения Булгарина, представлявшие собой по преимуществу очерки-портреты исторических лиц, помещенные в картины быта и нравов эпохи¹³. По свидетельствам современников, ему удалось живо и точно запечатлеть характерные черты Карамзина, Грибоедова, Крылова. Вместе с тем его мемуарные очерки о выдающихся людях эпохи в силу своей жанровой природы предполагали открыто выраженное личностное начало, организующее воспоминание как текст, в итоге – отблеск славы и величия замечательных современников падал на Булгарина, вызывая негодование литературных противников и провоцируя многочисленные эпиграммы, вроде саркастических строк Вяземского: «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный...» (1845)¹⁴. Однако даже самым непримиримым критикам Булгарина нечего было противопоставить ему как мемуаристу – зачастую он оказывался единственным запечатлевшим облик ушедшего незаурядного человека. Такова была ситуация с возмущившим пушкинское окружение (и вызвавшим у Пушкина желание ответить) мемуарным очерком о Карамзине, названным В. Э. Вацуру «лучшим из современных рассказов об историографе»¹⁵.

Неизвестно точно, когда Булгарин начал работу над «Воспоминаниями». Возможно, что записки дневникового или мемуарного характера он вел и раньше, по крайней мере, об этом свидетельствуют описания событий многолетней давности и появившиеся на раннем этапе его литературной деятельности подзаголовки военных рассказов «из записок» или «из воспоминаний»¹⁶, но лишь в статье «Театральные воспоминания моей юности»¹⁷ можно увидеть предвестие будущего автобиографического проекта. Начало 1840 г. и границу нового десятилетия Булгарин отметил редакционной статьей о своем поколении как свидетеле знаменательной исторической эпохи: «Еще пролетит столько же времени, и на земном шаре останется едва несколько человек встречавших уже в зрелом возрасте Новый год нового века! Очевидное свидетельство превратится в предание, и в конце текущего века едва будут верить тому, что мы видели в первой его половине. <...> Мы не догадывались, что вступаем в век чудес и славы, когда детскою рукою писали впервые на школьной доске 1800 год!»¹⁸ Этот пассаж отзовется во Вступлении к «Воспоминаниям», мотивируя их задание: «Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных...». Из переписки Булгарина достоверно известно, что в 1843 г. работа над мемуарами уже велась¹⁹.

¹¹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 470.

¹² См., например: Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын отечества и Северный архив. 1830. № 1. С. 3–42; Воспоминания о Д. М. Княжевиче // Северная пчела. 1844. № 279. 8 дек.; Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 8, 9, 11, 12 янв.

¹³ См.: Встреча с Карамзиным // Альбом северных муз. СПб., 1828. С. 137–168; Как люди дружатся (из воспоминаний Ф. Б.) // Северная пчела. 1837. № 47. 2 марта.

¹⁴ Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 240.

¹⁵ Вацуру В. Э. Встреча (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуру В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135.

¹⁶ См.: Ф. Б. Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года (Из записок польского офицера, находящихся еще в рукописи) // Сын отечества. 1822. № 41. С. 13–20; Ф. Б. Невольное убийство: истинное происшествие (Отрывок из моих записок) // Северная пчела. 1825. № 78. 30 июня; Ф. Б. Ужасная ночь (Отрывок из рукописи «Военные рассказы и воспоминания») // Северная пчела. 1826. № 7, 8, 16, 19 янв.; Ф. Б. Опасность в чужой беде (Отрывок из рукописи «Воспоминания и проч.») // Северная пчела. 1826. № 110. 14 сент. В «Воспоминаниях об Испании», несмотря на название не являвшихся мемуарами, автор обещал читателю полное издание своих записок (Булгарин Ф. Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 31).

¹⁷ Булгарин Ф. Театральные воспоминания моей юности // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 9–29.

¹⁸ Беглый взгляд на время, протекшее между 1800 и 1840 годами (Воспоминание в Новый год) // Северная пчела. 1840. № 1. 2 янв. (Атрибутировано Булгарину А. И. Рейтблатом.)

¹⁹ См.: Письма Булгарина к Н. И. Шенигу // Рейтблат А. И. Указ. соч. С. 270–271.

Работал Булгарин быстро, интенсивность его литературного труда поразительна. Достаточно напомнить, что в те же самые годы, когда пишутся первые части «Воспоминаний», он издает «Северную пчелу», регулярно помещает в периодике свои статьи, совместно с Н. А. Полевым пишет для «Библиотеки для чтения» роман-фельетон «Счастье лучше богатства».

2

Приступая к «Воспоминаниям», Булгарин, безусловно, осознавал новизну и нетривиальность предпринимаемого им литературного шага. Архаичность поэтики – общее место при оценке булгаринского литературного наследия, однако нельзя не заметить, что и литературные новации он считывал едва ли не быстрее других, небезуспешно осваивая их. Наследник риторической эпохи, он чрезвычайно чуток к жанровым характеристикам произведений. В этом отношении принципиально уточняющее название, данное им своим мемуарам: «Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни». Такая форма позволяла избежать окончательных оценок героя, его жизненного пути и места в истории, а главное, давала возможность свободы как в отборе событий, так и в принципах организации повествования. Не случайно он согласился с определением своей мемуарной манеры как импровизационной²⁰. Впервые за долгий литературный путь Булгарин декларирует независимость от публики, претендуя на некоторую творческую свободу: «...не принимаю никакой обязанности перед публикою» (с. 50). Традиционная для него просветительская интенция – стремление сочетать добро, истину и пользу («излить чувства моей благодарности», «высказать несколько полезных истин», «представить подлинную характеристику моего времени») неожиданно корректируется субъективной установкой, коренящейся в самой психологии мемуарного творчества, открывающей новую грань авторской личности: «При воспоминании прошлого кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается и будто я молодею! <...> Пишу с удовольствием, потому что это занимает меня...» (с. 49).

Избранная жанровая форма не освобождала, однако, от поисков начала, придающего цельность биографическому нарративу, каковым предсказуемо оказывалась личность автобиографического героя, что предполагало внимание к «природе человеческой» и к социальной сущности человека. Первая, по мнению Булгарина, дает о себе знать в детские годы, а вторая принадлежит эпохе зрелости человека, его вступления в гражданское общество, следовательно, полагает он, принципы повествования не могут не учитывать этой разницы в частях, посвященных разным этапам становления героя. Иногда эти аспекты постижения личности остаются лишь декларированными, но именно они призваны собрать «отрывки» в единый текст. Необходимо было найти тот биографический сюжет, который восстановил бы целостность личности мемуарного героя, утраченную в глазах русского читателя Булгариным-литератором: широкая публика знала его как популярного писателя, в прошлом опытного военного, а для писательского литературного сообщества он давно стал репрезентантом петербургской торговой словесности, воплощением продажного журналиста. Выразительная деталь – летом 1840 г. на петербургской сцене шла пьеса Н. А. Полевого «Солдатское сердце», посвященная подвигу милосердия и терпимости, совершенному уланским офицером Булгаровым, прототипом которого послужил Булгарин, а осенью того же года публика смеялась над водевилем Ф. А. Кони «Петербургские квартиры»²¹, где в продажном журналисте Задарине столичному зрителю легко было узнать редактора «Северной пчелы».

Читатель был отчасти знаком с булгаринской биографией и благодаря его военным рассказам, не случайно Булгарин напомнил об этом во Введении. Предупреждая о характере

²⁰ См.: Греч Н. [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846] // Северная пчела. 1846. № 147. 4 июля.

²¹ Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Ч. IV. С. 3–42.

повествования, он по сути назвал типы исторического повествования, освоенные им в жанрах исторической прозы (документально-исторические очерки, военные рассказы как вид исторической беллетристики и отделяемую от них собственно мемуаристику – «повести, основанные на истинных событиях»), и заверил: «Вообще, в моих “Воспоминаниях” нет и не будет ничего *выдуманного мною*» (с. 50).

Беллетристический и мемуарный модусы изображения осознаются Булгариным как принципиально различные. При этом напряжение возникает именно в восприятии границы фикционального и мемуарного, от которого ожидалась историческая достоверность. Уже на раннем этапе своей литературной деятельности он считал необходимым пояснить жанровую природу военного рассказа, обратившись к читателю в специальном объявлении: «Один из отличных литераторов сделал мне вопрос: все ли приключения, описанные в статье под заглавием “Военная жизнь”, случились именно со мною? <...> в сей статье собраны различные приключения, *виденные* и слышанные, для составления, так сказать, панорамы военной жизни. Различные случаи относятся к одному лицу, единственно в той цели, чтобы соблюсти план сочинения, не разрывать повествования отступлениями. Одним словом, “Военная жизнь” есть *сочинение* для изображения того, что представляется офицеру перед фронтом во время сражения и что может с ним случиться в кампании. Но главные анекдоты основаны на истине»²².

Для адекватного воплощения замысла Булгарин попытался совместить уже освоенные им литературные практики с новыми. Обещанное в подзаголовках военных рассказов «воспоминание» наконец обрело жанровое воплощение. Новизна установки маркируется в тексте: «Иное дело литературная статья, иное дело рассказ очевидца или действовавшего лица, пишущего историю или правдивые записки. Расскажу теперь с историческою точностью то, что уже рассказано было с примесью литературных цветов» (с. 491). В мемуарах Булгарин «дебеллетризует» истории, знакомые читателям его рассказов. Наиболее известная – из эпохи Финляндской кампании, когда посланный арестовать шведского пастора девятнадцатилетний корнет Булгарин (в «Воспоминаниях» он добавил себе два года) из сострадания нарушил приказ, – подверглась двойной художественной перекодировке: положенная в основу военного рассказа «Прав или виноват?», она стала основой упоминавшейся пьесы Полевого «Солдатское сердце»²³, Булгарин же поместил вставной эпизод с тем же названием (в память о Полевом) в свои «Воспоминания», очистив его от «беллетристических цветов». Главными принципами создания мемуарного текста, таким образом, провозглашаются историческая достоверность и точность.

Однако проблемой стало как художественное воплощение этих принципов, так и обоснование самого права на подобное воплощение. Понимая, что делает предметом внимания читателей и критики свою частную жизнь, обстоятельства которой не раз являлись предметом эпиграмматических и памфлетных интерпретаций, Булгарин обосновывает свое право при жизни печатать подобное жизнеописание публичностью жизни литератора и опытом бывшего военного: «Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно, говоря с публикою ежедневно о всем близком ей; десять лет без малого не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму пройдя с оружием в руках всю Европу <...>. Вот права мои говорить публично о *виденном, слышанном и испытанном в жизни*» (с. 45).

Мемуарный сюжет должны были составить четыре тематических узла биографического повествования, восходящие к основным социальным ролям героя: польский шляхтич, боевой русский офицер, капитан французской службы, русский литератор. Из них, как известно, опи-

²² Ф. В. Объявление от издателя // Литературные листки. 1824. № 3. С. 72.

²³ Ф. В. Прав или виноват? // Северная пчела. 1840. № 81, 82. 10, 11 апр. Скорее всего, пьеса Полевого, как и рассказ Булгарина, были ответом на критику их литературной деятельности (в особенности упреки касались Булгарина) в «Berliner Figaro» (1840. № 80), см. появившуюся тогда же отповедь немецкому изданию: Журнальная мозаика // Северная пчела. 1840. № 82. 11 апр.

саны были лишь первые два – сюжетная линия, посвященная службе под наполеоновскими знаменами, отсутствовала в связи с прекращением издания, соответственно повествование не было доведено, несмотря на обещания, до эпохи литературной деятельности героя. Однако присутствие этого последнего, чрезвычайно значимого для биографии звена и связанной с ним творческой интенции весьма ощутимо. Можно без преувеличения сказать, что мотив вражды и зависти литературных конкурентов и противников, которому противопоставлено славное военное прошлое мемуариста, в значительной мере инициирует мемуарное повествование, построенное на столкновении двух основных поприщ героя – литератора и военного, с их отчетливой иерархией и оценочной окраской. Среди причин, побудивших приняться за мемуары, Булгарин, как и следовало ожидать, указал на толки вокруг его имени, порожденные борьбой литературных партий и интересов, обещая восстановить истину ссылками на очевидцев и письменные документы.

Уже в первом приложенном к основному тексту пояснении он привел документальные свидетельства о своем благородном происхождении из польского шляхетского рода Скандербеков, мотивируя это документальное включение литературно-полемическим контекстом, в котором создавалась его литературная репутация. Происхождение Булгарина было предметом иронии в эпиграммах, памфлетах и переписке пушкинского круга. Так, барон Е. Ф. Розен писал С. П. Шевыреву 16 декабря 1832 г.: «Сказывал ли вам Пушкин, что Булгарин домогается княжеского достоинства? Он утверждает, что он князь Скандербег-Булгарин!»²⁴ Полемика десятилетней давности между «литературными аристократами» и «торговой словесностью», в которой с «переходом на личности» публично выступили Булгарин и Пушкин, в 1840-е гг. приобрела иной характер и новых участников. Публичные критические выступления сменились непосредственной апелляцией к властям, при этом аргументация враждующих сторон, несмотря на некоторое стилистическое различие, оказывалась близкой. Темпераментный Булгарин, не стесняясь в выражениях, просил защиты от новоявленной аристократии «Отечественных записок» и «умолял о правосудии» председателя Петербургского цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова: «Никто более меня не уважает аристократии, потому что я сам рожден в ней и повит голубыми лентами, и я не виновен, что вековые аристократии разрушаются с падением государств и лишаются влияния в отечестве победителей! Но, воля ваша, я не могу признать аристократами шайки, издающей “Отечественные записки”, которая только изменяясь в лицах, всегда действует в одном духе, чтоб овладеть *кассой* русской литературы. <...> и кто же причисляет меня к плебеям? Краевский, Кони, Белинский. – Увы!»²⁵ В свою очередь, князь В. Ф. Одоевский в 1844 г. обращался с письмом к министру просвещения С. С. Уварову «не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину». Опасаясь неопытности цензоров и нападок Булгарина, Греча и Сенковского, он просил «принять под особое покровительство» свои сочинения «честного человека и дворянина», на которого особые обязанности налагает носимое им имя: «Я должен предохранить его от поругания всеми зависящими от меня средствами – оно принадлежит не мне одному, но всем членам моего семейства и, смею сказать, истории нашего отечества. Это имя я отдаю под вашу боярскую защиту, в полной уверенности, что моя просьба не будет напрасна перед вами, древним русским боярином»²⁶. Уваров учтиво отказал и успокоил, что цензоры опытные: «Давать наперед официальные предписания насчет будущих разборов сочинений одного отдельного писателя было бы неудобно и даже неблагоприятно для самого сочинителя...»²⁷.

²⁴ Из бумаг С. П. Шевырева // Русский архив. 1878. № 5. С. 48.

²⁵ Булгарин Ф. Письмо к М. А. Дондукову-Корсакову от 20 ноября 1841 года // ОР РНБ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–1 об.; фрагмент письма см. в: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь Одоевский. Мыслитель. Писатель. М., 1913. Т. 1, ч. 2. С. 421.

²⁶ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Прилож. С. 53–55.

²⁷ Там же. С. 56–57.

«Воспоминания» давали Булгарину возможность публично обосновать свою принадлежность к древнему дворянскому роду, отвести упреки в плебействе. Своим предком он считал легендарного героя албанского антиосманского освободительного движения Георгия Кастриоти, или Скандербег (1405–1468), о котором еще в 1822 г. поместил в издаваемом им «Северном архиве» историческую статью²⁸. Возможно, что эта версия является мистификацией. Ян Тадеуш Кшиштоф (Фаддей – его русифицированное имя) Булгарин действительно принадлежал по линии отца и матери, урожденной Бучинской, к старинным шляхетским фамилиям, владевшим поместьями в Великом княжестве Литовском и (по материнской линии) в коронной Польше. Среди предков Булгарина были известные, состоятельные представители рода и менее обеспеченная, но владевшая поместьями, как его родители, шляхта.

Вопрос о происхождении имел и другую, более сложную и проблемную сторону, связанную с национальной принадлежностью. В работе, посвященной теме польского происхождения Булгарина, А. И. Рейтблат отмечает, что в сформировавшейся к 1840-м гг. репутации Булгарина, обреченного балансировать «между двумя народами, полуполяком-полурусским, оставаясь чужим и тем и другим», закрепились характерные черты: среди поляков – «ренегата и предателя польских интересов, а среди русских – проводника польского влияния или в лучшем случае человека, не знающего и не любящего Россию»²⁹. Попытка научно осмыслить эволюцию многосоставной (польско-литвинской и российско-имперской) идентичности Булгарина предпринята в работах белорусского исследователя А. И. Федуты и польского историка П. Глушковского³⁰, которые убедительно показали, что взгляды Булгарина на положение Польши и роль поляков в российской империи были устойчивы; будучи литвином, а не «короняжем» по своей идентичности, Булгарин «боролся за Польшу во время наполеоновских войн, популяризировал польскую культуру в России и даже пытался жить “по-польски” в своем лифляндском имении. Однако его польскость не исключала других идентичностей. С детства он был подданным Российской империи, которую также считал своим отечеством»³¹.

Симптоматично, что, начав работу над «Воспоминаниями», Булгарин посчитал необходимым обосновать свою идентичность публично. В статье под названием «Русские письма» он предложил свой взгляд на славянское племя «русь, или русины», потомком которого себя считал³². Указав, что принадлежит к одной из древнейших («боярских») фамилий литовско-белорусского дворянства, которое до XVII в. «до такой степени привязано было к своей православной вере и к своему языку *руському*, что никоим образом не хотело смешиваться с поляками, и польское правительство в публичных актах называло всегда тамошнее дворянство не иначе, как *русская шляхта*», он представил в доказательство два фамильных документа XVI в. из Литовской метрики. Эта точка зрения на историю Великого княжества Литовского была для Булгарина принципиальной. Государство, жители которого «называли себя *русинами* и страну свою *Русью*», как полагал Булгарин, «всегда имело противоположное с Польшею политическое стремление». Реализацией таких же стремлений представляется ему создание централизованного Московского государства: «Иоанн III предупредил то, что противу Восточной России замыслили литовские князья: уничтожил все уделы в Великой России, свергнул татарское иго и основал *Русское Царство* из областей *Великой России*, оставив своим потомкам права

²⁸ 50.20. [Булгарин Ф. В.?] Кастриот, названный Скандербегом // Северный архив. 1822. Ч. II. № 9. С. 161–180; № 10. С. 243–255.

²⁹ Рейтблат А. И. «Поляк примерный» // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 175.

³⁰ Федута А. И. Перамога і паразда здравага сэнсу, або вяртанне Булгарына // Булгарын Ф. Выбранае / Укладанне, прадмова і каментар А. Фядуты. Мінск, 2003. С. 5–42; Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013.

³¹ Глушковский П. Указ. соч. С. 63, 91.

³² Русские письма Ф. Б. // Северная пчела. 1843. № 254–256. 11–13 нояб.

на присоединение *Малой России* к основанному им Царству, что и исполнилось постепенно. Нынешняя Малая Россия присоединена к Великой России в XVII веке, а Русь *Литовская* в исходе XVIII века»³³. Вот почему тогда же Булгарин писал о Суворове, разгромившем польских повстанцев, что ему «принадлежит вся честь и слава этой войны, вследствие которой присоединено к России ее древнее достояние – Белоруссия!»³⁴

Таковы были к моменту создания «Воспоминаний» публично декларируемые взгляды Булгарина на свою идентичность в большом историческом времени, положенные им в основание мемуаров.

3

Очевидное для мемуариста стремление запечатлеть уходящую эпоху, вписав себя в нее не только как свидетеля, но и как участника событий, потребовало от Булгарина решения сложной художественной задачи, осваиваемой тогда русской литературой, – сопряжения в повествовании биографического и исторического начал. Эта цель дает о себе знать в компоновке материала, сочетающего мемуарное повествование, основанное на личном опыте, с очерково-историческим, и в композиционном членении – четком соотнесении этапов личной судьбы с историческими вехами. Год рождения героя «ознаменован началом переворота, ниспровергнувшего древнюю французскую монархию <...> изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки» (с. 51), первая часть завершается превращением Тадеуша в кадета Фаддея и смертью императора Павла I; в финале второй Россия вступает в войну в составе очередной антинаполеоновской коалиции, и герой, ставший уланским офицером, отправляется в свой первый военный поход; манифестом, объявляющим войну Швеции, заканчивается третья часть, и Финляндская кампания, в которой участвует Булгарин, становится содержанием следующих частей. Любопытно, что крушению военной карьеры героя в последней части предшествует глава, рассказывающая о реформах в России и деятельности М. М. Сперанского, пережившего несправедливые гонения, композиционно рифмуя испытания, выпавшие на долю мемуариста и государственного деятеля.

Художественную целостность первым двум частям «Воспоминаний» придает сюжет, в основе которого становление личности ребенка, вырванного вихрем исторических событий из счастливой семейной обстановки, привычной религиозной и национальной среды. Обычно русские мемуаристы, предшественники Булгарина, не уделяли серьезного внимания детству и юности, игнорируя их роль в формировании личности³⁵. Детский наивный взгляд, сквозь призму которого показана жизнь героя, все время корректируется позицией объективно-очеркового повествования, создающей исторический фон происходящего, углубляя и делая более многомерной картину жизни мемуариста. В то же время организующая текст авторская точка зрения задает рамки, ограничивающие собственно историческое повествование: вводя его лишь в той мере, в какой исторические события соотносимы с жизнью повествователя.

В результате Булгарину удалось воссоздать живые и полнокровные картины жизни белорусской провинции, входившей в Великое княжество Литовское, в период исторических потрясений, органично соединив исторический очерк и описание национальных нравов и характеров

³³ Там же // Северная пчела. 1843. № 256. 13 нояб.

³⁴ Булгарин Ф. В. Суворов. СПб., 1843. С. 89.

³⁵ Так, у И. В. Лопухина детству и юности посвящены две страницы мемуаров (см.: Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990), а И. И. Дмитриев даже специально отметил, что уделил некоторое внимание этому периоду, полагая, что это может быть любопытно коллегам-литераторам (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 281). Симптоматично, что мемуарный очерк С. Н. Глинки, посвященный его кадетскому детству, появляется в том же 1845 г., см.: Корпусные воспоминания (Из записок С. Н. Глинки) // Журнал Министерства народного просвещения. Прибавл. 1845. Кн. 1. Отд. литературное. С. 3–28.

с интимно окрашенными воспоминаниями о матери, сестрах, погибшем в вихре политических событий прямодушном и вспыльчивом отце (отметим, что восходящая к воспоминаниям Греча версия о том, что отец Булгарина «убил (не в сражении) русского генерала Воронова и был сослан на жительство в Сибирь»³⁶, не находит подтверждения³⁷). Рассказывая о бедствии, постигшем его семью, распавшуюся после ареста отца, Булгарин указывает на биографические истоки той философии опытности и благоразумия, которую он выстрадал, но которой не следовали ни его отец, ни он сам в юности. Запечатленный в мемуарах опыт сиротства, завязывающий главные узлы жизненного сюжета, перекликается с опытом романых героев Булгарина – Ивана Выжигина и Александра Опенкова.

Судьба рода Булгариных вписана в историческое повествование о причинах падения Польши. Гроза, разразившаяся над семейством, после чего оно «разбилось навсегда», совпадает со сменой эпох государственного правления – началом павловского времени. Восстановление справедливости после двенадцатилетнего процесса, в результате которого было отменено решение, приведшее к изгнанию семьи из родового имения Маковищи, предстает как свидетельство возможности правосудия в составе империи, ставшей единственным гарантом прав и собственности для присоединенных западных областей.

Одна из важнейших сюжетных сцен первой части – спасение беззащитных женщин и ребенка русским капитаном Палицыным (любопытно, что Палицын – капитан Фанагорийского гренадерского полка, бывшего в самом центре кровавых событий при взятии Праги, предместья Варшавы, менее чем за год до происходящего), в ней – предвестие русской судьбы мемуариста, позволяющее снять заведомо негативные коннотации с его «отступничества». Уважение к польским обычаям, языку, быту – все это олицетворяет Палицын, заслуживший благодарность гордого отца. Отношения польско-белорусского семейства с русским офицером и его грендерами предстают, таким образом, в трактовке Булгарина аналогом отношений Польши и России: добро, заступничество, опека и помощь сильных способны привязать гордые сердца. Малолетний герой, готовый по приказу Костюшки рубить врагов, признается, что «полюбил лихих русских солдат», те же в свою очередь пророчат: «Этот будет наш!» По сути, своеобразное «крещение» в «свои» уже состоялось, однако действительность потребует повторного прохождения обряда и все новых подтверждений верности: «Крестить Костюшку в русскую веру!» – кричат кадеты, бросая в снег маленького Фаддея (с. 125).

Вместе с тем отношение Булгарина к потере Польшей государственности в «Воспоминаниях» предстает не столь однозначным, как это декларировалось им в текстах иной жанровой природы (газетных статьях, записках в III отделение). С одной стороны, он признавал историческую неизбежность этого процесса, считая, что поляки «проболтали Польшу», что истинно благородные и мужественные из них «пламенно желали перерождения своего несчастного отечества и утверждения в нем порядка на основании прочных законов и наследственной монархической власти» (с. 55–56). С другой – в рассказе (с сочувствием к полякам) очевидца польского восстания генерала фон Клугена, бравшего Прагу, передал ужас от резни и гибели мирных жителей. Композиционное решение «Воспоминаний» таково, что, несмотря на авторские заверения о тщетности усилий («сила соломѹ ломит»), нельзя не посочувствовать полякам. Тема судьбы Польши и польской идентичности героя, с колоритным описанием прежней жизни польских магнатов, историй графа Валицкого и Карла Радзивилла, польского Петербурга, проходит через все повествование, а в последней, шестой части она обретает особую значимость, заставляя героя сделать выбор, определивший его судьбу.

³⁶ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.: Л., 1930. С. 666.

³⁷ Среди русских генералов Вороновых (или имевших близкую по звучанию фамилию) нет ни одного убитого в годы детства Булгарина, см.: Волков С. В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2010. Т. 1. С. 292–295.

Повествование о годах военной молодости усложняет задачу мемуариста, поскольку, в отличие от детских лет, этот период его жизни должен быть осмыслен как принадлежащий общественному движению эпохи. По мере развития мемуарного сюжета расширяется исторический фон повествования, усиливается внимание к внешнеполитическим обстоятельствам, причинам наполеоновских войн, участником которых суждено было стать молодому офицеру Булгарину. Основной принцип, избранный автором, довольно прост – чередование эпизодов «исторических» и «частных». Подробное описание военных событий, политических реалий с опорой на авторитетные для того времени исторические источники сменяется эпизодами, описывающими те сражения, участником и очевидцем которых он был, живо и достоверно передающими атмосферу войны: остроту ощущений от первого боя, первой увиденной рядом смерти, первого ордена, а затем переход от ярких, оставшихся в памяти боевых событий к военным будням. В историю жизни повествователя вписаны очерки-портреты примечательных личностей Александровской эпохи: тех, кто создавал ее дух, и тех, кто сыграл значительную роль в жизни повествователя. «Воспоминания» богаты вставными новеллами, автора заботит не столько достоверность рассказанного, сколько стремление передать атмосферу времени, толки, идеи и увлечения, которыми жило общество. «Справедливо ли это происшествие или нет – не мое дело. Так рассказывали тогда» (с. 377), – характерная мотивировка для введения очередной истории. Умение передать атмосферу времени, представить «предметы с точки зрения, с которой тогда на них смотрели» (с. 259), и составляет, по мнению Булгарина, истинное достоинство мемуаров. В этом он близок и своему постоянному оппоненту П. А. Вяземскому, в поисках «живых отражений» эпохи, как полагала Л. Я. Гинзбург, культивировавшему «сплетню, как особо острый и личный материал»³⁸, и Ап. Григорьеву, который ввел в оборот понятие «веяний» времени. Таким образом, правда в мемуарном повествовании принципиально осознается как исторически ограниченный, принадлежащий описываемой эпохе угол зрения. За этой позицией – признание неповторимости каждой эпохи и самоценности жизненного пути отдельной человеческой личности, заслуживающей жизнеописания.

Вопреки представлению о Булгарине как о «большом сочинителе» (как иронически именовал его Греч)³⁹, он вряд ли грешит неточностями более других мемуаристов. Достаточно сравнить булгаринскую характеристику Ф. Толстого-Американца с посвященным ему фрагментом в мемуарах А. И. Герцена («Былое и думы», ч. 2, гл. XIV). Герцен к тому же приводит историю, поразительно напоминающую характером событий, участников и деталей булгаринское «Солдатское сердце»: у Герцена действие приурочено к событиям польского восстания 1831 г., соответственно, герои – молодой русский жандармский офицер и жена польского помещика-повстанца с ребенком («Былое и думы», ч. 2, гл. XI). Вряд ли стоит задаваться вопросом о заимствовании – мемуаристика часто «кодирует» жизнь при помощи готовых беллетристических сюжетов. Особенность булгаринского таланта «бытописателя» в этом и заключалась: повседневно-эмпирическое оборачивалось художественным (по крайней мере считывалось широким читателем как таковое) благодаря сюжетному узнаванию, не нуждаясь в сложных трансформациях и смысловых приращениях. Возможно, здесь берет начало эффект многочисленных зеркальных отражений. Н. Л. Вершинина обратила внимание на связь булгаринской мемуаристики с традицией литературного анекдота, близкого жанрам «справедливой» и «полусправедливой» повести⁴⁰. «Правдивые» истории отражались в текстах не только Булгарина или Полевого, но и Герцена, оставаясь в своей основе анекдотом о «чувствительном солдате», изменившем приказу из милосердия и из-за прекрасных женских глаз.

³⁸ Гинзбург Л. Вяземский-литератор // «Младоформалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб., 2007. С. 149.

³⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 675.

⁴⁰ См.: Вершинина Н. Л. Одиссея Булгарина // Булгарин Ф. В. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Л. Вершининой. М., 2007. С. 24–25.

Судя по всему, Булгарин обладал незаурядной памятью, об этом свидетельствуют и характер ошибок при цитировании, и отзывы современников, и полемика с Полевым по поводу упоминания в «Воспоминаниях» синодского объявления о Наполеоне: Булгарин передал характер и стиль этого объявления, но не его «букву», Полевой же всячески намекал, что он искажил суть этого документа, перепутав с афишками Ростопчина, которых не мог знать, не побывав в занятой французами Москве⁴¹. В надежде на память многие фрагменты Булгарин писал, как признавался В. А. Ушакову, «сплеча», «прямо набело»⁴², иногда не утруждая себя проверкой цитат. Так, он приписывает карамзинские строки «Гони натуру в дверь, она влетит в окно!» И. И. Дмитриеву, стихи В. К. Тредиаковского «Плюнь на суку / Морску скуку!» – своему знакомому по Кронштадту, бывшему моряку и литератору А. Ф. Кропотову. Вместе с тем было бы неверным вполне согласиться с Гречем, который, характеризуя эту манеру Булгарина, резюмировал: «Он писал с большою легкостью, что называется сплеча, но легкомыслие его было еще больше. Никогда, бывало, не справится с источником или действительностью какого-либо случая, а пишет как в голову придет»⁴³. Сохранившиеся письма Булгарина к разным лицам хранят многочисленные просьбы отыскать те или иные сведения для его «Воспоминаний». Так, с помощью сотрудника Публичной библиотеки и «Северной пчелы» И. П. Быстрова он пытался установить точный источник эпиграфа, который взял у Греча в его «Истории русской литературы»: «Помнится мне, что впервые употребил это изречение покойный А. Н. Оленин в своем разыскании о Тмутараканском камне», – писал он из Карлова и просил уточнить, начал или кончал этим изречением свое сочинение Оленин⁴⁴; к А. В. Висковатову обращался за биографическими справками о Л. Л. Беннигсене и Ф. Ф. Буксгевдене и консультировался по вопросам военной истории⁴⁵.

После появившихся критических откликов на первые две части Булгарин сделал принцип свободного обращения с эмпирическим жизненным материалом демонстративным. Приведя ходившие в Петербурге в 1805 г. стихи в честь Багратиона, он заметил: «Не помню, были ли эти стихи напечатаны, и не хочу справляться. Я удержал их в памяти и привожу не в истории, а в своих собственных “Воспоминаниях”» (с. 270). Критические замечания Н. А. Полевого были восприняты им болезненно: какая разница, полагал он, убит ли был во время сражения герцог Брауншвейгский или смертельно ранен и умер через несколько дней, и каковы точный маршрут и хронология передвижений Хвостова и Давыдова? Главное, казалось ему, – мемуарам удалось передать дух времени и непосредственное восприятие исторической эпохи.

Этой задаче служила и система авторских примечаний, включающих как постраничные сноски, так и пояснения, и приложения. Приложения к первой части, представляющие собой переработанные газетные тексты XVIII века, воссоздавали атмосферу Екатерининской эпохи, среди приложений ко второй Булгарин поместил письма В. М. Головнина к П. И. Рикорду из японского плена – уникальные документы, опубликованные полностью лишь в 2016 г. Очевидна и другая их функция: документальные свидетельства делали Булгарина не только очевидцем, но и активным участником истории, легитимируя его в этом качестве. С этой целью были помещены письмо от адъютанта витебского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского с высокой оценкой великим князем Константином Павловичем сочинений Булгарина, ноты «Марша русской гвардии 1807 года», записанные, как утверждал Булгарин, с его голоса, приложена составленная им карта Финляндской кампании. Опыт издателя и журналиста позволил

⁴¹ См. в настоящем издании рецензию Полевого на «Воспоминания» Булгарина.

⁴² Письма Ф. В. Булгарина // Русская старина. 1909. № 11. С. 349.

⁴³ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 696–697.

⁴⁴ Булгарин Ф. В. Письма к И. П. Быстрову // ОР РНБ. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 33. Оленин, действительно, завершил свой труд этой цитатой, см.: Оленин А. Н. Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамань в 1792 году. СПб., 1806. С. 28.

⁴⁵ Булгарин Ф. В. Письма к А. В. Висковатову // ОР РГБ. Ф. 53. Карт. 6338. Ед. хр. 1. Л. 213–215.

Булгарину, используя многосоставность текста, с включением в качестве приложений документов эпохи, создать новаторское для своего времени мемуарное повествование.

Как опытный журналист, он умел не только сопрягать различные жанровые установки, объединенные личностью повествователя, но и включать уже написанное и опубликованное в мемуарное целое, избегая автоповторов. Достаточно сравнить упоминавшиеся «Театральные воспоминания моей юности» и мемуарный фрагмент той же тематики во второй части «Воспоминаний», чтобы увидеть, как театральный очерк, включающий скудные сведения о драматурге В. А. Озерове и трагическом актере А. С. Яковлеве, развернут в обширный мемуарный сюжет. В составе «Воспоминаний» этот сюжет, посвященный русской сцене и русскому театру периода его становления и увлечения им мемуариста и всего русского общества, корреспондирует с набирающим силу мотивом большого «европейского театра», режиссируемого Наполеоном и Александром I, в котором предстоит стать участником мемуаристу. Театральность предстает неким началом, раскрывающим суть эпохи наполеоновских войн: ей отвечают и описания боев, и описания характеров, и портреты героев. Участниками большой театрально-исторической игры оказываются не только Наполеон и Александр, колоритные Кульнев или Казачковский, легендарные друзья-моряки Хвостов и Давыдов, но и товарищи Булгарина, уланские корнеты, а те, кому отказано в выходе на историческую сцену, превращаются, как А. С. Яковлев и Г. И. Жебелев, из скромных гостинодворских сидельцев в знаменитых театральных актеров, потрясающих сердца публики.

Театрально-живописный принцип, безусловно, не мог не заявить о себе в наиболее традиционной в этом отношении области поэтики: при создании картин сражений и портретов полководцев и военачальников. Таково риторически избыточное описание начала Фридландского сражения. Вместе с тем Булгарину удастся преодолеть риторическую заданность благодаря точному воспроизведению событий этого боя с точки зрения непосредственного участника, неопытного корнета: «Мы пошли вперед, обогнули лес и увидели сильную пыль. Это были свежие войска, шедшие к маршалу Мортье. Кавалерия прикрывала их движение и стояла, спешившись, перед деревню. Лишь только мы показались на опушке леса, во французской кавалерии затрубили тревогу, и она двинулась шагом. Противу нас были драгуны и знаменитые кирасиры. Здесь мы впервые встретились с ними. Надобно сказать правду, что вид этих кирасиров, на огромных лошадях, в блестящих латах, с развевающимися по ветру конскими хвостами на шишаках, производил впечатление. Но мы так быстро ударили на них, что не дали им опомниться и прогнали их за деревню. В погоне наши уланы многих кирасиров и драгунов ссадили с лошадей пиками. Я также был в атаке с своею пикой <...>. Но когда мы, прогнав французов за деревню, остановились, я был так измучен, что едва мог держать пику в руках. Отломив острие, я спрятал его в чемодан, на память, и бросил древко. Пика была не по моим силам и утруждала меня». Выразительная деталь, придающая особую достоверность изображению, — опека молодого корнета опытными уланами, повторяющими: «Не горячитесь, ваше благородие! Берегитесь, чтоб лошадь не занесла вас в середину французов! Не выскакивайте вперед!»» (с. 328).

«Истина страстей, правдоподобие чувствований» (Пушкин) на исторической сцене, засвидетельствованные участником действия, обретают, по мнению Булгарина, свою несомненную ценность. Отвечая на критические упреки, он уточнил свое мемуарное кредо в Предисловии к третьей части: «Может быть, иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу, потому что, желая представить верный очерк прошлого времени, я говорю так, как мы думали тогда, как верили тогда, и представляю предметы с той точки зрения, с которой тогда на них смотрели» (с. 259). Подтверждение верности избранного мемуарного принципа, не искажающего исторической достоверности, он увидел в совпадении собственного взгляда на исторические события с их трактовкой у А. И. Михайловского-Дани-

левского, автора только что вышедшего «Описания второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах» (СПб., 1846).

Кроме того, что видел сам, он умел, как профессиональный журналист, опираясь лишь на источники и воображение, восстановить картину, свидетелем которой не был. Некоторые детали из описания воссозданного Булгариным в мемуарах (с опорой на рассказ Михайловского-Данилевского⁴⁶ и французские источники) Аустерлицкого сражения, в котором он не участвовал: обращение к уланам перед атакой шефа полка великого князя Константина Павловича («Ребята, помните, чье имя вы носите! Не выдавай!»), пленение Е. И. Меллера-Закомельского («Пуля ударила ему в грудь и скользнула по Владимирскому кресту. Удар лишил его дыхания, и в это время на него наскочили французские гусары и стали рубить»), огромные шляпы русских офицеров, служившие противнику мишенью («французские офицеры кричали своим застрельщикам: “<...> стреляй в шляпы!”» (с. 211, 212)) – были высоко оценены современниками⁴⁷ и вошли в исторические работы как свидетельства очевидца⁴⁸.

Иногда такая повествовательная стратегия (прежде всего в беллетристике) оказывалась художественно неубедительной и вызвала справедливую критику⁴⁹. Вместе с тем она была не лишена определенного эффекта, заставляя читателей и по сей день считать, что Булгарин участвовал в описанных им осаде Сарагосы и переходе через Кваркен или побывал с наполеоновскими войсками в Москве, превращая его тексты в источники биографических реконструкций. Парадоксально, но именно наличие «чужого» взгляда, в чем упрекают Булгарина, дает эффект подлинности, достоверности описанного. Во всяком случае, в верности избранного подхода Булгарин не раз убеждался благодаря отзывам ветеранов наполеоновских войн. Так, однополчанин Т. Л. Старжинский, поблагодарив его за «Воспоминания», особо подчеркивал их правдивость: «Фаддей Венедиктович достиг, однако, своей цели. Его строки напомнили мне нашу молодость. Я с моим взглядом вторгнулся в город Фридрихсбург»⁵⁰.

Несмотря на провозглашенный отказ от вымысла, движение мемуарного сюжета Булгарин, несомненно, строит как опытный беллетрист. Эквивалентом беллетристическому является не только отказ от близкого к дневниковому изложения событий, но и их специфический, преследующий определенную цель отбор, позволяющий сделать повествование увлекательным. Отсюда пуантировка каждой части при помощи вводных историй, носящих характер анекдота, военного рассказа на бивуаке, необыкновенного или фантастического происшествия. Булгарин не скрывает своей профессиональной способности в любом измерении жизни обнаружить ее беллетристический потенциал, превратить жизненную эмпирику в литературу.

Так, очевиден романический модус рассказа о старой родственнице пани Онюховской, видевшей Карла XII и Петра I: «...и если б Литва имела своего Вальтера Скотта, то Русиновичи и вотчинница этого имения непременно играли бы роли в историческом романе» (с. 99), – замечает автор, к этому времени приобретший славу «русского Вальтера Скотта». Рассказ – необходимый пуант, перебивающий повествование о военных событиях: «В армии носилось множество на этот счет анекдотов. Расскажу один, за достоверность которого не ручаюсь, но

⁴⁶ А. И. Михайловский-Данилевский прислал Булгарину по его просьбе «правдивый рассказ об Аустерлице» и событиях, сопровождавших битву, см. об этом: Русская старина. 1905. № 4. С. 216.

⁴⁷ См.: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846–1848. Пять частей] // Военный журнал. 1848. № 6. С. 144.

⁴⁸ См., к примеру: Богданович М. И. История царствования императора Александра I: В 6 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 69; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Уланского ее величества императрицы Александры Федоровны полка: В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 58–59.

⁴⁹ Шевырев С. П. Итальянские впечатления / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. СПб., 2006. С. 99. См. также критический отзыв В. Н. Майкова об «импровизации», которая заставляет сомневаться в правдивости мемуаров Булгарина [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1847. Ч. 3] // Отечественные записки. 1847. Т. 50. Отд. VI. С. 65).

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Д. 109. Л. 1. Цит. по: Глушковский П. Указ. соч. С. 111.

которому мы тогда верили» (с. 306). Эту функцию выполняли приключения самого корнета Булгарина, известные читателю по его военным рассказам. В третьей части военные события обрамляются анекдотами из жизни князя К. Радзивилла, шпионской историей с баронессой Шарлоттой Р., приключением в маскарade с маской-мертвецом, основанным на приеме разоблаченной фантастики. Арсеналом воспоминаний становятся умело используемые тексты эпохи: устные истории, слухи, произведения других авторов. Однако в подобной установке крылась угроза превращения мемуаров в разновидность хорошо известной читателю булгаринской фельетонистики, что подметил и саркастически обыграл в рецензии на шестую часть «Воспоминаний» рецензент «Библиотеки для чтения». Остроумно пересказав историю о диком французе и совместных приключениях с ним «почтеннейшего Фаддея Венедиктовича», он сделал убийственный вывод: «Из “Воспоминаний” Фаддея Венедиктовича о России в этом томе история супругов Кабри – самый любопытный “отрывок виденного, слышанного и испытанного в жизни”»⁵¹.

Создается впечатление, что Булгарин в своих во многом новаторских художественных поисках как будто останавливался перед неким пределом, преодоление которого, возможно, привело бы к подлинным открытиям. Его мемуары при внимательном чтении обнажают механизм памяти, отбирающей мемуарные факты по особым законам. Так, вспоминая Петербург своей юности, он не только включает в описание известные и характерные архитектурные приметы, но и упоминает дома, с которыми его связывает особенный характер воспоминаний: к примеру, дом Меншиковых, известный салоном Жуковского и Воейковых (к хозяйке салона Александре Воейковой («Светлане») Булгарин, по свидетельствам современников, испытывал нежные чувства)⁵². Однако наметившийся принцип сюжетного повествования, следующего за тем, что отбирает память, и связанная с этим рефлексия не получают развития. Повествование остается в тесных границах и в запоминающейся истории об убийстве воспитателем своего воспитанника и осужденных за это убийство невинных людей, которая словно намечает тему «Достоевский и Булгарин»: дворник умер в каторге, сын хозяина – под розгами, а возвращенный через многие годы после открывшейся правды отец попросил для компенсации очередной чин.

Подлинный психологизм, глубокое постижение человеческого характера остались вне творческих возможностей Булгарина даже на уровне портрета, тяготеющего к превосходным степеням и штампам: обычно глаза его героев блестят как алмазы или пылают как уголья, а все женские персонажи оказываются необычайными красавицами. Я. К. Грот предлагал при переиздании булгаринских «Воспоминаний» сопроводить их «галереей прекрасных женщин», встреченных автором⁵³. Было бы преувеличением вслед за некоторыми рецензентами, современниками Булгарина, говорить о вкладе его мемуаров в движение русской прозы к психологизму⁵⁴, трудно представить, что его мемуары создавались в те же годы, что и первый роман Достоевского.

4

Особое место в воспоминаниях Булгарина занимает непопулярная у современников Русско-шведская война 1808–1809 гг., получившая название Финляндской кампании. Это

⁵¹ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Часть шестая] // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. VI. С. 42–43.

⁵² См.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 649; см. также запись от 9 июня 1821 г. в дневнике О. М. Сомова (Вацуро В. Э. С. Д. П. : Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 124).

⁵³ См. статью Грота в настоящем издании.

⁵⁴ См.: Греч Н. [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846]; см также: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. 3 части. Статья I] // Сын отечества. 1847. Т. 2. Кн. 3. Отд. 6. С. 22–41.

вызвано, с одной стороны, отсутствием внимания к войне, заслоненной 1812 годом, с другой – чрезвычайно значимым опытом личного присутствия. Специалист по истории Финляндии генерал М. М. Бородкин считал, что в своих мемуарах Булгарин одним из первых попытался «вызвать эту войну к бессмертию»⁵⁵. Еще в 1823 г. он опубликовал военный рассказ, посвященный одному из ее драматических эпизодов⁵⁶, позднее как рецензент высоко оценил статью «Извлечение из записок генерал-майора Д. В. Давыдова. Финляндская кампания 1808 года»⁵⁷, напечатал в «Северном архиве» анонимный «Отрывок из журнала похода в Финляндии 1808 года»⁵⁸. О Финляндской кампании Булгарин рассказывал в своих исторических очерках «Переход русских через Кваркен в 1809 году»⁵⁹ и «Завоевание Финляндии корпусом графа Николая Михайловича Каменского в 1808 году»⁶⁰.

Очерк «Завоевание Финляндии...», вошедший позднее в четвертую часть «Воспоминаний», был первым развернутым повествованием на русском языке о присоединении Финляндии к России, при этом Булгарин указал, что в описании хода событий опирался на первую историю войны, вышедшую в 1827 г. на французском языке, принадлежавшую П. П. Сухтелену. Среди других источников Булгарин назвал материалы, полученные от А. А. Закревского⁶¹, бывшего адъютанта командующего корпусом графа Н. М. Каменского, и переписку главнокомандующего графа Ф. Ф. Буксгевдена времен Финляндской кампании 1808 г., хранившуюся в булгаринском архиве (скорее всего, также полученную через Закревского).

На характер изложения военных событий, сопряжения общих сведений и личного взгляда оказала влияние высоко оцененная Булгариным военная проза Д. В. Давыдова. Авторская установка Давыдова в его очерке «Воспоминание о Кульневе в Финляндии»: «Я пишу не историю, следственно не беру на себя обязанности вызывать эту войну к бессмертию. Писатель-наездник, я и тем буду доволен, если записки мои напомним товарищам моим очаровательные минуты нашей юности и мечты, и надежды честолюбия, и опасности, на которые мы бросались, и кочевья, и беседы оссиановские у пылающих пней, под пасмурным небом»⁶², – безусловно, близка Булгарину, он воспользовался аргументами Давыдова.

Наконец, ко времени работы Булгарина над «Воспоминаниями» вышла история Финляндской войны, принадлежащая А. И. Михайловскому-Данилевскому⁶³, что дало возможность периодически отсылать читателя к этому труду и соотносить собственное повествование с официальной военной историей. Однако, даже следуя за Михайловским-Данилевским, Булгарин в то же время корректировал его трактовку сведениями из других источников и собственными воспоминаниями.

Так, он оказался более точен в описании событий августа 1808 г. при Алаво, несколько раз в течение лета взятого русскими: сначала отрядом Н. Н. Раевского, затем отрядом полковника И. М. Эриксона, выбитым шведами, и после этого 13 (25) августа корпусом Н. М. Каменского. Будучи вместе со своим эскадром участником этого броска на Алаво отряда под началом Каменского, Булгарин точно указал последовательность событий. Михайлов-

⁵⁵ Бородкин М. М. История Финляндии 1801–1825. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 293.

⁵⁶ Булгарин Ф. Смерть Лопатинского. Эпизод войны в Финляндии 1808 г. (Военный рассказ) // Сын отечества. 1823. № 30. С. 151–162.

⁵⁷ Ф. Б. [Рец. на: Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Ч. I. М., 1824] // Литературные листки. 1824. № 5. С. 183.

⁵⁸ Северный архив. 1826. Ч. 21. № 9. С. 3–34; № 10. С. 109–146.

⁵⁹ Булгарин Ф. В. Сочинения: В 10 ч. СПб., 1827. Ч. 1. С. 163–181.

⁶⁰ Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. Изд. 2-е, испр. СПб., 1830. Ч. 12. С. 81–167.

⁶¹ Об отношениях Булгарина с А. А. Закревским см.: Дорожные впечатления Ф. Б. // Северная пчела. 1854. № 47. 23 февр.

⁶² Давыдов Д. В. Воспоминание о Кульневе в Финляндии. (Из военных моих записок) 1808-й год // Сын отечества. 1838. Т. 3. Отд. III. С. 165–166.

⁶³ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841.

ский-Данилевский, в свою очередь, учитывал мемуарные свидетельства Булгарина как участника войны. К примеру, в описании поведения графа Каменского во время битвы при Оровайсе 2 (14) сентября 1808 г., приведя его обращение к уставшим бойцам после боя⁶⁴, Михайловский-Данилевский явно следовал за упоминавшимся очерком Булгарина «Завоевание Финляндии...», который первым описал это сражение, причисленное им «к знаменитейшим подвигам русского оружия в XIX столетии» (с. 484–485).

Булгарин, как участник похода, рассказал о сложнейших географических условиях, в которых осуществлялась кампания, приложив к четвертой части карту Финляндии периода войны. Не мог он скрыть и случаев ожесточения с обеих сторон. Ему довелось стать свидетелем жестокости местных жителей, но рассказал он и об ответных действиях со стороны русских: во время высадки шведов под Вазой, когда жители города поддерживали шведов, русские солдаты расправились с ними и «подняли город на царя» (с. 418).

Позиция очевидца давала иногда образцы энергичной, глагольной, «пушкинской» прозы: «Мы въехали на рысях во двор. Ворота были отперты: пастух выгонял стадо в поле. В одну минуту дом был окружен. Спешившиеся уланы стали со стороны сада. Что никто не выйдет из дома, в том я был уверен, потому что ставни и двери тогда только растворились, когда часовые уже были расставлены. Я вошел в дом. В зале встретил меня довольно пожилой человек почтенного вида в утреннем сюртуке» (с. 449).

Описание военных эпизодов, не попавших в труды современных ему военных историков и не отраженных другими мемуаристами, придает дополнительную ценность булгаринским мемуарам. К их числу относится рассказ о сложнейшем походе объединенного отряда под командованием полковника И. В. Сабанеева, в состав которого входили и два эскадрона улан. Отряд выступил из Куопио 8 (20) июля 1808 г. для подкрепления корпуса Н. М. Каменского и соединения с полковником Е. И. Властовым, составлявшим авангард бывшего отряда Н. Н. Раевского, положение которого к этому времени было критическим из-за развернувшегося в Финляндии партизанского движения. По охваченному партизанской войной, зачастую непроходимому для кавалерии краю и был совершен этот бросок: «Когда мы вышли за город, Иван Васильевич Сабанеев перекрестился и сказал: “С нами Бог!” <...> Чем далее мы шли вперед, тем более встречали ненависти к нам <...>» (с. 436, 454). «Воспоминания» воссоздают масштабную картину партизанской войны, существенно уточняя сведения о размахе партизанского движения в Финляндии⁶⁵. При этом булгаринские мемуары, содержащие выразительные примеры нравственной стойкости и благородства финнов, остаются редким свидетельством симпатии и уважения и к завоеванным финнам, и к храбро сражавшимся шведам.

Современными авторами наиболее востребованы булгаринские мемуарные портреты командиров и офицеров⁶⁶, среди которых М. Б. Барклай-де-Толли, Н. М. Каменский, А. И. Гудович, А. А. Закревский, Я. П. Кульнев, А. И. Лорер, Ф. О. Паулуччи, И. В. Сабанеев. Особое внимание Булгарин уделил Барклаю-де-Толли, включив в книгу посвященный ему обширный биографический очерк и рассказав о любви к генералу-остзейцу простых солдат, – для Булгарина принципиально, что России служили не только коренные русские⁶⁷. Другой важнейшей фигурой этой войны для него, безусловно, является граф Н. М. Каменский, которому, по словам Булгарина, «принадлежит вся слава покорения Финляндии» (с. 465). В «Воспоми-

⁶⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. С. 248–255.

⁶⁵ Ср. мнение, что партизанской войны не было и что это миф, созданный историками: Кяйвярайнен И. И. Международные отношения на Севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 5 и далее.

⁶⁶ См., к примеру, новейшие биографии, вышедшие в серии «ЖЗЛ»: Анисимов Е. В. Генерал Багратион: Жизнь и война. М., 2008; Нечаев С. Ю. Барклай-де-Толли. М., 2011.

⁶⁷ В романе «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) Булгарин одним из первых в русской литературе предпринял попытку объективного изображения непопулярного полководца.

ниях» Булгарин повторил приведенную в его очерке «Завоевание Финляндии...» характеристику знаменитого полковника Гродненского гусарского полка Я. П. Кульнева, утверждая, что «Кульнев был правою рукою и глазом графа Каменского в Финляндскую войну» (с. 474). К воспоминаниям о Кульневе он обращался и в путевом очерке, содержавшем портрет Кульнева: «Он носил длинную гусарскую куртку, с черными шнурками и широкие казацкие шаровары. На плечах у него была бурка, а на голове вместо фуражки красный шерстяной колпак, какие носят финские крестьяне»⁶⁸. Скорее всего, этот булгаринский очерк послужил поводом к публикации Д. В. Давыдовым, близко знавшим Кульнева, упоминавшегося выше очерка «Воспоминание о Кульневе в Финляндии», в котором Давыдов возразил некоему мемуаристу (не называя его по имени), что Кульнев не носил казацких шаровар, а носил одежду форменную, но не офицерскую, а рядового гусара, однако на голове любил носить что-нибудь странное: финский колпак, скуфью, ермолку и т. п.⁶⁹

Не всегда сверявшийся с необходимыми источниками Булгарин порой допускал ошибки, в особенности когда писал об участниках событий, с которыми не был знаком. Так, он перепутал погибшего под Иденсальми князя М. П. Долгорукова с его старшим братом – Петром Петровичем, участником переговоров с Наполеоном накануне Аустерлицкого сражения, смешав в своем рассказе обоих братьев⁷⁰. Что, собственно, и не мудрено: главы, посвященные Финляндской войне, содержат около 180 имен участников этой кампании. Нельзя не поразиться цепкой памяти Булгарина и не быть благодарным ему за сохраненные в мемуарах имена участников войны и малоизвестные обстоятельства их гибели, как это происходит, например, в рассказе о погибших вместе друзьях – прапорщиках Егерского полка Павле Вильбоа и Антоне фон Штапельберге. Как нельзя проигнорировать и весьма своеобразный мемуарный пласт, представленный слухами того времени; кроме того, что они передают неповторимый «воздух» эпохи, за ними угадывается реальный фон событий этой войны. К примеру, слухи, ходившие в лагерях обоих противников, о «золотой бомбе», взорвавшей неприступный Свеаборг, намекавшие на подкуп и измену коменданта крепости вице-адмирала К. Кронштедта, или история о дуэли со смертельным исходом Ф. И. Толстого-«американца» с прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка А. И. Нарышкиным. В этот контекст вписываются и упоминавшиеся вставные новеллы о приключениях корнета Булгарина, в которых беллетристические сюжеты как бы «возвращены» автором военно-исторической реальности.

Любопытно, что неправдоподобные приключения мемуариста нередко оказывались правдой. Такова, казалось бы, совершенно «литературная» история о знакомстве во время кампании с пасторским сыном и неожиданной встрече с ним спустя долгое время в 1838 г. Ко времени своего путешествия по местам, где ему довелось воевать в молодости, Булгарин был уже хорошо известен как писатель в Финляндии и Швеции, в переводе на шведский язык вышли не только его популярные романы, но и очерки, посвященные событиям Финляндской кампании, на страницах периодики печатались «Опасная ночь в лесу», «Смерть Лопатинского», «Переход русской армии через Кваркен в 1809 г.», вызвавшие отклики читателей, поэтому финская общественность в Гельсингфорсе дала обед в честь посетившего Финляндию Булгарина. Пасторский же сын стал к этому времени известным профессором-историком А. И. Арвидссоном,

⁶⁸ Булгарин Ф. В. Путевые записки в поездку из Дерпта в Белоруссию весною 1835 года // Северная пчела. 1835. № 189. 24 авг.

⁶⁹ Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 187.

⁷⁰ Тем не менее племянник Петра и Михаила Долгоруковых П. В. Долгоруков в письме к Булгарину от 18 октября 1848 г., указав на его ошибку, писал: «Чтение Воспоминаний ваших доставило мне истинное наслаждение. <...> Я поражен был истиною, которою проникнуты у Вас события и характеры. Читая книгу Вашу, можно забыть: кажется живешь в ту эпоху, видишь деятелей времени и беседуешь с ними всеми» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 270).

о теплой встрече с ним при посещении шведской Королевской библиотеки Булгарин рассказал в книге путевых очерков⁷¹.

Булгарин, на протяжении долгих лет на страницах «Северной пчелы» учивший русских любви к отечеству, чем вызывал негодование своих оппонентов, конечно же, не избежал в своих мемуарах исторической оценки событий. Причины войны, по его мнению, были вызваны необходимостью расширения границ, «довершением великого подвига бессмертного Петра». Отметим, что Булгарин задолго до К. Ф. Ордина, автора труда «Покорение Финляндии» (СПб., 1889), размышлял именно о покорении Финляндии⁷². Иллюстрацией служит приведенный им анекдот о П. К. Сухтеленe и императоре Александре I перед картой Европы, на которой Сухтелен прочертил желательную границу России со Швецией – «от Торнео к Северному океану». Этот анекдот позволяет Булгарину высказать мнение, «что еще перед Тильзитским миром император Александр уже помышлял об утверждении русской границы на большем расстоянии от Петербурга. Тильзитский мир представил случай к довершению начатого Петром Великим, и император Александр должен был воспользоваться сим единственным случаем» (с. 390). Для обоснования своей позиции Булгарин включил в повествование обширный исторический очерк Финляндии и ее взаимоотношений со Швецией, в котором утверждал, что у завоеванной Финляндии благодаря широкой внутренней автономии открываются новые возможности в составе Российской империи. Будучи участником наполеоновских войн в Испании, он указал на разницу двух завоевательных войн и счел нужным рассказать о терпимом отношении некоторых финнов к завоеванию русскими, объяснив их позицию стремлением сохранить главное – веру и обычаи. Имплицитная отсылка к историческому опыту поляков в этом случае очевидна. Теперь он сам принимал участие в аннексии чужой территории и не мог не испытывать потребность оправдать эти действия какими-то разумными доводами исторического или политического характера. Это своеобразное сверхзадание обнаруживает себя на разных уровнях текста: не только в апелляции к историческому контексту, размышлениях мемуариста, но и в сюжетных ситуациях – таков собственно рассказ о символическом соперничестве с Арвидссоном.

Имперская позиция Булгарина-мемуариста резко выделялась на фоне распространенной точки зрения, выраженной Н. М. Карамзиным, считавшим, что завоеванием Финляндии Россия пожертвовала «честью, справедливостью» и «нравственным достоинством великой империи», «заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов», и Ф. Ф. Вигелем: «В первый раз еще, может быть, с тех пор как Россия существует, наступательная война против старинных ее врагов была всеми русскими громко осуждаема, и успехи наших войск почитаемы бесславию»; «русские видели в новом завоевании своем одно только незаконное, постыдное насилие»⁷³. Для Булгарина, пережившего трагедию раздела Польши, завоевывавшего для России Финляндию, для наполеоновской Франции Испанию, воевавшего под знаменами Наполеона за независимость Польши, присоединение Финляндии виделось не таким драматичным. Не скрывая трагедии войны, он тем не менее разделял, а, скорее, в годы работы над мемуарами и не мог не разделять официальный имперский пафос.

Ценность мемуарных свидетельств Булгарина о Финляндской кампании безусловна, поскольку позволяет уточнить представления не только об исторических реалиях этой войны, но и о реакциях на нее общественного мнения, более сложных, нежели это представляется на первый взгляд. Тем более что «Воспоминания» отличает весьма редкое сочетание официаль-

⁷¹ Булгарин Ф. В. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839. Ч. 2. С. 111–113.

⁷² Ср. мнение современных исследователей о том, что до Ордина «принято было писать либо о *русско-шведской*, либо о *финляндской* войне, но ни одному из авторов, включая непосредственных участников боевых действий, не пришло в голову говорить о *покорении Финляндии*» (Такала И. Р., Соломещ И. М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов // Российская история. 2009. № 3. С. 67).

⁷³ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 55–56; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 450, 473.

ной имперской идеологии с подлинной и искренней авторской толерантностью, отмеченной современниками и сохраняющей свое значение: недаром в конце XX в. финны издали книгу сочинений Булгарина под названием «Солдатское сердце», в которую вошли его воспоминания о Финской войне (снабдив их картой, указывающей маршруты булгаринских военных походов) и очерки о посещении мест боевой молодости⁷⁴. «Книга понравилась читателям, и финское консульство, пока находилось в Тарту, даже взяло на себя расходы по уходу за могилой ее автора»⁷⁵.

Финляндская кампания для Булгарина – это эпоха не только славы русского оружия, но и его собственной воинской славы, дающей право быть русским журналистом и писателем, несмотря на сложившуюся отрицательную литературную репутацию. Военный опыт для него, как и для других литераторов, призванных в литературу после эпохи наполеоновских войн, оказывался опытом причастности к большой истории и давал право на биографию. В последнее десятилетие своей жизни Булгарин все более позиционирует себя как старый воин на покое – сложившейся литературной репутации он мог противопоставить только репутацию ветерана минувшей военной эпохи.

5

Неизвестно, что послужило причиной прекращения работы над воспоминаниями, тем более что Булгарин не исключал возможности продолжения⁷⁶. Наиболее вероятна версия, что он решил оставить мемуары после строгого выговора императора за напечатанную в 1848 г. в июньском номере «Библиотеки для чтения» главу, включающую биографию и характеристику М. М. Сперанского⁷⁷, которого Булгарин считал редким примером образцового государственного деятеля в России и к которому относился с неизменными уважением и восхищением. В «Воспоминаниях» Сперанский представлен «истинным европейцем», идеальной личностью, способной сочетать любовь к отечеству и глубокую религиозность с подлинной толерантностью: «Россию Сперанский любил выше всего в мире, и только человечество ставил выше отечества <...>. Он был вовсе чужд предрассудка, который порождает ненависть или недоброжелательство к иноплеменникам или чужезычным племенам» (с. 597–598). Дело было не в том, насколько точен мемуарист и насколько доверял ему Сперанский (сомнения в этом высказала дочь Сперанского, с опровержением достоверности воспоминаний о Сперанском вскоре выступил М. А. Корф⁷⁸) – суть возмущения Николая I состояла в том, что Булгарин судил о том, о чем не имел права судить. В нескольких пунктах выговора настойчиво подчеркивалась недопустимость и неуместность воспоминаний и суждений частного лица о событиях и действиях государственного уровня: «Может ли частный человек распределять за эпоху столь еще к нам близкую и таким диктаторским тоном славу государственных подвигов между монархом и его подданными», – негодовал император⁷⁹. Возможно, высочайшим читателем был понят и намек Булгарина, отсылающий к истории взаимоотношений Сперанского и Алек-

⁷⁴ *Bulgarin F. Sotilaan sydän: Suomen sodasta Engelin Helsinkiin.* Helsinki, 1996.

⁷⁵ *Салтыков М. Ф. В. Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее.* Таллинн, 2000. С. 159.

⁷⁶ Так, в пятой части (гл. 5) при упоминании И. Ф. Паскевича и М. С. Воронцова он замечал: «О них я буду говорить в свое время и докажу их искреннюю любовь к просвещению и литературе», такое же обещание в этой главе относилось к А. И. Тургеневу, и к А. Е. Измайлову в «Северной пчеле»: «В моих “Воспоминаниях” я скажу о А. Е. Измайлове больше» (*Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела.* 1849. № 142. 30 июня).

⁷⁷ См.: Цензура и Булгарин 1848–1851 гг. // *Русская старина.* 1871. Т. IV. № 11. С. 520–523.

⁷⁸ См. об этом: *Корф М. О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского* (статья опубликована в настоящем издании).

⁷⁹ Цензура и Булгарин 1848–1851 гг. С. 520.

сандра I: Булгарин в мемуарах сравнил Сперанского с Агриколой, описанным Тацитом, который, рассказывая о последних днях несправедливо подвергшегося гонению Агриколы, осудил лицемерие и притворство принцепса Домициана.

Выговор императора заставлял быть осторожнее в отборе и оценке лиц и событий, тем более что дальнейшие тома «Воспоминаний» предполагали воспроизведение и оценку еще более близкой эпохи, события которой были к тому же связаны с участием Булгарина в военных действиях в составе наполеоновской армии – в новых условиях, на фоне прокатившейся в 1848 г. волны европейских восстаний подобные воспоминания были неуместны, поэтому Булгарин счел за благо прервать публикацию после шестой части, завершавшейся прибытием героя в Париж⁸⁰. Можно предположить, что мысль о продолжении мемуаров не оставляла его. По крайней мере, в 1854 г. он обещал рассказать о литературном быте 1820-х гг. и своих взаимоотношениях с русскими литераторами, «если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до тома моих *Воспоминаний*, в котором будут изложены литературные мои отношения»⁸¹.

Возникли и проблемы иного порядка, связанные с конфликтностью стратегий, направленных на создание образа мемуарного героя. В стремлении запечатлеть отношения личности и истории, деятельного субъекта и обстоятельств «Воспоминания» обнажили конфликт верноподданнической идеологической интенции и зачастую противоречащего ей жизненного сюжета. Искренность интонации не могла преодолеть осторожности в отборе биографического материала, явных умолчаний и ретуши в изображении некоторых событий, желания укрыться за официальными реляциями или авторитетными мнениями. «Современник» справедливо отмечал, что в шестой части «Воспоминаний» пропадает сюжетная связь, «все делается как бы по шучьему велению», читатель остается в недоумении, каким образом мемуарист «очутился в Кронштадте после службы своей в уланском полку», «по какой причине он оставил Кронштадт, куда переселился», почему «прожил почти год в Лифляндии и Эстляндии»⁸². Столкновение автобиографического героя с враждебными обстоятельствами в шестой части мемуаров кодировалось через призму оптимистического авантюрно-приключенческого сюжета, с привычной сменой ролей: «сиротка» – храбрый корнет – молодой человек, подверженный страстям и заблуждениям. Такое эклектическое соединение различных авторских позиций – беллетриста и историка, Вальтера Скотта и очевидца – «не сплеталось» в целостный сюжет судьбы, который не давался Булгарину. Это особенно заметно в последней части, где начинает отчетливо звучать тема карточной игры и сопряженных с ней фортуны, случая, увлекающих героя. Булгарин отводит себе в этой игре роль «романтического игрока-понтера», умеющего держать удары судьбы, подниматься и вновь идти ей навстречу. Уже в подзаголовке его мемуаров была намечена отсылка к жизненной философии, прочитывающей жизненный путь как вращение колеса Фортуны, цепь случайностей, связанных с чередованием удач и неудач, при этом провоцирующих активность человека (согласно пословице «всяк своего счастья кузнец»). Сказав «с этого времени начинаются мои странствования», Булгарин «перешел Рубикон», поскольку нельзя было не заметить, что мемуарно-биографическая история сбивается на похождения его знаменитого героя Ивана Выжигина⁸³. Круг замкнулся: Пушкин в памфлете «Несколько слов

⁸⁰ В одной из своих газетных публикаций он еще раз напомнил о себе как о русском офицере (а не французском капитане), рассказав о радостной встрече в Дерпте с уланским полком, следовавшим на подавление восстания в Венгрии, с которым ему когда-то довелось сделать кампании в Пруссии и Финляндии (Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 135. 20 июня).

⁸¹ Северная пчела. 1854. № 12. 16 янв.

⁸² [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1849. Ч. 6] // Современник. 1850. Т. 19. № 1. Отд. V. С. 7, 10–11.

⁸³ На авантюрное начало мемуарного героя Булгарина и его жизненной мотивации как центральное для понимания «Воспоминаний» обратил внимание анонимный рецензент «Финского вестника» (см.: [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1, 2] // Финский вестник. 1846. Т. 7. Отд. V. С. 36, 42; Т. 8. Отд. V. С. 53).

о мизинце г. Булгарина и о прочем» уже написал «ядовитый» конспективный сюжет «Настоящего Выжигина»; для того чтобы сделать его «настоящим», оспорив Пушкина, нужна была гениальность – Булгарин предпочел замолчать.

Оценка этого, возможно, наиболее интересного булгаринского сочинения его современниками заслуживает специального внимания.

Отклики на первые две части «Воспоминаний» в большинстве были отрицательны. Так, «Современник» не нашел «ничего <...> нового в книге как явлении художественном и даже как явлении литературном»⁸⁴. В рецензиях преобладали ирония в адрес Булгарина, дерзнувшего сделать свою «сомнительную» в нравственном отношении личность предметом прижизненного жизнеописания, и стремление уличить его в фактических и исторических неточностях. Особенно усердствовал в «Литературной газете» периодический его то союзник, то враг Н. А. Полевой⁸⁵, чью рецензию подробно пересказали «Отечественные записки»⁸⁶. Похвала польским главам у критически настроенных рецензентов была призвана подчеркнуть поляцизм автора, оттенить беспомощность Булгарина в описании русских реалий и лишить его права на воспоминание о русской истории и русских страницах его жизни.

Первым высоко оценил выход «Воспоминаний» своего товарища Н. И. Греч, вписав их в европейскую и слабо формирующуюся отечественную мемуарную традицию, представленную в основном рукописями (записки Я. П. Шаховского, С. А. Порошина, И. В. Лопухина). Сверх «интереса исторического и литературного» отметив в булгаринских воспоминаниях «интерес психологический», Греч справедливо указал: «В этой разнообразной и подвижной картине всего примечательнее характеристика лиц, с которыми автор был в сношениях или которых знал по современной наслышке»⁸⁷.

Самый резкий отзыв принадлежал В. Г. Белинскому, автору «злого и увлекательного», по словам Н. А. Некрасова, памфлета, написанного для апрельского номера «Отечественных записок» (1846). Без обиняков намекнув на то, что причиной публикации мемуаров при жизни может быть только корыстный интерес, Белинский далее всей своей статьей постарался развенчать «правдолюбие» Булгарина, скомпрометировать его в глазах публики, повторив слухи о плагиате и компиляциях, собрав многочисленные примеры фактических ошибок булгаринских изданий и процитировав большинство неблагоприятных отзывов о Булгарине. Этой же цели служил и довольно краткий в сравнении с объемом всей статьи разбор «Воспоминаний», призванный доказать, что весь образ жизни семьи Булгариных, все обстоятельства детства и юности мемуариста способны были сформировать характер человека, лишенного чести и чувства собственного достоинства; при этом критик допустил неуместный выпад по поводу родovitости Булгарина и недостойные намеки в адрес его матери. Характер этой рецензии повлек за собой ее цензурный запрет⁸⁸ и появление без подписи в майском номере «Отечественных записок» переработанного варианта⁸⁹, отредактированного с учетом требования цензуры. Однако и в этой редакции рецензия сохранила заданный ей Белинским характер, оставшись образцом того, что называли тогда «литературной тактикой». Рецензии «Отечественных записок» на последующие части булгаринских мемуаров после ухода из журнала Белинского сохранили

⁸⁴ [Плетнев П. А.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 1.] // Современник. 1846. Т. 41. С. 136.

⁸⁵ См. рецензию Н. А. Полевого в настоящем издании.

⁸⁶ Библиографические и журнальные известия // Отечественные записки. 1846. Т. 44. Отд. VI. С. 82–89.

⁸⁷ Греч Н. [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина: В 2 ч. СПб., 1846].

⁸⁸ Цензоры А. Л. Крылов и А. И. Мехелин доносили в цензурный комитет: «Автор этой статьи предположил разобрать не собственно сочинения г. Булгарина, а более методу действий его на литературном поприще <...>. Цензоры сомневаются, может ли быть допущена к печати такая статья, в основание которой положена не критика сочинений, а разбор действий литератора самый укоризненный» (цит. по: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 785).

⁸⁹ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. 2 части.] // Отечественные записки. 1846. Т. 46. № 5. Отд. VI. С. 40–53; то же: Белинский В. Г. Указ. соч. С. 702–712.

избранную тактику⁹⁰ и приобрели характер, сблизивший их с худшими образцами булгаринской «доносительной» журналистики: Булгарина упрекали в незнании русской жизни, критическом отношении к «нашей православной Руси, которая, вопреки всем неверным описаниям, как незаходящее солнце блистает между европейскими державами»⁹¹, и к русским полководцам.

В развернувшейся полемике вокруг «Воспоминаний» обратили внимание и на их литературные достоинства. «Москвитянин» вынужден был признать, что мемуары Булгарина – «книга занимательная и хорошо написанная», и отдавал ей предпочтение «пред всеми французскими произведениями, наводняющими нашу литературу»⁹². Затем появилась рецензия в «Сыне отечества», редактируемом К. П. Масальским⁹³, в которой «Воспоминания» Булгарина рассматривалась как проявление обострившегося интереса к человеческой индивидуальности, закономерное стремление современного человека «создать» свою биографию. Автор рецензии Е. Ф. Розен полагал, что даже противники Булгарина не могут отказать мемуарам в увлекательности, необычайной живости характеров, психологизме в передаче детских впечатлений и редкой толерантности авторской позиции. Прочитав сцену приезда молодого офицера после первых военных походов в родной дом, начавшуюся с посещения им семьи еврея-корчмаря, когда-то спасшего семью Булгарина (ради чего герой надевает парадную форму), рецензент заключал: «Эти сцены заставляют звучать самые тонкие и глубокие струны сердца <...> здесь мы не хвалим автора – мы его благодарим»⁹⁴.

Пожалуй, больше других из всех разделов булгаринского жизнеописания повезло мемуарам о Финляндской кампании. «Воспоминания» стали источником многочисленных ссылок на Булгарина-мемуариста военных историков, обращавшихся к истории Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и Уланского его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полка. Для этой группы читателей Булгарин был прежде всего опытным военным, прошедшим несколько войн, а не «продажным журналистом», чья репутация сложилась в литературной полемике эпохи. Со многими офицерами, бывшими участниками наполеоновских войн, у Булгарина сохранялись добрые отношения, лишь некоторые из них разделяли позицию, характерную преимущественно для литераторов. Дружеские отношения связывали его не только с сослуживцами по Финляндской кампании, но и с воевавшими в Отечественную войну, среди которых были и литераторы: Ф. Н. Глинка, Р. М. Зотов, В. А. Ушаков. Любопытная деталь: бывший участник Отечественной войны, член партизанского отряда под началом знаменитого А. С. Фигнера К. А. Бискупский, приславший в конце 1840-х гг. редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому свои воспоминания о партизанской войне, предлагал использовать свои заметки как материал для истории партизанского движения, поручив их «ученым военным» – Ф. Глинке или Ф. Булгарину: «...они бы сумели сделать интересное, любопытное и дельное родное, русское, а не переводное издание...», – писал он⁹⁵. Не случайно, что от упреков в искажении военных событий, неверном изображении характера Барклая-де-Толли и оскорблении русских, предъявленных «Отечественными записками»⁹⁶, Булгарина защитил «Военный

⁹⁰ См.: [Полевой К. А., Краевский А. А.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1848. Ч. 4 и 5] // Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. VI. С. 105–115; [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1849. Ч. 6] // Там же. 1849. Т. 67. С. 98–106.

⁹¹ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1848. Ч. 4 и 5] С. 107–108).

⁹² [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846. 2 части] // Москвитянин. 1846. Ч. III. № 5. С. 191. Высокая оценка мемуаров Булгарина на страницах «Москвитянина» осталась неизменной, см.: II. П. Русская словесность в 1846 году // Там же. 1847. Ч. I. № 1. С. 154; [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1849. Ч. 6] // Там же. 1850. Ч. II. № 8. С. 24–26.

⁹³ [Розен Е. Ф.] [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина] // Сын отечества. 1847. Т. 2. Кн. 3. Отд. VI. С. 22–41; Кн. 4. Отд. VI. С. 1–28.

⁹⁴ Там же. Кн. 4. Отд. VI. С. 28.

⁹⁵ Бискупский К. А. Письма к А. А. Краевскому // Давыдов Д. Дневник партизана. СПб., 2012. С. 227.

⁹⁶ [Полевой К. А., Краевский А. А.] Указ. соч. С. 108–111.

журнал», писавший о достойном изображении офицеров и полководцев, в особенности Барклая, в сочинении, «написанном во славу России и русского оружия» и по самому содержанию своему «близком русскому сердцу»⁹⁷.

Среди положительных откликов самой неожиданной оказалась сдержанная и снисходительная похвала, появившаяся на страницах недавно перешедшего в руки И. И. Панаева и Н. А. Некрасова «Современника». Отказываясь от прежних принципов литературной борьбы, редакция журнала демонстрировала новую, лишенную групповых интересов позицию. Указывая на бедность русской литературы мемуарами, «Современник» утверждал, что любое произведение, сохранившее черты прошедшего времени, достойно внимания, поэтому мемуары Булгарина теперь виделись «довольно приятным явлением в нашей литературе», незаслуженно подвергнутым критике, не заметившей достоинств этого сочинения, проявившихся в изображении характеров («Один портрет полковника Пурпура, сохраненный для потомства г. Булгариным, чего стоит!»), «подробностей частной жизни белорусских поляков», исчезнувших черт ушедшего времени, в «дельных взглядах на дела и людей минувших лет»⁹⁸. Тактический характер этой статьи «Современника» не был ни для кого секретом: разногласия его редакции с «Отечественными записками» Краевского получили публичную огласку.

У перегруппировки литературных сил была скрытая сторона, свидетельством чему и стала история, связанная с рецензией обновленного «Современника» на мемуары Булгарина. После смерти Белинского и обнаружения рукописи его рецензии опубликованный вариант был назван Н. Х. Кетчером (редактором посмертного издания «Сочинений» Белинского) «какой-то странной переделкой»⁹⁹. Дело в том, что написанная Белинским рецензия значительно отличалась от ее печатного варианта и содержала не снисходительную, а действительно высокую оценку булгаринских «Воспоминаний». Белинский, противореча своему первоначальному отзыву, выступил против нападок критиков на мемуары Булгарина, объясняя их «личным ожесточением против автора этой книги», в то время как в ней «гораздо больше достоинств, нежели недостатков»¹⁰⁰. Среди этих достоинств он отметил мастерство в создании характеров, живые исторические подробности, талантливое изображение нравов старой Польши, заключив: «Ничего подобного нельзя найти ни в какой другой книге, по крайней мере, до сих пор»¹⁰¹. П. В. Анненков полагал, что рецензия Белинского отражала резкую перемену в умонастроении критика в последние два года его жизни и была отредактирована в неприемлемом для него направлении В. П. Боткиным¹⁰². Б. В. Мельгунов показал, что жесткая редакторская правка принадлежала Некрасову¹⁰³. Возможно, что на переоценку булгаринских мемуаров смертельно больным Белинским повлияла та роль, которую сыграл Булгарин в заботе о семье и памяти недавно умершего Полевого, о чем вскоре стало известно в литературных кругах: «На этот раз никто не укорял Булгарина за его мнимую близость к шефу жандармов», – вспоминал П. П.

⁹⁷ [Рец. на: Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1846–1848. Пять частей] // Военный журнал. 1848. № 6. С. 162–164.

⁹⁸ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 413–414; то же: Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 141–143.

⁹⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 440.

¹⁰⁰ Еще в 1846 г. в письме к А. И. Герцену он жаловался: «... ругаю Булгарина, эту самую бранью намекая, что Краевский прекрасный человек, герой добродетели. Служить орудием подлецу для достижения его подлых целей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а в качестве холопа подлеца № 1, – это гадко» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 12. С. 253).

¹⁰¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 85–86.

¹⁰² См.: П. В. Анненков о В. Г. Белинском: письма к А. Н. Пыпину // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 551; Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 322–323, 597.

¹⁰³ Мельгунов Б. В. Некрасов – редактор Белинского // Русская литература. 1995. № 2. С. 139–142; см. также: [Редакторская версия статьи В. Г. Белинского «Воспоминания Фаддея Булгарина»] // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. 13, кн. 2. С. 97–120, 517–519.

Каратыгин¹⁰⁴. Реальная помощь Булгарина заставила по-иному посмотреть на его далеко не одномерную личность, разрушая привычные стереотипы.

Этот эпизод обнажает драматизм совмещения журналистом выстраданных личных убеждений с литературной тактикой репрезентируемых им периодических изданий. Анненков писал о предпринятой редакцией правке статьи Белинского: «Редакция имела некоторое моральное право желать такой переделки. Во-первых, никто не был приготовлен к подобному нарушению всех традиций либеральной журналистики, связывавшей с некоторыми литературными именами множество вопросов, которые только *полемически* (курсив Анненкова. – Н. А.) и могли быть поднимаемы в печати и которые давали этим именам значение *символов* (курсив мой. – Н. А.), для всех понятных и не требовавших дальнейших разъяснений...»¹⁰⁵. Единственный пример высокой оценки лучшего из булгаринских сочинений авторитетным критиком не стал фактом литературной жизни, а значит, и литературной репутации Булгарина, переместившись в область историко-литературных реалий, доступных лишь исследователю. Символический характер этой репутации не могли поколебать никакие вновь публикуемые документы¹⁰⁶. К концу 1850-х гг., в условиях общественного подъема, имя Булгарина в литературном мире «стали употреблять в замену бранного слова, в смысле нарицательном или, правильнее, порицательном»¹⁰⁷. Смерть Булгарина в сентябре 1859 г. прошла незамеченной.

6

В любом случае, несмотря на незавершенность мемуарного замысла, Булгарин сделал, казалось бы, беспроигрышный ход: он вписал свою личность в живую ткань эпохи, воссоздав в мемуарном повествовании ее подвижную, ускользающую и уже ушедшую в небытие атмосферу. Его воспоминания сохранили для истории не только интереснейшие страницы знаменитых военных кампаний и военных будней, но и имена участников этих событий (достаточно взглянуть на именной указатель настоящего издания). «Самая занимательная вещь в каждом месте – люди», – полагал Булгарин¹⁰⁸. Польские магнаты и шляхтичи, боевые русские генералы и безвестные сослуживцы – мемуары запечатлели облик этих людей, обстоятельства их жизни и гибели в сражениях. Некоторые страницы булгаринских мемуаров кажутся знакомыми, поскольку давно уже разошлись в многочисленных работах по военной истории, истории Петербурга, культуры и быта начала XIX в.¹⁰⁹, причем не всегда с указанием источника: нередко при цитировании Булгарина в положительном контексте вместо его имени указывалось «один современник» или «публицист Николаевской эпохи»¹¹⁰.

В истории восприятия личности Булгарина русской культурой отчетливо прослеживается действие культурных механизмов, игнорирующих неоднозначность и индивидуальные особенности его литературной фигуры, факты, которые не укладываются в сложившийся биографи-

¹⁰⁴ Каратыгин П. П. Северная пчела. 1825–1859 // Русский архив. 1882. Кн. 2. № 4. С. 290.

¹⁰⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 323.

¹⁰⁶ К примеру, попытки дать объективную интерпретацию материалов о Булгарине, предпринимавшиеся усилиями П. А. Ефремова, Т. А. Сосновского, Н. К. Пиксанова и др. на страницах «Русской старины», где с 1871 по 1905 г. публиковались материалы из архива Булгарина.

¹⁰⁷ Каратыгин П. П. Указ. соч. С. 241.

¹⁰⁸ Булгарин Ф. В. Морские купальни на берегу Балтийского моря в Западных губерниях: (Отрывки из прогулки по Ливонии Ф. Б.) // Северная пчела. 1827. № 125. 18 окт.

¹⁰⁹ См., к примеру, компиляцию Всеволода Крестовского «Уланы Цесаревича Константина. Эпизод из истории Уланского Его Величества полка» (Русский вестник. 1875. Т. 120. № 12. С. 413–465), популярную книгу М. И. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» (СПб., 1898), из недавних: Шваров А. Г. Россия – Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809. Хельсинки, 2012.

¹¹⁰ См., к примеру: Столянский П. Н. Старый Петербург. М.; Пг., 1923. С. 46, 48, 83, 85, 87, 103; Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 257, 361.

ческий стереотип. Символизация репутации Булгарина происходит в период, когда поиски национальной идентичности сопровождалась отчетливо осознаваемой потребностью в национальной идеологии, национальном искусстве и национальной мифологии. При этом культура испытывает потребность в обозначении противоположных ценностных полюсов. В период начавшегося глубинного постижения значения Пушкина для русской культуры, сопровождавшегося своеобразной сакрализацией его имени и превращением в культурного героя, Булгарин – иноплеменник, иноверец, нравственно сомнительная личность, пушкинский зоил – как нельзя лучше подошел на роль его антагониста, культурного антигероя (трудно представить, что это о нем писал современник: «Живость характера, французское остроумие, ловкое и приятное обхождение, благородное открытое и выразительное лицо, военная точность...»¹¹¹). Возникновение пушкинского мифа в русской культуре неизбежно предполагало усиление негативной символизации литературной репутации Булгарина.

Настоящее издание впервые включает полный текст «Воспоминаний» Булгарина и его мемуарные очерки. Поскольку их автор был лишен в истории литературы права на мемуарную презумпцию невиновности, априорно обвинен в искажении фактов, воспоминания Булгарина потребовали обширного комментария, в котором необходимо было, кроме прочего, верифицировать сведения, сопровождающиеся сложившимся за долгие годы конвоем оценок. Научное издание воспоминаний Булгарина даст почву для более обоснованных суждений об этой неоднозначной личности, занимавшей значительное место в истории русской литературы.

За помощь в подготовке текста «Воспоминаний» сердечно благодарю А. С. Степанову.

Н. Н. Акимова

---

¹¹¹ Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки. М., 2013. С. 65.

ВОСПОМИНАНИЯ
Отрывки из виденного,
слышанного и испытанного в жизни

*Отцы и братие! еже ся где описал,
или переписал, или недописал, чтите,
исправлявая Бога для, а не кляните!*
Послесловие в летописи Нестора

Посвящаю доброй жене моей, милым детям моим и друзьям

БОЛЕЕ НЕЖЕЛИ ВВЕДЕНИЕ ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЕ¹¹²

Что это значит, что вы вздумали *при жизни* печатать ваши ВОСПОМИНАНИЯ о современности?¹¹³

Вы об этом спрашиваете меня? – Отвечаю.

С тех пор как я начал мыслить и рассуждать, я мыслю *вслух* и готов был бы всегда печатать во всеуслышание все мои мысли и рассуждения. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрез которую каждый может легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожил в *стеклянном доме*, без занавесей... Понимаете ли вы, что это значит?

Оттого-то вы всегда имели так много врагов!..

И пламенных друзей, из которых один стоил более ста тысяч врагов!¹¹⁴

Почти двадцать пять лет сряду прожил я, так сказать, всенародно¹¹⁵, говоря с публикою ежедневно о всем близком ей; десять лет без малого не сходил с коня, в битвах и бивачном дыму пройдя с оружием в руках всю Европу, от Торнео до Лиссабона¹¹⁶, проводя дни и ночи под открытым небом, в тридцать градусов стужи или зноя, и отдыхая в палатах вельмож, в домах граждан и в убогих хижинах. Жил я в чудную эпоху, видел вблизи вековых героев, знал много людей необыкновенных, присматривался к кипению различных страстей... и, кажется... узнал людей! Много испытал я горя, и только под моим семейным кровом находил истинную радость и счастье, и наконец дожил до того, что могу сказать в глаза зависти и литературной вражде, что все грамотные люди в России знают о моем существовании! Много сказано – но это сущая правда! Вот права мои говорить публично о виденном, слышанном и испытанном в жизни.

В целом мире, где только есть литература, там есть литературные партии, литературные вражды, литературная борьба. Иначе быть не может, по натуре вещей. Союз, дружба, согласие литераторов – несбыточные мечты! Где в игре человеческое самолюбие, там не может быть ни дружбы, ни согласия. *Страсти* – пороховая камера¹¹⁷, а *самолюбие* – искра. Невозможно, чтоб

¹¹² Труднее всего было провести через цензуру этот раздел «Воспоминаний», в котором Булгарин объяснял причину появления мемуаров, обращаясь к современной журнальной полемике, что при существовавшей цензурной практике 1840-х гг. было почти невозможным. См. его письма к цензору А. В. Никитенко в настоящем издании.

¹¹³ Мемуары Булгарина – один из первых в русской литературе первой половины XIX в. опытов прижизненного издания автобиографического жизнеописания, см. об этом: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М., 1991. С. 178.

¹¹⁴ Скорее всего, Булгарин имеет в виду Н. И. Греча, с которым его связывала многолетняя дружба, А. С. Грибоедова, дружкой с которым он гордился, и, возможно, близкого друга семьи – Леонарда Викентьевича Ордынского (1799–1852), чиновника II отделения. Греч писал об отношении Ордынского к Булгарину: «...нельзя было найти более дружбы в родном брате!» (цит. по: Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 463; см. здесь же справку о нем: С. 354).

¹¹⁵ Булгарин начал публиковаться на русском языке в 1820 г., за 25 лет до выхода его «Воспоминаний», см. исторический очерк «Краткое обозрение польской словесности» (Сын отечества. 1820. № 31. С. 193–218; № 32. С. 241–264), летом того же года Н. И. Греч сообщал о сотрудничестве с «Сыном Отечества» ведущих отечественных литераторов (В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. И. Гнедича, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова), здесь же упоминалось и о Булгарине: «...сочинитель статьи о польской словесности взял на себя сообщать в наш журнал все лучшие новые произведения польских муз» (Там же. 1820. № 33. С. 328–329). С этого времени началась активная журналистская деятельность Булгарина.

¹¹⁶ Булгарин начал военную службу в 1806 г. корнетом Уланского вел. кн. Константина Павловича полка, а закончил участвовать в боевых действиях в 1814 г. капитаном французской армии, где служил в легкой кавалерии. Торнео (Торнио) – город на границе Финляндии и Швеции, где ему довелось воевать во время Русско-шведской войны (1808–1809). В составе польского легиона французских войск он воевал в Испании в 1811 г. (или, возможно, во второй половине 1810 г.). В Лиссабоне Булгарин не воевал: военные действия под командованием маршала А. Массена на этом направлении велись осенью 1810 г., однако наполеоновским войскам не удалось преодолеть тройную линию оборонительных сооружений, построенную англичанами вокруг португальской столицы. Лиссабон, скорее всего, служит символическим обозначением крайней юго-западной точки территории военных событий, в которых довелось участвовать Булгарину.

¹¹⁷ Здесь в значении «пороховой магазин (камора)» – часть ствола у орудий, где помещался метательный заряд.

не было вражды между людьми, имеющими притязания на ум, на славу или, по крайней мере, на известность и на все сопряженные с ними житейские выгоды, и разумеется, что, кто заграждает нам путь к избранной нами цели, издали столь блистательной и заманчивой, тот враг наш. А кто же может более заграждать этот путь, как не журналист, непреклонный, неумолимый, отстраняющийся от всех партий, на которого не действуют ни связи, ни светские отношения, ни даже собственные его выгоды и который, так сказать, очертя голову говорит все то, что ему кажется справедливым и что только можно высказать. Это настоящий *Змей Горыныч*, которого не может тронуть даже и *Душенька*!¹¹⁸

Пересмотрите «Северный архив»¹¹⁹ с 1822 года: там вы найдете начало той борьбы и следствий ее, литературной вражды, которая продолжается до сих пор и перейдет за пределы моей могилы. Критика на «Историю государства Российского», сочинения знаменитого нашего историографа Н. М. Карамзина¹²⁰, не возбудила ненависти в благородном сердце автора¹²¹,

¹¹⁸ «Душенька» – имевшая большой успех у современников ироикомическая поэма И. Ф. Богдановича (1783), вольное переложение повести Ж. Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669). Выполняя поручения Венеры, Душенька добывает живую и мертвую воду, умирив Змея Горыныча при помощи «умильной речи» и специального питья.

¹¹⁹ Журнал «истории, статистики и путешествий», который Булгарин издавал с 1822 г. (выходил два раза в месяц); в 1829 г. был соединен с «Сыном отечества» Н. И. Греча в единый «журнал литературы, политики и современной истории» «Сын Отечества и Северный архив»; см. о журнале: *Афиани В. Ю.* Археография в журнале «Северный архив» (1822–1828) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 148–158; *Курукин И.* «Северный архив». Журнал истории, статистики и путешествий // Родина. 1998. № 4. С. 57–59; *Акимов Н. Н.* «Северный архив» и его издатель // Русская литература. 2001. № 3. С. 96–107.

¹²⁰ Булгарин заказал обстоятельную критическую рецензию на труд Н. М. Карамзина известному польскому историку И. Лелевелю, перевел ее и в течение трех лет печатал в «Северном архиве» (см.: *Лелевель И.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 23. С. 402–434; 1823. № 19. С. 52–80, № 20. С. 147–160, № 22. С. 287–297; 1824. № 1. С. 41–57, № 2. С. 91–103, № 3. С. 163–172, № 15. С. 132–143, № 16. С. 187–195, № 19. С. 47–53. Публикация не была завершена). Обстановка, в которой создавалась рецензия, и отношение Булгарина к «Истории» Карамзина отражены в переписке Булгарина с Лелевелем; см.: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю: (Материалы для истории русской литературы 1821–1830 гг.). (Оттиск из «Варшав. губерн. вед.» [1877]. № 16 и 17). [Варшава, 1877]; *Пташицкий С. Л.* Иоахим Лелевель как критик «Истории государства Российского», соч. Карамзина. Переписка с Ф. В. Булгариным, 1822–1830 // Русская старина. 1878. Т. 22. С. 633–656, Т. 23. С. 75–98; *Wóloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801–1830. Warszawa, 1974. S. 333–336; *Понков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 22–38; *Galster B.* O Lelewelowskiej krytyce «Historii» Karamzina // Galster B. Paralele romantyczne. Warszawa, 1987. S. 24–48; *Глушковский П. Ф.* В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. С. 153–160; *Рейтблат А. И.* Булгарин и Карамзин // Рейтблат А. И. Критика, скандал, Булгарин: статьи и материалы по социологии и истории русской литературы. М., 2020. С. 163–176. Высоко оценивая труд Карамзина, Лелевель в то же время подверг его аргументированной и последовательной критике по многим вопросам. Рецензия получила в России широкий общественный резонанс. А. А. Бестужев отмечал среди ее достоинств «беспристрастие, здравый ум и глубокую ученость» (Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 67). Некоторые публикации «Северного архива», в особенности из польских источников, предлагали читателю документальный исторический комментарий к сочинению Карамзина. Предваряя эти публикации, Булгарин писал: «История литовская во многом объясняет темные места событий государства Российского, и собрание в одно целое множества актов, рассеянных в различных библиотеках Литвы и Польши, принесло бы величайшую пользу» (Северный архив. 1823. № 23. С. 301). Развитие событий в Вильно вокруг польских тайных студенческих обществ филематов и филаретов и реакция на критику Карамзина в Петербурге заставили Булгарина быть осторожным: 11 апреля 1823 г. он писал Лелевелю: «...я боюсь, чтобы меня не обвинили в излишнем поляризме, тогда придется проститься с доверием публики и пасть без восстания, как Анастасевич (библиограф и издатель «Улья», помещавший переводы с польского и известия о польской литературе в своем журнале. – Н. А.), который фигурирует в известной сатире Батюшкова: «Прочь с музой польскою своей Хлоп Анастасевич»» (перевод с польского цит. по: Письма Фадея Булгарина к Иоахиму Лелевелю. С. 14). 15 июня 1824 г. Булгарин просил передать И. Онацевичу (1780–1845; историк, профессор Виленского университета), чтобы тот «не вкладывал в свои письма стихов [Я.] Кохановского и чтобы не разогревал их патриотизмом, так как это вовсе не согласуется с моим образом жизни и с моим жребием. Я смотрю только в книги, а что делается на свете, не хочу знать», и добавлял, что отказывается принимать рекомендуемую К. Контрымом, Онацевичем и И. Шидловским виленскую молодежь, опасаясь навлечь на себя неприятности и обвинения в пропольской деятельности: «...с виленской молодежью больше беды, чем толку. Я решительно ни одного из студентов принимать у себя не буду. Бог с ними, а нам, спокойным литераторам, следует от них сторониться» (Там же. С. 16–18). Осенью 1824 г. Булгарин прекратил публикацию рецензии Лелевеля (последняя статья вышла в октябрьском номере), хотя письмо Сенковского от 18 июня 1825 г. свидетельствует, что Лелевель прислал продолжение вместе с письмом к Булгарину (см.: Русская старина. 1878. Т. 23. С. 85–87). После разгрома обществ филематов и филаретов и отъезда Лелевеля в Варшаву (см. об этом: Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти / Сост. А. И. Федута. Минск, 2008) полемику вокруг «Истории» продолжил сам Булгарин, опубликовав «Критический взгляд на X и XI томы «Истории государства Российского», сочиненной Н. М. Карамзиным» (Северный архив. 1825.

который даже внес ссылки на «Северный архив» в примечания к своей истории¹²²; но на каждом великом муже, как на вековом кедре, гнездятся мелкие насекомые, питающиеся его славою, и они подняли писк и визг противу смельчака, дерзнувшего очищать вековой кедр от сухих листьев и гнилых ветвей!¹²³ В «Литературных листках» (приложении к «Северному архиву») защищен знаменитый Крылов от нападков приверженцев И. И. Дмитриева¹²⁴ – и тут

№ 1. С. 60–84, № 2. С. 182–201, № 3. С. 271–278, № 6. С. 176–197, № 8. С. 362–372), содержащий «серьезные аргументы, подрывающие карамзинскую концепцию русской истории конца XVI – начала XVII в.» (см. об этом: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 118). И. Н. Лобойко писал Лелевелю 24 марта 1825 г. о том, что Булгарин «в “Северном архиве” поместил сильную рецензию на последние тома Карамзина» (перевод с польского цит. по: Письма И. Лобойко И. Лелевелю // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти. С. 188). Аргументация Булгарина в полемике о причастности Бориса Годунова к убийству царевича Дмитрия была позднее повторена М. П. Погодиным (*Погодин М.* Об участии Годунова в убийстве царевича Димитрия // Московский вестник. 1829. Ч. 3. С. 90–126; *Он же.* Нечто об Отрепьеве // Там же. С. 144–170). П. Н. Милоков отмечал, что Погодин присвоил себе точку зрения Булгарина на X и XI тома «Истории» «в тех же выражениях» и с «теми же аргументами» (*Милоков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. Т. 1. С. 194).

¹²¹ Карамзин был задет рецензией Лелевеля, после появления первой рецензионной статьи он писал И. И. Дмитриеву 14 декабря 1822 г.: «...выступил на сцену, в “Северном архиве”, мой новый неблагоприятный, какой-то ученый поляк, начинающий свою глубокомысленную критику объявлением, что он ни в чем не согласен со мною и что все мои мысли об искусстве историческом ложны. Бог с ними со всеми! Всего забавнее, что и Фадей Булгарин, издатель “Северного архива”, считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить. По крайней мере я делом либералист: пусть говорят и пишут что хотят!» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 342). Последняя фраза Карамзина указывает на то, что он воспринимал рецензию Лелевеля и поведение Булгарина как демонстрацию либеральной позиции, однако после публикации рецензии, принадлежащей Булгарину, ситуация изменилась и Карамзину положение вещей виделось иначе. «Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими литературными забияками. Пусть их единоборствуют! Ты говоришь о нападениях Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывают: Магницкий etc., etc. Вступаются будто бы за Иоанна Грозного», – писал он (Там же. С. 391). См. также: *Вацуро В. Э.* Встреча (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 138.

¹²² В примечаниях к XII тому «Истории государства Российского» (1829), вышедшему уже после смерти автора, содержатся многочисленные ссылки на «Дневник» Маскевича, примеч. 599 содержит указание на источник – «Северный архив» (1825. № 3; см.: *Карамзин Н. М.* Полн. собр. соч.: В 18 т. М., 2003. Т. 12. С. 329). «Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором» печатался в «Северном архиве» в 1825 г. (№ 1. С. 3–20, № 2. С. 109–128, № 3. С. 221–242, № 6. С. 117–136, № 7. С. 217–245), комментарии к нему были выполнены, по всей видимости, Булгариным и активно сотрудничавшим с «Северным архивом» А. О. Корниловичем: на это указывают подписи-криптонымы Б и К. Источником публикации, как указал Булгарин, стал сборник исторических материалов, подготовленный Ю. Немцевичем «*Zbiór pamiętnikow historycznych o dawnej Polsce*» (Warszawa, 1822).

¹²³ Речь идет о реакции карамзинистов на рецензию Лелевеля. Так, О. Сенковский писал Лелевелю, что «партия автора, т. е. его домашние друзья, бесятся с досады. Славный поэт Жуковский даже плакал. <...> Хотя они и бесятся, нечего на это обращать внимания, так как это люди без всякой основательной науки. Редко который из них знает по-латыни, и то весьма мало, это поверхностные беллетристы, нет ни одного, которого бы можно назвать ученым» (перевод с польского цит. по: Русская старина. 1878. Т. 22. С. 640). Булгарин среди своих главных врагов называл издателя «Русского инвалида» А. Ф. Воейкова, «туфлю Карамзина», который мог «побудить креатуру свою Лобойко» заставить Лелевеля смягчить свою критику или вовсе отказаться от нее: «Прошу Вас, не верьте этому петербургскому писку (piszczykowi)», – убеждал он Лелевеля в письме от 13 февраля 1823 г., имея в виду Лобойко; свои опасения он повторил и в письме от 4 апреля 1823 г. (см.: Письма Фадея Булгарина к Иоакиму Лелевелю. С. 8–9, 12). В свою очередь Лелевель сообщал, что его письмо с приложением, содержащим продолжение рецензии, было уже готово к отправке, когда он «получил письмо Сенковского, в котором в числе мотивов к ускорению выставлен тот, что друзья Карамзина, которые не очень мною довольны, говорят, что я испугался. Задержал я отправку, чтобы им сделать более удовольствия от моего испуга» (перевод с польского цит. по: Русская старина. 1878. Т. 22. С. 648). В защиту карамзинской «Истории» выступил Н. И. Тургенев, приславший перевод напечатанной в «Геттингенских ученых ведомостях» статьи Геерена, с ультиматумом Булгарину: отказаться от замечаний к ней или вовсе не печатать (Булгарин опубликовал рецензию в своем журнале, см.: *Геерен А. Г.* Взгляд на «Историю государства российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 24. С. 486–504). Как полагает В. П. Козлов, ссылающийся на письмо И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1822 г., эта акция, скорее всего, была инициирована самим Карамзиным и его окружением (см.: *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 106). Среди оппонентов Лелевеля был М. П. Погодин, см. его статьи: Нечто о толковании одного места в Несторе // Вестник Европы. 1824. № 4. С. 260–264; Нечто против опровержений г. Лелевеля // Там же. № 5. С. 14–23. Следует согласиться, что ситуация характеризовалась не столько активной печатной полемикой, сколько «внутренним накалом дискуссии» (*Козлов В. П.* Указ. соч. С. 113).

¹²⁴ На страницах «Литературных листков» (1823–1824), литературно-художественного приложения к журналу «Северный архив», велась активная литературная полемика. Один из споров разгорелся вокруг предисловия Вяземского к сочинениям И. И. Дмитриева (*Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Дмитриев И. И. Стихотворения. Ч. I. СПб., 1823. С. I–LII), в котором И. А. Крылову, с его баснями «невысокого достоинства», был противопоставлен Дмитриев-баснописец. Булгарин вступил в спор с Вяземским (Литературные листки. 1824. № 2. С. 59–64), настаивая на оригинальности творчества Крылова и отдавая ему безусловное первенство: «Мы решительно можем сказать, что И. А.

наступил всеми видимый и явный взрыв литературной вражды... Признавая всегда гениальность Пушкина и необыкновенный талант В. А. Жуковского, в «Литературных листках» и в родившейся от них «Северной пчеле» говорено было смело и откровенно о их произведениях¹²⁵, с указанием на слабое для возвышения превосходного, – и это был уже последний удар,

Крылов есть первый оригинальный русский баснописец по изобретению, языку и слогу. <...> Слог басен И. И. Дмитриева, по нашему мнению, есть язык образованного светского человека. Слог И. А. Крылова изображает простодушие и вместе с тем замысловатость русского народа; это русский ум, народный русский язык, облагороженный философией и светскими приличиями». Эта позиция была поддержана Пушкиным, писавшим Вяземскому: «Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. <...> И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова...» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 88–89). Дальнейший обмен откликами Булгарина и Вяземского вылился в полемику о народности в литературе, которая обнажила принципиальную разницу взглядов: ориентацию на широкую публику, демократизацию литературы – у первого, и опору на просветительский эстетизм с его высоким гражданским пафосом – у второго.

¹²⁵ Несмотря на утверждение Булгарина, его отношение к А. С. Пушкину не было постоянным и однозначным. Можно выделить три основных этапа литературных взаимоотношений Булгарина и Пушкина. Первый берет начало в 1823 г., когда в «Литературных листках» (№ 2. С. 28) было напечатано стихотворение «На выпуск птички» («В чужбине свято наблюдаю...»), присланное Пушкиным из Кишинева. Через Булгарина Пушкин, оторванный от издательских центров, вел диалог с литературными приятелями и оппонентами: в феврале 1824 г. он просил Булгарина опубликовать в «Литературных листках» два стихотворения, которые были с ошибками напечатаны в «Полярной звезде» («Элегия» («Простишь ли мне ревнивые мечты...») и «Нереида» были опубликованы в «Литературных листках» – 1824. № 4. С. 134–135). Поблагодарив Булгарина за присланный номер «Северного архива» (сохранившиеся в библиотеке Пушкина номера «Северного архива» свидетельствуют, что поэт был его внимательным читателем, т. к. все имеющиеся номера журнала до 1826 г. разрезаны, см.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. М., 1988. С. 134*) и за снисходительный отзыв о «Бахчисарайском фонтане», Пушкин писал: «Вы принадлежите к самому малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. Т. 13. С. 85). Ободренный доверием, Булгарин опубликовал без разрешения Пушкина отрывок из его письма А. Бестужеву, где речь шла о «Бахчисарайском фонтане», вдохновленном звуком «милых и бесхитростных уст» молодой женщины (Литературные листки. 1824. № 4. С. 147–148), чем вызвал недовольство Пушкина. Однако следом, в этом же номере, Б. сообщал о написанной Пушкиным новой поэме «Онегин» и публиковал отрывок, который сопровождал комментарием, носившим характер профессиональной рекламы еще не опубликованного пушкинского романа, – Пушкин не мог не ценить этой стороны их отношений, поэтому не прервал переписки с Б. и по-прежнему при необходимости (для уточнений и выяснения отношений) обращался к нему. При начале «Северной пчелы» в ней было опубликовано пушкинское послание «К Ч[аадаеву]» («К чему холодные сомненья...») (1825. № 12. 27 янв.), в конце 1825 г. при выходе первого сборника стихотворений Пушкина газета Булгарина поместила полное оглавление издания с обещанием подробнее поговорить о сборнике в «Сыне отечества» (Северная пчела. 1826. № 3. 7 янв.). Характер этих взаимоотношений сохранялся и после личного знакомства Булгарина и Пушкина, состоявшегося осенью 1827 г.: такова история с перепечаткой отрывка из VII главы «Онегина» в «Северной пчеле» (1828. № 17. 9 февр.) из-за ошибок, сделанных в «Московском вестнике», и случай с И. Е. Великопольским в 1828 г., когда Булгарин предоставил место сатирическому посланию Пушкина к Великопольскому (Северная пчела. 1828. № 30. 10 марта), но не дал ответного слова адресату послания, несмотря на его протестующие письма. В свою очередь, Булгарин посвятил Пушкину историческую повесть «Эстерка» (*Булгарин Ф. В. Сочинения: В 10 ч. СПб., 1828. Ч. 6. С. 1–65*). Отклики Булгарина на сочинения Пушкина в этот период носили неизменно панегирический характер, его широко распространенная газета способствовала возрастающей популярности Пушкина. Второй период связан с наступившим в 1829 г. переломом в отношениях, на который повлияли: успех булгаринского «Ивана Выжигина» (вышел в марте 1829 г.) на фоне неуспеха пушкинской «Полтавы», возросшие творческие амбиции Булгарина, не получившие поддержки у «литературных аристократов», и ставшее известным пушкинскому кругу сотрудничество Булгарина с III отделением. В 1830 г. литераторы пушкинского круга начали открытую войну с ним: в ход идут эпиграммы, критические отзывы о его произведениях, преувеличенно теплый прием романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» в противовес булгаринскому «Дмитрию Самозванцу»; наконец, Пушкиным и А. А. Дельвигом была создана «Литературная газета» с целью, по словам М. П. Погодина, «убить Булгарина и Полевого» (см.: Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву, с предисловием и объяснениями Н. П. Барсукова // Русский архив. 1882. Вып. 6. С. 130). Отношения Булгарина с Пушкиным вступили в новую фазу после того, как, прочитав «Дмитрия Самозванца», Пушкин обвинил его в плагиате, объяснив заимствования в романе и причины вторичного отказа в публикации «Бориса Годунова» связями Булгарина с III отделением. Вопрос о том, кто был автором экспертной записки для III отделения о «Борисе Годунове», имеет значительную историю, см.: *Винокур Г. О. Кто был цензором «Бориса Годунова»? // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 203–214; Городецкий Б. П. Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году? // Русская литература. 1967. № 4. С. 109–120; Гозенпуд А. А. К истории литературно-общественной борьбы 20-х – 30-х гг. XIX века («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 252–275. Наиболее убедительна версия об авторстве Булгарина. Он написал Пушкину письмо (от 18 февраля 1830 г.), в котором «честно уверял», что не читал «Годунова» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 67), но оно уже не могло спасти положения: началась ожесточенная полемика между Булгариным и пушкинским кругом, и обе стороны действовали по принципу «в борьбе все средства хороши». Булгарин ответил на помещенную в «Литературной газете» резкую и несправедливую рецензию Дельвига на «Дмитрия Самозванца», сочтя ее автором Пушкина, памфлетом «Анекдот (из английских газет)» и нравоописательным фельетоном «Светская известность» (Северная пчела. 1830. № 30. 11 марта), содержащими «личности» в адрес Пушкина. В пылу полемики он выступил с глумливой рецензией на VII главу «Евгения Онегина» (Северная пчела. 1830. № 35, 39. 22 марта, 1 апр.), вызвав гнев Николая I, предложившего запретить*

coup de grâce¹²⁶. Зашумели и загудели журналы, завопила золотая посредственность, и пошла

«Северную пчелу». Ответом Пушкина стало письмо-предупреждение А. Х. Бенкендорфу (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. Т. 14. С. 72–73) и памфлет «О записках Видока» (Там же. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 129–130). В памфлете содержались выпады личного характера в адрес Булгарина, в том числе и затрагивавшие репутацию его жены; чтобы статья была понятна более широкому кругу, Пушкин распространил в обществе эпиграмму «Не то беда, что ты поляк...», заканчивающуюся словами «Беда, что ты Видок Фиглярин». Памфлетный ответ Булгарина содержался в его «Втором письме из Карлова на Каменный остров» (Северная пчела. 1830. № 94. 7 авг.) и в повести «Предок и потомки» (*Булгарин Ф. В. Сочинения*: В 12 ч. 2-е изд., испр. СПб., 1830. Ч. 12. С. 1–80). В. П. Титов писал С. П. Шевыреву об этих событиях: «У нас успели открыть новый способ критики: аллегорически описывать жизнь и нравственность противника. Фаддей, осердясь на разбор “Димитрия Самозванца”, описал Пушкина, закрывшись под именем Гофмана; Пушкин дал Фаддею название Видока и также описал его. Я надрывался, толкуя Вяземскому и братии, что это скверное оружие, даже против Булгарина; но глас мой раздавался в пустыне...» (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 96). Дальнейшие полемические шаги Пушкина – памфлеты, опубликованные в «Теле-скопе» (1831. № 13, 15) под псевдонимом Феофилакт Косичкин, – Булгарин оставил без ответа, поскольку в развернувшейся полемике поддержка властей была не на его стороне. После Польского восстания 1830–1831 гг. недоверие к полякам в обществе усилилось; более жестко стала относиться к булгаринским периодическим изданиям цензура. Так, в мае 1831 г. Булгарин и цензор «Пчелы» В. Н. Семенов подверглись наказанию за публикацию булгаринского очерка «Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на петербургском тракте»: министр народного просвещения кн. К. А. Ливен увидел в нем «воззвание к бунту» (см.: *Никитенко А. В. Дневник*: В 2 т. Л., 1955. Т. 1. С. 106). В августе 1831 г. умер покровитель Булгарина в III отделении М. Я. Фок, после этого связи Булгарина с III отделением надолго оборвались, он подал в отставку и с марта 1831 г. по 1837 г. жил в Карлове, лишь изредка приезжая в столицу. Последний этап лишен полемической остроты. Летом 1832 г. Пушкин, получив предварительное разрешение на издание газеты, вел переговоры о сотрудничестве с Н. И. Гречем (см.: *Ликсапов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники*. СПб., 1908. Вып. 5. С. 30–74), который высказывал предположение, что к 1834 г. они с Булгариным и Пушкин «соединятся в одной газете» (Переписка Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина / Публикация и коммент. А. И. Рейтблата // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 346). Личное отношение Пушкина к Булгарину в этот период характеризует следующий изложенный П. И. Бартевым эпизод 1835 г., когда Пушкин в разговоре с Т. Н. Грановским заметил о Булгарине: «...напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он охотно с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он – Пушкин – никак не решится» (цит. по: *Бартев П. И. О Пушкине*. М., 1992. С. 348). В феврале 1833 г. появилась статья Булгарина «Письма о русской литературе. О характере и достоинстве поэзии А. С. Пушкина» (Сын отечества и Северный архив. 1833. Т. 33. № 6. С. 309–326), с эпиграфом, взывающим к примирению: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Это наиболее полный опыт критического осмысления пушкинского творчества, принадлежащий Булгарину, главная его идея – утверждение оригинальности и самобытности Пушкина как национального поэта. Не подвергая сомнению огромное значение Пушкина для отечественной литературы, Булгарин высказал мысль об относительности его вклада в мировую литературу, отказав пушкинскому творчеству в значительном философском и нравственном содержании, чем внес лепту в создание концепции о Пушкине как поэте «чистого искусства». Этой точки зрения он придерживался и после смерти Пушкина, высоко оценивая его творчество на страницах «Северной пчелы» (1840. № 12; 1841. № 239; 1849. № 191, и др.). Исключение составили лишь два выступления Булгарина против Пушкина, вызванные критикой в «Современнике» булгаринских изданий в анонимной статье, принадлежавшей Н. В. Гоголю (см.: *Ф. Б. Мнение о литературном журнале «Современник», издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным // Северная пчела*. 1836. № 127–129; *Мое перевоспитание по методе взаимного обучения // Там же*. № 255–256). Критические выступления Булгарина, посвященные Пушкину, и научный комментарий к ним см. в издании: *Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827*. СПб., 2001; *Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830*. СПб., 2001; *Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833*. СПб., 2003; *Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837*. СПб., 2008 (по указ.). О взаимоотношениях Булгарина и Пушкина см.: *Сухомлинов М. И. Полемические статьи Пушкина // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению*. СПб., 1889. Т. 2. С. 267–300; *Гиппиус Вл. В. Пушкин и журнальная полемика его времени*. СПб., 1900; *Калаш В. В. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин // Пушкин и его современники*. СПб., 1904. Вып. 2. С. 32–49; *Фомин А. Г. Пушкин и журнальный триумвират 30-х гг. // Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова*. СПб., 1911. Т. 5. С. 451–492; *Столянский П. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники*. Пг., 1914. Вып. 19/20. С. 117–190; Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 127–194; *Замков Н. К. Архивные мелочи о Пушкине // Пушкин и его современники*. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 71–77; *Оксман Ю. Г. Булгарин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 69–71; *Гиппиус Вл. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 235–255; *Вайцур В. Булгарин Ф. В. // Пушкин А. С. Письма последних лет*. Л., 1969. С. 371–372; *Вайцур В. Э. «Северные цветы»: история альманаха Дельвига – Пушкина*. М., 1978; *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. 2-е изд. Л., 1989. С. 52–53; *Позднякова О. И. Иван Петрович Белкин и Феофилакт Косичкин: (К вопросу о литературной полемике А. С. Пушкина и Ф. В. Булгарина) // Взаимодействие творческих индивидуальностей русских писателей XIX – начала XX в. М., 1994. С. 49–55; Рейтблат А. И. Пушкин Александр Сергеевич // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публикация, сост. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 678–680; *Акимов Н. Н. Литературная репутация Булгарина в контексте его литературных взаимоотношений с Пушкиным // Акимов Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф*. Хабаровск, 2002. С. 125–147; *Гропас М. Кто был автором первой книги о Пушкине? // Новое литературное обозрение*. 2010. № 3. С. 148–169. Отношение Булгарина к В. А. Жуковскому складывалось иначе. Булгарин выступил в защиту Жуковского и его перевода баллады «Рыбак» в статье «Ответ на письмо г. Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани» (Сын отечества. 1821. № 9. С. 61–73), защитил его от нападок В. К. Кюхельбекера в рецензии на альманах «Мнемозина», требуя «отделить великих поэтов, делающих честь нашему веку, Жуковского, Пушкина и Батюшкова» от их бездарных подражателей (Литературные листки. 1824. № 15. С. 77). Несмотря на то что в письме к Пушкину в 1825 г. Булгарин писал: «...Жуковского всегда буду*

потеха! «Северная пчела»¹²⁷, однако ж, все шла и идет своим путем, ни на что не оглядываясь, не стесняясь в своих суждениях никакими посторонними видами, отдавая полную справедливость и дань хвалы жесточайшим противникам, когда они напишут что-нибудь хорошее, и порицая искреннейших друзей своих, когда они споткнутся¹²⁸. Замечательно, и весьма, что вся

почитать как человека, а поэтом плохим – подражателем Сутея [Р. Саути]» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 168), публично он не менял своих взглядов, всегда высоко оценивая творчество Жуковского, см.: Литературные листки. 1824. № 1. С. 28; № 3. С. 112; № 7. С. 278–280; № 8. С. 321–322; Северная пчела. 1826. № 148, 150. 11, 16 дек.; 1836. № 11. 15 янв.; 1840. № 12. 16 янв.; 1844. № 5. 8 янв., и др. «Северная пчела» помещала поэтические отклики Жуковского на события государственной значимости: «Чувства перед гробом государыни императрицы Марии Федоровны в ночи накануне погребения тела ея величества» (1828. № 137. 15 нояб.), «Слава на небе солнцу высокому...», народная песня, петая в Александринском театре 19 марта 1834 г. в двадцатилетие вступления российских и союзных войск в Париж» (1834. № 63. 20 марта), «Бородинская годовщина» (1839. № 202. 9 сент.); предоставила страницы для заметки Жуковского «О подписке на книгу “Стихотворения” И. И. Козлова» (1840. № 37. 15 февр.). Существовал и другой, не столь явный аспект литературных взаимоотношений Булгарина и Жуковского, связанный с противостоянием коммерческой и элитарной литературы, в котором Булгарин и Жуковский принадлежали к конфликтующим сторонам, – Булгарин позволял себе, укрывшись в журнальной полемике под псевдонимом, «вести на Жуковского прямую атаку» (*Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: история альманаха Дельвига – Пушкина. С. 40). Этот конфликт, не сводимый к одной лишь борьбе за читателя, тем не менее, как убедительно показал В. Э. Вацуро, был осложнен в середине 1820-х гг. конкуренцией двух литературно-общественных групп с разными представлениями о национальной культуре: с одной стороны, кружка А. Бестужева и К. Ф. Рылеева (к которому принадлежали Булгарин и Греч), с другой – Жуковского и его друзей (в их числе был Воейков). Своеобразным «водоразделом» стало отношение к Жуковскому – литератору и общественному деятелю: «Спор расширился, из области литературы и эстетики перебрасываясь в область политики. <...> Имя Жуковского всплывало на “русских завтраках” Рылеева, где в противовес “немецкому духу” царила “русская” символика <...>. И вот уже от “германизма” переходят к придворной службе поэта, губящей его творчество, от сожалений к шуткам, потом к сарказмам – и наконец Бестужев при шуме всеобщего одобрения читает злую эпигramму на бедного “певца”, преобразившегося в придворного: С указкой втерся во дворец, И там, пред знатными сгибая шею, Он руку жмет камер-лакею... Эпиграмма передавалась из уст в уста» (Там же. С. 23–24). Воейков приписал авторство бестужевской эпиграммы своему конкуренту Булгарину и убедил в этом Жуковского. Однако Булгарин не мог себе позволить открытой полемики с Жуковским именно в силу обыгранных эпиграммой обстоятельств – близости Жуковского ко двору. О взаимоотношениях Булгарина и Жуковского после 1825 г. см. также: *Самовер Н. В.* «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В. А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: биографич. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 87–119; *Кузовкина Т.* Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту, 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 276–293.

¹²⁶ Удар милосердия (*фр.*) – удар, которым добивали смертельно или тяжело раненного противника, чтобы прекратить его мучения.

¹²⁷ «Северная пчела» (1825–1864) – политическая и литературная газета. В 1824 г. Н. И. Греч находился под судом из-за дела И. Госнера, поэтому Булгарин взял на себя хлопоты и получил разрешение на издание частной литературно-политической газеты, которую с 1825 г. издавал вместе с Гречем. Выходила три раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, с 1831 г. – ежедневно, кроме праздников и воскресений (см.: *Степанов Н. Л.* «Северная пчела». Ф. В. Булгарин // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 310–323; *Киселева Т. Е.* «Северная пчела» // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 492–493).

¹²⁸ Булгарин всегда ставил себе в заслугу беспристрастность и объективность. Так, критически отзывавшись о пьесе Н. А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (Северная пчела. 1845. № 39. 17 февр.), в следующем субботнем фельетоне он, опровергая слухи об их ссоре, писал: «Ничего нет несноснее, смешнее и притом ничего нет вреднее, как самардерие, т. е. компания взаимного восхваления в литературе <...>. Покойный А. С. Пушкин (знаменитый поэт), негодую на то, что мы не хотели признавать поэтом одного из его приятелей, рифмоплетов, писал к нам: “Публика не стоит того, чтоб для нее ссориться с приятелями”. Мы отвечали: “Приятели, требующий несправедливости, не стоит того, чтоб для него лгать перед публикою. При этом правиле мы остались, останемся и навсегда”» (Там же. № 43. 22 февр.). Однако на практике объективность у Булгарина нередко становилась «литературной тактикой», первыми об этом публично заговорили П. А. Вяземский и Н. А. Полевой (Московский телеграф. 1825. № 13 (июнь). Особенное прибавление к Московскому телеграфу «Обозрение критических и антикритических статей и замечаний...». С. 1–64). О том, что в «Северной пчеле» «критика заменяется так называемой литературной тактикой», писал С. П. Шевырев в «Обзрении литературных русских журналов в 1827 году. Северная пчела» (Московский вестник. 1828. № 8. С. 398–424); переменчивость в мнениях булгаринских изданий сделал предметом своей критики А. Ф. Воейков в фельетонах под названием «Хамелеонистика» в журнале «Славянин» (1828–1829). Аргументацию «Телеграфа» и «Московского вестника» повторил в не пропущенной цензурой рецензии для «Отечественных записок» на первые части «Воспоминаний» Булгарина (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 621–629). В силу этих обстоятельств оценки у Булгарина могли сильно меняться, как это происходило по отношению к Н. А. Полевому (о их взаимоотношениях см. примеч. 266 на с. 385–386 и примеч. 5 на с. 479). Если в период работы над воспоминаниями в фельетонах Булгарина он позиционируется в качестве приятеля, то во второй половине 1820-х гг. причислялся к противникам, которым отдавалась дань справедливости: так, в положительной рецензии на «Историю русского народа» Полевого Булгарин писал: «Чуждый зависти и всех литературных мелочей, я всегда отдавал справедливость жесточайшим моим противникам; но теперь с удовольствием говорю истину о труде писателя самостоятельного, благонамеренного и пламенного любителя просвещения» (Северная пчела. 1830. № 110. 13 сент.). По всей видимости, к «искренним друзьям», кому доводи-

вражда падала на меня одного и каждое неблагоприятное суждение для автора приписывалось

лось выслушивать порицания «Северной пчелы», Булгарин причислял прежде всего О. И. Сенковского, отношения с которым также менялись в силу тех или иных обстоятельств (о взаимоотношениях Булгарина и Сенковского см.: *Jabłonowski A. Orientalista Sękowski w korespondencji z Lelewelem* // *Jabłonowski A. Pisma*. Warszawa, 1913. Т. 7. С. 1–177; *Каверин В.* Барон Брамбеус. М., 1966, а также примеч. к публикуемому в настоящем издании воспоминаниям Булгарина о Сенковском). Сложнее обстоит дело с другими «жесточайшими противниками». Положительные отзывы Булгарина о Воейкове после того, как тот обрел названный статус, отыскать трудно. В период до выхода булгаринских воспоминаний известна лишь одна его похвала другому постоянному оппоненту – П. А. Вяземскому: в рецензии на альманах «Северные цветы на 1829 год» Булгарин похвалил его «Выдержки из записной книжки» (Северная пчела. 1829. № 6), что было отмечено Пушкиным в письме к Вяземскому от 25 января 1829 г.: «Говорят, что Булгарин тебя хвалит. В какую-то силу?» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 38). Однако и этот редкий пример приходится на период жесткого противостояния, когда Булгарин передал в III отделение агентурные записки о Вяземском доносного характера, о чем окружение Вяземского догадывалось, поэтому Вяземский отвечал Пушкину в письме от 23 февраля: «Булгарин из плутовства хвалит меня...» (Там же. С. 39), а 1 февраля 1830 г. писал: «Отыщи эпиграмму мою на Булгарина, где я жалуюсь на похвалы его, она, говорят, у барона Розена, и напечатать ее в газете» (Там же. С. 62; эпиграмма Вяземского не разыскана). Тактические цели позволяли, однако, Булгарину в своих статьях производить впечатление объективности, а иногда и подниматься до нее. К примеру, в 1827 г., в период сближения Булгарина с кругом Дельвига – Пушкина, появилась положительная рецензия на «Стихотворения Евгения Баратынского» (Северная пчела. 1827. № 145, 146, 147. 3, 6, 8 дек.), в которой, напомнив читателям, что давно является объектом эпиграмм Баратынского, Булгарин признавался: «Давным-давно вострил я на вас критическое мое перышко: давно поджидал выхода в свет ваших стихотворений <...> прочел раз, прочел другой – и критическое перо полетело под стол. Честь вам и слава г. поэт! Вы победили меня звуками своей лиры!» Однако и эту рецензию Булгарин сделал ареной литературной борьбы: говоря о посланиях Баратынского, в числе лучших он назвал посвященное ему, заметив, что теперь оно стало почему-то анонимным: «Послание ко мне было напечатано в “Сыне отечества” и перепечатано в “Образцовых сочинениях” с моим именем: “К Булгарину”; имя мое было даже в стихе. По переселении поэта в Москву, он стал писать ко мне послания другого рода, а в прежнем имя мое заменено точками в заглавии, а в стихе я пожалован в *менторы*. Пользуюсь этим почетным званием и советую поэту более следовать внушению своего гения, нежели внушениям журнальных сыщиков (под псевдонимом Журнальный сыщик помещал в “Московском телеграфе” критические статьи против Булгарина П. А. Вяземский. – Н. А.). Это будет лучше и для него и для публики» (Там же. № 147; подробнее о послании Баратынского см.: *Федута А. И.* Послание «Булгарину» Е. А. Баратынского: авторские редакции и литературный контекст // *Федута А. И.* Сюжеты и комментарии. Вильнюс, 2013. С. 68–75). В финале статьи Булгарин призвал Баратынского к примирению во имя поэзии и в январе следующего года выступил в защиту стихотворных произведений Баратынского от критики С. П. Шевырева (Северная пчела. 1828. № 11. 26 янв.), заслужив одобрение Дельвига (см.: *Песков А. М.* Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. М., 1998. С. 204). Среди примеров такого рода можно назвать и публикацию статей Булгарина «О характере и достоинстве поэзии Пушкина» в феврале 1833 г., в период обсуждения Пушкиным и Гречем возможности совместного периодического издания (см. об этом в примеч. 14 на с. 250). Пожалуй, самым выразительным примером, подтверждающим справедливость булгаринского утверждения, является высокая оценка им творчества М. Ю. Лермонтова, в негативном отношении которого к себе и своей газете Булгарин не сомневался, даже после смерти Лермонтова он напомнил: «Покойный Лермонтов был противником нашим по литературе и даже пустил в свет несколько едких эпиграмм противу нас» (Северная пчела. 1844. № 258. 11 нояб.). Особую остроту ситуации придавало сотрудничество Лермонтова с «Отечественными записками» А. А. Краевского – наиболее сильным и опасным противником «Северной пчелы», поэтому вполне предсказуемы были появившиеся в 1840 г. в полемике с этим журналом первые пренебрежительные критические отзывы о произведениях Лермонтова на страницах журнальных изданий Булгарина, Греча и Н. Полевого (в анонимной статье Полевой опровергал мнение «Отечественных записок» о Лермонтове, написавшем «полдюжины пьесок, весьма недурных», как о великом поэте; отказал он Лермонтову и в праве быть «представителем русской прозы», так как «г-н Лермонтов, прозаик, до сих пор ничего порядочного не писавший, ибо, что писал он, то было очень плохо» (Сын отечества. 1840. Кн. 4. Отд. 6. С. 666)); опубликованная в этом же номере в обзоре новинок небольшая рецензия на роман «Герой нашего времени» подтверждала подобный взгляд на художественные достоинства лермонтовского произведения (Там же. С. 856–857). На этом фоне выделялась восторженная рецензия Булгарина на роман «Герой нашего времени» (*Ф. Б.* Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Северная пчела. 1840. № 246. 30 окт.), что заставило искать объяснение в неких «внелитературных» факторах, вроде слухов о материальном вознаграждении за рецензию (см., например: *Мартынов П. К.* Новые сведения о М. Ю. Лермонтове // Исторический вестник. 1892. № 11. С. 387). Через день после ее появления П. А. Плетнев сообщал, что Булгарин написал хвалебную рецензию «для привлечения подписчиков во время новой подписки, чтобы продемонстрировать беспристрастность и любовь к истине» (Письмо к Я. К. Гроту от 1 ноября 1840 г. // Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 118). Спустя некоторое время Плетнев уже сообщал иную версию, вышедшую из салона Карамзиных, – о деньгах, переданных Булгарину бабушкой Лермонтова (Там же. С. 195). По другой версии, опровергаемой самим Булгариним, рецензия была помещена по просьбе Глазуновых, издателей романа (см.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. СПб., 1883. С. 71–72). Этот слух повторял и В. Г. Белинский (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 373). Булгарин, декларировавший невозможность романа о современнике, чей характер – «бесхарактерность» («Посмотрел бы я, как гений Шекспира или Шиллера справился с героем нашего времени!») (*Булгарин Ф. В.* Письмо копииста Мирона Бульбулькина к издателям «Северной пчелы» // Северная пчела. 1831. № 198. 4 сент.), теперь, отказавшись от собственных утверждений, заявлял: «“Герой нашего времени” есть создание высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. <...> Картины, портреты, характеры написаны мастерской кистью, слог живой, увлекательный, язык русский превосходный, чистый, ясный, правильный <...>. Лучшего романа я не читал на русском языке!» (*Булгарин Ф. В.* Герой нашего времени). Рецензия Булгарина сыграла значительную роль в продвижении лермонтовского романа к читателю. Позднее Булгарин высокую оценку романа дополнил отзывом о самом Лермонтове: «Один только молодой писатель

мне, а за похвалу никто не сказал мне спасибо! Напротив, похвалы породили более врагов, нежели порицания. Удивительно, а правда! Иные стали моими врагами после похвалы, чтоб доказать, что они не напрашивались на нее; другие вооружились за то, зачем я хвалил людей, в которых *они* не видят хорошего!..

Еще весьма замечательно, что все журналы, сколько их ни было в течение двадцати пяти лет (исключая «Соревнователя просвещения и благотворения»¹²⁹, который издавался литературным обществом, и нынешней «Библиотеки для чтения»¹³⁰), начинали свое поприще, продолжали и кончали его жестокою бранью против моих литературных произведений. Все мои сочинения и издания были всегда разруганы, и ни одно из них до сих пор не разобрано критически, по правилам науки. Нигде еще не представлено доказательств, почему такое-то из моих сочинений дурно, чего я должен избегать и остерегаться. О хорошей стороне – ни помина! Какая бы нелепость ни вышла из печати, господа журналисты всегда утверждают, что все же она *лучше*, нежели мои сочинения¹³¹. Вот все существо их критики моих сочинений! Один из новых журналов простер до такой степени свою храбрость, что даже поставил меня *ниже*

приковал к себе мое внимание и удовлетворил сердце и разум. Это Лермонтов, которого сочинения вовсе не принадлежат к *натуральной школе*, хотя она и присваивает его потому только, что он печатал свои сочинения в журнале – представителе этой школы», – писал Булгарин (Ф. Б. Ливонские письма // Северная пчела. 1847. № 130. 11 июня). «Переменчивый» в литературной тактике, Булгарин, однако, своего отношения к Лермонтову не менял. Так, полемизируя с современным пониманием типического, Булгарин заявлял, что «из новых писателей» только Лермонтов «постиг свое время и в состоянии представить верные очерки нашего быта <...> он истинно, неподдельно оригинален!» (Ф. Б. Петербургские типы // Там же. 1841. № 22. 28 янв.). Такого его постоянства удостоились лишь Крылов и Грибоедов (подробнее об отношении Булгарина к Лермонтову см.: Акимов Н. Н. Лермонтов и «Северная пчела» // Лермонтовские чтения – 2006: сб. статей. СПб., 2007. С. 106–116; Она же. Кого же убил Печорин? Или еще раз о жизни жанров // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 499–509).

¹²⁹ «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818–1825) – печатный орган Вольного общества любителей российской словесности, вел пропаганду либеральных идей. Среди тем, к которым обращались «соревнователи», – национально-историческая, литературно-эстетическая (посвященная проблемам романтизма и национальной самобытности русской литературы) и философская, вызванная потребностью в освоении европейского философского наследия. Булгарин стал членом общества в ноябре 1820 г., в марте 1821 г. был избран его действительным членом (в обществе состояли друзья Булгарина – Н. И. Греч, Ф. И. Глинка, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев) и активно включился в работу, выступая с докладами и публикуясь в «Соревнователе».

¹³⁰ В 1822–1823 гг. в Петербурге выходила (с периодичностью 6 кн. в год) «Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности»; в отличие от нее Булгарин имеет в виду популярный журнал «Библиотека для чтения» (1834–1865), чьи тиражи доходили до 7000 экземпляров, созданный петербургским книгоиздателем А. Ф. Смирдиным и редактируемый известным ученым-востоковедом, профессором Петербургского университета О. И. Сенковским. Журнал носил энциклопедический характер, печатал как лучших авторов своего времени, так и писателей второго ряда, помещал переводы популярных произведений зарубежных писателей, научно-популярные статьи и материалы. Булгарин доверил ему публикацию журнального варианта своих воспоминаний, в этот же период в «Библиотеке» печатался написанный им совместно с Н. А. Полевым роман «Счастье лучше богатства» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 68. Февраль. Отд. I. С. 101–260; Т. 69. Март. Отд. I. С. 9–156; 1847. Т. 80. Февраль. Отд. I. С. 13–108; Т. 81. Март. Отд. I. С. 1–32; Т. 82. Май. Отд. I. С. 73–102).

¹³¹ Под нелепостями Булгарин подразумевал не только какие-либо низкопробные подделки, но и произведения, которые в его понимании были лишены правдоподобия. Таковыми он, к примеру, считал гоголевские произведения «Ревизор» и «Мертвые души»: «Самое основание сказки “Мертвые души” – нелепость и небывальщина. Господин Гоголь предполагает, что Чичиков скупает умершие души, находящиеся в ревизских сказках до новой ревизии, или переписи, чтоб заложить их в ломбард. Но это совершенная невозможность <...> основать сказку на том, что Чичиков разъезжает по России для покупки мертвых душ, т. е. одних имен умерших людей, и что есть дураки, которые верят Чичикову, значит записать в дураки всех действующих лиц в сказке», – писал он (Северная пчела. 1855. № 244. 5 нояб.). Противопоставление выходивших сочинений второсортных авторов булгаринским, не в пользу последних, было обычной практикой конкурентов, начиная с А. Ф. Воейкова и Н. А. Полевого. Эту тактику «Московского телеграфа», в котором участвовал Вяземский, подверг критике М. Ф. Орлов. Он писал П. А. Вяземскому 6 июня 1827 г.: «Во-первых, должно совершенно отстать от браней и колких возражений. <...> у вас есть много несправедливостей. Например: вы враги “Северной пчелы”, а приятели “Инвалиду”, не по достоинству сих журналов, но единственно по положению и отношениям вашим с редакторами»; Орлов отмечал как достоинства «Пчелы» ее оперативность и удачные нравоописательные очерки Булгарина, в то время как в издании Воейкова, расхваленном «Телеграфом» в пику Булгарину, «кроме приказов нечего читать» (Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 41). М. П. Погодин скептически относился к похвалам пушкинского круга роману М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», считая, что аристократическая партия «нарочно славит Загоскина, чтобы уронить Булгарина»; сам он иначе оценивал роман Булгарина, объясняя заниженную оценку «Димитрия Самозванца» негативным отношением к его автору (Русский архив. 1882. Кн. 3. С. 132, 138). Известно, что Вяземский невысоко оценивал роман М. Н. Загоскина, но не выступал против него в печати из-за корпоративной солидарности (см. об этом: Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. СПб., 1996. С. 93).

известного московского писака Александра Орлова!¹³² Вы думаете, что я гневался или гневаюсь на журналы за эти поступки со мною? Уверяю честью – нет! Если б они были посмышленнее, то действовали бы иначе. Думая унизить меня, они возвысили, – и сочинения мои, благодаря Бога, разошлись по России в числе многих тысяч экземпляров, многие из них переведены на языки: французский, немецкий, английский, шведский, итальянский, польский и богемский¹³³, и «Северная пчела» благоденствует!

Но литературная вражда, не пробив стрелами критики моего литературного панциря, принялась за средство, которое дон Базилио советует доктору Бартоло употребить противу

¹³² Сравнение Булгарина с Александром Анфимовичем Орловым, московским поэтом и прозаиком, автором лубочных романов и повестей, основанных на сюжетных линиях романов Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин», первым использовал как полемический прием Н. И. Надеждин в анонимной рецензии (Телескоп. 1831. № 9), это же сделал Пушкин в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (Телескоп. 1831. № 13) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (Там же. 1831. № 15), опубликованных под псевдонимом Феофилакт Косичкин. «Оборотливый» и беспринципный Булгарин противопоставлялся в них простодушному Орлову. Сравнение стало общим местом журнальной полемики 1830-х гг. О романах Орлова, ориентированных на булгаринские образцы, см.: Федута А. И. «Выжигинский текст» русской литературы как результат со-авторства // Федута А. Письма прошедшего времени: материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 151–160. Однако тут Булгарин имеет в виду не «Телескоп», а возобновленные в 1839 г. под редакцией А. А. Краевского «Отечественные записки»: в «Записке о Северной пчеле» от 10 марта 1839 г., поданной в III отделение Гречем и Булгариным, «Отечественные записки» наряду с «Литературными прибавлениями к Русскому инвалиду» охарактеризованы как издания, в которых произведения Булгарин подвергаются «самым оскорбительным нападениям» и «поставляются <...> ниже сочинений известного московского пьяницы Александра Орлова» (см.: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 440). Действительно, на страницах «Отечественных записок» (в рецензиях А. Д. Галахова) часто применялись такие сравнения Булгарина с Орловым в пользу последнего, например: «...мы, вовсе не шутя, убеждены, что романы г-на Орлова будут жить долее, нежели сочинения г-на Булгарина; ибо, несмотря на шероховатость слога, у г-на Орлова более неподдельного таланта и истины, чем у его соперника в нравоописательном роде» (Отечественные записки. 1839. № 2. Отд. 6. С. 16–17). Такая позиция журнала вызвала критический отзыв В. Г. Белинского (см. об этом подробнее в комментарии А. И. Рейтблата: Видок Фиглярин. С. 443–444).

¹³³ Ко времени выхода «Воспоминаний» существовали многочисленные переводы произведений Булгарина (публикации в периодике в списке не учтены): Archippe Thaddéevitch ou l'Ermitte russe. Paris, 1828; Sämtliche Werke / Übersetzt von A. Oldecop. Leipzig, 1828; Gemälde des Türkenkrieges im Jahre 1828 / Übersetzt von A. Oldecop. Pet., 1828; Sławianie, czyli Oswobodzenie Arkony // Powieści i romanse: z dzieł cenniejszych pisarzy tłumaczone. Wilno, 1828. T. 4; Slované, čili, Osvození Arkony / Přel. A. Hansgirk // Biblioteka zábavného čtení. Swazek 5. S. 37–70; Esterka, powieść historyczna / Przeł. przez W. G. Warszawa, 1829; Mon voyage en Russie, extraits du journal d'un voyageur français; Un instituteur, ou Histoire de mon séjour en Russie, par un jeune français; La chute de Veden, nouvelle historique du XVIe siècle; Le Juge électif; L'Entrevue, tableau épisodique; Promenade en Courlande pendant l'été 1829 // Les conteurs russes ou Nouvelles, contes et traditions russes / Trad. par M. Ferry de Pigny et M. J. Haquin. Paris, 1833. Vol. 1. P. 1–298; De onbekende. Gedenkwaardigheden uit het leven van den raad Tschuchin // Rellstab L. Stillezens. Groningen, 1837. P. 253–338; Gretch. Eine biographische Skizze / Übersetzt von M. Heine. St. Pet., 1838; Příhody francouzského vychovatele v Rusích / Přel. A. Hansgirk. Praha, 1840; Neznámý // Biblioteka zábavného čtení / Přel. P. M. Veselský // Biblioteka zábavného čtení. Praha, 1840. Swazek 13. S. 55–148; Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung / Übersetzt von H. v. Brackel. Riga; Leipzig, 1839–1841. Особой популярностью пользовались романы: Ivan Wyjighine, ou Le Gilbias Russe / Trad. par Ferry de Pigny. Paris, 1829. 4 vol.; Jan Wyżygin, romans moralno-satyryczny / Przeł. J. Godziemby Radeckiego. Wilno, 1829; Jan Wyżygin, satyryczno-moralna powieść / Tłóm. S. M[ackiewicz]. Warszawa, 1830; Jan Wyżygin, romans obyczajowy. Warszawa, 1830; Iwan Wuishigin, moral-satyrischer Roman / Übersetzt von A. Oldecop. Petersburg; Leipzig, 1830; Abenteurliche und romantische geschichte des Iwan Wischigin oder der russische Gilbias / Übersetzt von A. Kaiser. Leipzig, 1830; Iwan Wuishigin, eller lifvet och sederna i Russland. Stockholm, 1830–1831; Ivan Vejeeghen, or Life in Russia / Transl. by G. Ross. London; Edinburgh, 1831; Idem. Philadelphia, Carey and Lea, 1832; Giovanni Vixighin, ovvero i costumi russi. Romanzo satirico-morale / volgarizzato da A. Somazzi. Capolago, 1831–1832; Lotgevallen en avonturen van den Russischen Gilblas, Iwan Wyjighine: een vrolijke roman. Leeuwarden, 1831–1832; Iwan Wyžihin: powjodka zábavná a poučná. / Přel. J. M. Bačkora. Praha, 1842; Dymitr Samozwaniec, romans historyczny. Warszawa, 1830; Dymitr Samozwaniec / Przeł. przez K. Korwella. Wilno, 1831. T. 1; Le faux Demetrius, ou l'imposteur, roman historique / Trad. par Y. Fleury. SPb.; Paris, 1832–1833; Den falske Dmitrij / Fri översättning J. F. Bahr. Stockholm, 1838; Petre Ivanovitch, suite du Gil Blas russe / Trad. par M. Ferry de Pigny. Paris, 1832; Peter Iwanowitch. Russisches Charaktergemälde als Fortsetzung des: «Iwan Wyschighin oder: Der russische Gilblas» / Übertragen von F. N.rk [Nork]. Leipzig, 1834; Peter Iwanowitsch. Een tafereel van Russische karakters en zeden. Leeuwarden, 1834; Piotr Iwanowicz Wyżygin, romans moralno-historyczny XIX wieku / Przełożył A. Prokopowicz. Warszawa, 1830; Idem. Warszawa, 1835; Mazepa, romans historyczny / Przeł. K. Korwell. Warszawa, 1834; Mazepa, romanzo storico, libera versione dal russo di G. B. Viviani. Milano, 1845. Позднее были изданы переводы «Петра Ивановича Выжигина» (Napoli, 1853), «Мазепы» (Praha, 1854), «Дмитрия Самозванца» (Санок, 1857) и «Воспоминаний» (Iena, 1859). Не удалось найти упомянутые Булгариным (Журнальная всякая всячина. 1857. № 30. 6 февр.) переводы «Ивана Выжигина» на арабский (в Египте) и двух романов на испанский.

графа Альмавивы в опере Россини «Севильский цирюльник». С величайшим наслаждением слушаю я всегда арию «La calunnia»¹³⁴! У меня собран целый том сатир и эпиграмм...

Будь я в сотую долю такой литератор, каким стараются изобразить меня мои благоприятели, то достоин был бы... чего?.. самого ужасного: быть на них похожим. А как не послушать, когда рассказывают о сочинениях человека, который в течение двадцати пяти лет ежедневно припоминает¹³⁵ печатно о своем существовании! Ведь не о каждом можно сказать что взбредет на ум, а тут обширное поле для выдумок. А печатные намеки? Ведь без означения имени вы можете что угодно сказать и напечатать о журналисте, историке, романисте, статистике, сельском хозяине, проживающем в Париже или в Китае!!! Напечатав, вы можете сказать в обществе: это Булгарин! «Неужели он таков?» – спросят вас. «Во сто раз хуже!» – и из двадцати человек десять поверят. Худому верится как-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать в *стеклянный дом*, в котором я живу!

Все это меня несколько не трогает, и стоит взглянуть на меня, чтоб увериться, что желчь во мне имеет самое правильное отправление и что я не высох с горя¹³⁶. Вы думаете, что я питаю в сердце моем ненависть или злобу к моим врагам. Ей-богу, нет! Как можно в сердце хранить гнусные страсти, отравляющие все существование! Посердишься и забудешь. Только

¹³⁴ Ария из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник» (1816), написанной на сюжет одноименной комедии П. Бомарше. Тема знаменитой арии донна Базилио – клевета, или злостная сплетня (дон Базилио рассказывает, как при помощи слухов был дискредитирован граф Альмавива). «Севильский цирюльник» впервые был поставлен на петербургской сцене итальянской оперной труппой в январе 1828 г., о премьере писала булгаринская газета (Первое представление комической оперы «Il barbiere di Siviglia» («Севильский цирюльник»), музыка соч. Россини (17 января) // Северная пчела. 1828. № 12. 28 янв. Без подписи). Анонимный рецензент (об авторстве Булгарина см.: *Кулиш А.* Театральный рецензент под номером: По страницам «Северной пчелы» 1828–1829 гг. // Петербургский театральный журнал. 2003. № 32. С. 31) особенно выделил баса Замбелли в роли Базилио, который «характеристическою своею игрою прекрасно представил карикатуру завистника, клеветника и сребролюбца»; в прибавлении к статье, посвященном следующим представлениям оперы, он вновь отметил арию *calunnia* в исполнении Замбелли (Там же). Позднее он писал, сравнивая Моцарта и Россини: «Россини же, по нашему (*не знатокоосскому* (Так! – Н. А.)) мнению, только в “Севильском цирюльнике” примкнул к Моцарту, и, сказать по совести, близко примкнул к нему», – особенно высоко оценив первый акт оперы как «истинно гениальное, мастерское произведение» (Итальянский театр // Северная пчела. 1831. № 40. 19 февр. Без подп.). После того как итальянская труппа по завершении сезона (1830/1831) покинула столицу, опера уже со следующего сезона вошла в репертуар русской, а с сезона 1834/1835 гг. и немецкой оперных трупп. «Северная пчела» не раз откликалась на эти события в объявлениях и в театральных обзорах. Однако подлинным открытием опера стала для русской публики после прибытия в столицу в октябре 1843 г. знаменитых итальянских певцов Рубини, Виардо и Тамбурины. После четырех спектаклей «Цирюльника» (22, 25, 27 и 29 октября 1843 г.), когда в партии Розины на петербургской сцене дебютировала Полина Виардо, Булгарин, высоко оценивая талант певицы, чье «искусство возвысилось до такой степени, что мы не умеем даже определить его», писал в очередном субботнем фельетоне: «Это любимая наша опера из всех опер XIX века, и мы ни разу не пропустили, когда ее давали у нас на итальянской, на русской и на немецкой сцене. Теперь сознаемся откровенно, что мы вовсе не знали этой оперы и влюблены были в тень, в привидение, в фантом! Вот она, вот настоящая опера “Севильский цирюльник”, как ее понимал Россини!» (Северная пчела. 1843. № 244. 30 окт.).

¹³⁵ Булгарин использовал глагол «припоминать» (*польск.* przyminać) в значении «напоминать». Нельзя утверждать, как это делали некоторые исследователи (см., например: *Гозенпуд А. А.* Из истории литературно-общественной борьбы 20-х – 30-х годов XIX века («Борис Годунов» и «Димитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 256–257), что это исключительно булгаринская стилистическая особенность, ср. у Ф. Ф. Вигеля, считавшего себя «русакom»: «Вступая в разговоры с монахами, довольно уже немолодыми, я припомнил им об отце моем и нашем семействе...» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 2. С. 1039).

¹³⁶ В «Северной пчеле» Булгарин писал в том же году: «Сколько журналов восставало с тем, чтоб сбить с литературного поприща правописателя и критика Ф. Б., с которым никакому журналу не может заключить наступательного и оборонительного союза для *общей* (т. е. союзных журналов) пользы, и никакой литератор не может быть уверен в постоянной его благосклонности. Сегодня похвалит (когда труд хороший), а завтра похулит (если дело плохое). Нет никаких средств, никакой возможности сладить с ним, и вот двадцать пять лет (много времени, четверть столетия!) почти вся пишущая братия машет перьями противу Ф. Б. Журналы трещат от сильной начинки всякими аргументами противу него, эпиграммами и сатирами, намеками, и журнальный народ вопит: Он порча, он чума, он язва здешних мест! Лови, коли, руби – пардона нет врагу! А он на это ни гугу: Смеется, сладко спит и с аппетитом ест! Гуляет в Карловских лугах, Не беспокоясь о врагах, И презирая их пристрастную хулу, Не желчью – правдою питает он Пчелу. А легкокрылая Пчела Летаёт на Руси, здорова, весела! Ф. Б. издал в свет до *ста* томов больших и малых, и написал до *пятидесяти* томов. По мнению противников, всё это дурно, никуда не годно и даже более, бесполезно. Но публика думает иначе и разобрала *всё* в нескольких изданиях» (*Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 105. 11 мая).

на одно обстоятельство я должен обратить внимание моих читателей, потому что оно имеет неразрывную связь с теперешним моим сочинением.

По долгу журналиста, литератора и современника я подвержен горькой обязанности говорить о смерти людей, снискавших уважение или любовь и благодарность соотечественников своими заслугами или литературными трудами. По моему положению в свете я знал и знаю лично бо́льшую часть замечательных лиц в России и, кого знал, о тех говорю от своего лица, приводя иногда речи или необыкновенные случаи из их жизни, мною от них слышанные. Из этого мои благоприятели, мои любезные дон Базилии, умели выковать металл и вылить из него противу меня пули, которые, однако ж, не попадают в цель. Некоторые очень искусно дают знать, особенно по случаю моей биографической статьи об И. А. Крылове¹³⁷, что будто я *хвастаю дружбою* с знаменитостями после их смерти¹³⁸, когда эти знаменитости меня и знать не хотели!!! Ловко, да не умно и не удачно! Мы живем посреди современных свидетелей, и к следующим томам моих «Воспоминаний» я приложу *снимки* с писем ко мне многих знаменитостей для доказательства, в каких я находился с ними сношениях¹³⁹. Предварительно скажу, что я никогда не *хвастал* ничьею дружбой и никакими связями, никогда этим *не гордился* и не буду хвастать и гордиться. Никогда в жизни я ничего не искал, никому и никогда не навязывался, не обивал ничьих порогов и не задыхался в атмосфере передних. Почитаю себя счаст-

¹³⁷ Речь идет о статье Булгарина «Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений» (Северная пчела. 1845. № 8, 9, 11, 12 янв.), в которой Булгарин приводил биографические сведения, сообщенные ему Крыловым, и вел рассказ о нем как его близкий знакомый. См. эту статью, публикуемую в настоящем издании, и примечания к ней.

¹³⁸ Одним из первых упрекнул в этом Булгарина А. Ф. Воейков в статье «О знакомстве издателя “Лондонского трутня (The London Drone)” со знаменитыми покойниками после их кончины» (Славянин. 1828. № 39. С. 512–514. Подп.: Готовский), речь в которой шла о Наполеоне и Н. М. Карамзине. Булгарин имеет в виду напечатанные в 1845 г. в «Москвитянине» (№ 2. С. 87) эпиграммы П. А. Вяземского «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный...» и Н. П. [Н. Ф. Павлова] «Что ты несешь на мертвых небылицу...». После выхода в свет первых двух частей «Воспоминаний» Булгарин писал: «“Воспоминания” Ф. Б. вышли в декабре 1845 и январе 1846, а журналы до сих пор, в мае, все пережевывают их и никак не могут проглотить. Наконец изобрели противники Ф. Б. *новый* способ атаки, не употребляемый ни в одной просвещенной земле, даже во Франции и в Англии, где при свободе книгопечатания существуют личные памфлеты. По кончине знаменитых или заслуженных мужей Ф. Б. вместо сухих биографий сообщает публике свои *воспоминания* о них, определяя степень своих к ним отношений. Что же выдумали противники? Они печатают, что Ф. Б. навязывается на дружбу после смерти. Хитро! Быть может, кто-нибудь, не бывавший никогда в столице или вовсе не знающий отношений и положения в свете Ф. Б., и поверит, а этого и довольно противникам! И это называется критикой!!! Мы раз навсегда сказали в предисловии к нашим “Воспоминаниям”, что никому никогда не навязывались в дружбу, особенно русским литераторам, и пояснили дело, следовательно почитаем излишним повторять однажды сказанное. Когда мы пишем о современности и современниках, то говорим в виду свидетелей, и пусть же они уличат нас в неправде *печатно*, за *подписью своего имени*. Когда дойдем в наших “Воспоминаниях” до вступления нашего на литературное поприще, тогда представим снимки собственноручных писем к нам тех, с которыми мы находились в каких-либо сношениях, и публика убедится в истине. Не смешно ли требовать от современного писателя, чтоб он не говорил об умерших знаменитостях? Ужели должно говорить о живых? “Отечественные” записки удивляются даже, что мы при жизни нашей печатаем наши “Воспоминания”! Им кажется это небывальщиной. Кто пишет правду, тот может говорить ее при жизни своей, и сомнения противников еще не улика в неправде. Требовать от живого человека, чтоб он не говорил о виденном и слышанном, и при этом не вмешивал своего лица, значит желать, чтоб никто не издавал ни путешествий, ни приключений своих, ни записок, т. е. желать, чтоб все материалы к истории, этнографии, статистике и т. п. издавались после *смерти* автора. Нелепость!» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 105. 11 мая).

¹³⁹ Булгарин не сдержал своего обещания, потому что «Воспоминания» не были доведены до периода его литературной деятельности и знакомства со «знаменитостями». В статье, посвященной выходу «Воспоминаний» (Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.), он писал, что, в отличие от журнальной публикации, «в отдельно напечатанных экземплярах есть и будут особые *пояснения и приложения*. Если в первой части они не важны, относясь более к лицу автора, для характеристики эпохи, то в следующих частях эти приложения будут иметь особое достоинство, потому что будут состоять из *снимков* с почерка замечательных людей, редких сочинений и кратких биографических очерков». Булгарин состоял в переписке со многими известными людьми своей эпохи, однако его архив, находившийся в Карлове, не сохранился. В 1870–1900-е гг. журналы «Русский архив», «Русская старина» и «Наша старина» публиковали документы (в том числе и письма) из архива Булгарина, предоставленные его сыновьями Болеславом и Владиславом. Среди корреспондентов Булгарина – литераторы, ученые, деятели искусства, государственные лица; сохранились частично опубликованные письма Г. С. Батенькова, А. А., Н. А. и П. А. Бестужевых, Д. В. Веневитинова, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, М. Н. Загоскина, В. Р. Зотова, П. А. и П. П. Каратыгиных, А. И. Михайловского-Данилевского, А. Мицкевича, А. Н. Оленина, Н. А. Полевого, К. Ф. Рыльева, О. И. Сенковского, В. А. Ушакова, А. С. Хомякова и многих других.

ливым и радуюсь в глубине души, что многие значительные люди оказывали и оказывают ко мне благосклонное внимание, и за это питаю к ним искреннюю, сердечную благодарность; но чтоб я хвастал или гордился знакомством или связью с каким-нибудь, хотя самым даровитым, русским писателем, этого не бывало и не будет! В столкновении и в связи я был со всеми ими как литератор и журналист, но в дружбе был только с двумя, и то не как с литераторами, а как с людьми, – именно: с покойным А. С. Грибоедовым, бессмертным творцом «Горя от ума», и с Н. И. Гречем¹⁴⁰. Я столько же любил бы и уважал их, если б они вовсе не были писателями. Талант без сердца – машина! Дружбою с покойным И. А. Крыловым я не хвастал, потому что никогда даже не искал этой дружбы, а был с ним хорошо знаком и прежде часто видывал его. Как журналисту, не принадлежащему ни к какой партии, мне даже невозможно было искать дружбы литераторов, а что многим из них я был нужен, это не подлежит ни малейшему сомнению и ясно по ходу дела. Были литераторы, искренно мне преданные, но они уже в могиле... и я не трону их и не вспомню о их ко мне приверженности! Есть, может быть, и теперь литераторы, которые *знают* меня... и я больше не требую. Но чтоб я *хвастал дружбою* Крылова, Пушкина или кого бы то ни было!!! Ах, боже мой, как вы мало знаете меня, любезные мои дон Базилии, если в самом деле верите этому, а не выдумываете! Я горжусь только одним в свете, а именно моими врагами. Если б они не были моими литературными врагами, я бы умер от чохотки или сошел с ума!

Итак, почтенные мои читатели, верьте мне, что все сказанное в моих «Воспоминаниях» – сущая истина. Никто еще не уличил меня во лжи¹⁴¹, и я ненавижу ложь, как чуму, а лжецов избегаю, как зачумленных. Всему, о чем я говорю в «Воспоминаниях», *есть живые свидетели*, мои современники, совоспитанники и сослуживцы, или есть документы. Пусть современники уличат меня во лжи! Ошибиться я мог в числах, в именах, в порядке происшествий, потому что пишу не из книг, а из памяти, – но в существе все правда. Где нельзя сказать правды,

¹⁴⁰ Об отношениях Булгарина с Н. И. Гречем и А. С. Грибоедовым см. во включенных в настоящее издание воспоминаниях Булгарина о них и комментариях к ним.

¹⁴¹ Упреки разного рода были обычной полемической практикой, направленной против Булгарина: ложью называли исторические и географические неточности и ошибки булгаринских изданий, обвиняли его также в необозначенных заимствованиях. Первым подобные обвинения предъявил «Московский телеграф», указав на использование работы Шлегеля «Лекции о драматическом искусстве и литературе» в статье «Междуудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве», помещенной в «Русской Талии» с подписью А. Ф. (то есть Архип Фаддеев) без ссылки на источник (см.: — *ст* — *въ* [Перцов Э. П.] Письмо к издателю «Московского телеграфа» // Московский телеграф. 1825. № 3. Раздел «Антикритика». С. 1–13; об обстоятельствах создания статьи см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 131–132). Этой статьей, завершающейся цитатой из Крылова, любимого Булгариным («Улика налицо и запыраться поздно!»), «Телеграф» открыл кампанию, направленную на дискредитацию Булгарина. Для антикритик, главным объектом которых был Булгарин, Полевой отвел в своем журнале особый отдел в виде прибавлений (Московский телеграф. 1825. № 4, 13, 14); в серии фельетонов «Матюша-журналушка, или Ученые свет, а неученые тьма», подписанных Я. Сидоренко, к прежним обвинениям Булгарина в плагиате он добавил указание на заимствования для «Воспоминаний из Испании» из «Истории войны испанской и португальской» Альфонса де Бошана и привел примеры многочисленных нелепостей и ошибок, допущенных Булгариным (Там же. № 15. Прибавление. С. 311–324; № 22. Особенное прибавление. С. 1–32). Те же примеры ошибок булгаринских изданий повторил со ссылками на «Московский телеграф» в своей не пропущенной цензурой статье, посвященной воспоминаниям Булгарина, В. Г. Белинский (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 9. С. 616–619). На страницах «Московского телеграфа» в статье П. М. Строева булгаринскому изданию были предъявлены упреки в подделке «Записок Гримовского» на том основании, что журнал не указал, где находится оригинал исторического источника, стиль документа «несообразен с духом времени», а «некоторые места речей прямо списаны с других современных источников» (С[троев] П. Несколько слов о статье, помещенной в № 21 «Северного архива» // Московский телеграф. 1825. № 14. Отд. IV. С. 204–206). Речь шла о публикации в «Северном архиве» статьи под названием «Записки о делах Московских, веденные с 1598 года Гримовским и представленные Сигизмунду III, королю польскому», сопровождавшейся примечанием Булгарина: «Сия статья найдена в Варшаве одним русским путешественником и переведена им с латинского языка. Мы обязаны почтенному А. М. Спиридову за сообщение оной в наш журнал, но, не выдав подлинника, не ручаемся в достоверности исторической» (Северный архив. 1825. № 21. С. 1–51); статья положила начало ряду изданий разных вариантов этого текста и многолетнему обсуждению вопроса о его подлинности (см.: Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1996. С. 133–154). Современный историк полагает, что «Записки Гримовского» были созданы между 1808 и 1822 гг. (Там же. С. 153).

там я молчу, но не лгу¹⁴². В том, близок ли я был к некоторым знаменитостям, представлю *письменные доказательства* или сошлюсь на *живых свидетелей*.

Но я вам еще не отвечал, почему я издаю мои «Воспоминания» при жизни...

Ведь это только *отрывки!*..

При воспоминании *прошлого* кажется мне, будто жизнь моя расширяется и увеличивается и будто я молодею! Нынешнее единообразие жизни исчезает – и я смешиваюсь с оживленными событиями прошлого времени, вижу пред собою людей замечательных или для меня драгоценных, наслаждаюсь прежними радостями и веселюсь минувшими опасностями, прежним горем и нуждою. Пишу с удовольствием, потому что это занимает меня и доставляет случай излить чувства моей благодарности к людям, сделавшим мне добро, отдать справедливость многим забытым людям, достойным памяти, высказать несколько полезных истин, представить подлинную характеристику моего времени. Найдется много кое-чего любопытного и даже поучительного! Я прочел написанное несколькими искренними приятелям...

«Печатайте!» – сказали они в один голос.

«Печатай, печатай!» – повторили в семье... Явился мой добрый М. Д. Ольхин¹⁴³ и решил: *печатать*...

Печатаю!

Пойдут многочисленные подражания¹⁴⁴, как после всего, что только я ни вздумал печатать, и журналам будет случай бранить меня и т. п. Все это даст некоторое движение умам, разбудит их, а при общем умственном застое и это хорошо!

А сколько вы издадите томов ваших «Воспоминаний»?

Не знаю! Сколько напишется. Быть может, кончу на этих двух томах, быть может, буду продолжать¹⁴⁵. Не принимаю никакой обязанности пред публикою. Все зависит от досуга и от охоты.

Вспоминая о моих детских летах, я излагал события почти в хронологическом порядке и часто должен был говорить о себе. Со второй части форма сочинения, по самому существу вещей, должна измениться. Детство и великих, и малых людей принадлежит более *природе человеческой*, нежели *истории*, и наблюдение за развитием *каждого человека* любопытно для любознательного ума, особенно если развитие совершилось среди необыкновенных событий и необычного хода дел. Так точно мы с некоторым любопытством смотрим даже на обломки корабля, разбитого бурей, потому что эти щепы возбуждают в нас идеи! Дитя может смело

¹⁴² Этот принцип – следствие длительного опыта работы Булгарина в условиях цензуры. В письмах к Р. М. Зотову, театальному критику «Северной пчелы», он советует придерживаться этого правила и разъясняет способы его реализации. Так, в письме от 2 июня 1845 г. Булгарин пишет: «За что ж нам воевать с [А. М.] Геденовым? (директором императорских театров. – Н. А.) – Если нельзя порицать – скажите – о таком-то или такой-то: *умалчиваем*. Принудить хвалить он не может – а молчать не запретит – а до распоряжений дирекции – я вам давно говорил – мне *приказано* не касаться именем Государя. <...> Да и зачем нам трогать дирекцию? Наше дело *пьеса* и *игра* актеров. Мы не переделаем Геденова!» (Письма Булгарина к Р. М. Зотову // Рейтблат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 318, см. также: С. 298–299, 307, 310).

¹⁴³ Петербургский книгопродавец и издатель М. Д. Ольхин был тесно связан с Булгариным, выпустил ряд его книг, среди которых несколько томов его Полного собрания сочинений (Т. 3–7. СПб., 1843–1844). Булгарин неизменно рекламировал Ольхина в «Северной пчеле»; его старшие сыновья Болеслав и Владислав были женаты на дочерях Ольхина.

¹⁴⁴ Прогноз Булгарина не вполне осуществился: несмотря на активное обращение русской литературы к мемуаристике, публикации автобиографических сочинений при жизни автора были редки: «Но и 20 лет спустя после полемики вокруг автобиографической книги Ф. Булгарина моральное право мемуариста на такую издательскую акцию казалось еще делом исключительным, нуждающимся в защите и публичной поддержке» (Тартаковский А. Г. Указ. соч. С. 179). Такие явления русской мемуаристики, как «Былое и думы» А. И. Герцена, начатые в 1852 г., и мемуарно-биографическая проза С. Т. Аксакова 1850-х гг., по-разному развивающие мемуарную традицию, не могут рассматриваться как подражания.

¹⁴⁵ Осторожность Булгарина была вызвана непривычностью для отечественной культурной практики прижизненной публикации автобиографического жизнеописания: и он, и его издатель М. Д. Ольхин не знали, какова будет реакция публики и властей, строго дозирувавших индивидуальную оценку современной истории. Однако намерение продолжать у Булгарина было, о характере и составе «следующих частей» он упоминает в статье, посвященной выходу «Воспоминаний» (Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.). Слова «том» и «часть» в случае этого издания Булгарин использует как синонимы.

и откровенно говорить о себе, потому что оно, так сказать, не составляет индивидуума, или отдельного лица в гражданском обществе, но принадлежит к массе человечества.

Со времени, когда я вступил на поприще гражданской жизни, я буду рассказывать как очевидец малоизвестные обстоятельства и замечательные случаи в современных событиях, или вовсе не замеченные историею, или вскользь упомянутые, и частные происшествия и приключения, достойные внимания или любопытные своею необыкновенностью, а о себе буду упоминать тогда только, когда невозможно будет этого избежать и когда надобно будет изложить мое собственное мнение. Рассказы мои будут или от третьего лица, или от имени товарищей, по большей части эпизодами или отдельными статьями. Эти эпизоды будут *исторические* и *частные*. Первые будут иметь форму или обыкновенную историческую, или *созданного мною* рода в русской литературе, под названием *военные рассказы*¹⁴⁶; вторые будут в виде *повестей*, или повествований, основанных на истинных событиях. Вообще, в моих «Воспоминаниях» нет и не будет ничего *выдуманного* мною. Все здесь справедливо. Я должен иногда *пропускать* многое, повествуя о *современности*, но не обязан *прибавлять* или *искажать истины*. Это мое неотъемлемое право. Слово подлежит обстоятельствам; *мысль* и *совесть* – моя собственность!

Фаддей Булгарин

---

¹⁴⁶ Булгарин по праву считал себя одним из создателей жанра военного рассказа в русской литературе. Его небольшие военные повести появились в начале 1820-х гг., некоторые из них (Геройство испанки (Исторический анекдот) // Благонамеренный. 1821. № 14. С. 139–142; Осада Сарагосы // Сын отечества. 1823. № 14. С. 295–309) вошли в книгу «Воспоминания об Испании» (СПб., 1823); уже в первое собрание своих сочинений (1827–1828) Булгарин включил раздел «военные рассказы». А. А. Бестужев оценил их «военную искренность и правду», «вкус разборчивый и оригинальный» (Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.; Л., 1960. С. 27), см. об этом также: Акимова Н. Н. Военный рассказ в русской литературе первой половины XIX века // Жанры в историко-литературном процессе. СПб., 2000. С. 25–36.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Первые воспоминания детства. – Разбойники и освободители. – Верный очерк тогдашних польских нравов. – Первое знакомство с русскими воинами

Приятно вспоминать первые годы детства! Человеку в годах они кажутся заманчивым сновидением. Вообще, все связанное или важное, из детских лет остающееся в памяти, почерпнуто из рассказов родителей или других свидетелей нашего младенчества, слышанных после. Но и детские воспоминания, и слышанное наконец сливается в одно и составляет общую картину, в которой впоследствии трудно отделить свое от чужого. Редкий человек не припоминал своего детства, особенно в кругу своего семейства, помышляя о будущей участи своих детей! Мои детские лета протекли среди необыкновенных событий, входящих в состав истории, и мне суждено было, как малой капле вод, волноваться вместе с огромными валами в разъяренном море, пока брызгами не выбросило меня на берег. Много необыкновенного видел я в жизни, много испытал и хорошего и дурного, знал много великих и гениальных мужей и много пустотцветов – и намерен, не трогая никого, рассказать кое-что из виденного, слышанного и испытанного.

Родился я в бывшем Минском воеводстве¹⁴⁷ бывшего Великого княжества Литовского¹⁴⁸ (в котором предки мои издревле были княжескими боярами¹⁴⁹, имевшими одно значение с древними боярами русскими)⁽¹⁾ ¹⁵⁰, в именье Перышеве¹⁵¹, принадлежавшем матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя)⁽²⁾. Год моего рождения (1789) ознаменован началом переворота, ниспровергнувшего древнюю французскую монархию¹⁵² и, подобно землетрясению и вулканическим взрывам, изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но и Америки. Искры Французской революции попали в Польшу, как в пороховой магазин¹⁵³. Умы холодные, утомленные польским безначалием, и умы пламенные, жаждущие новостей, эгоизм и патриотизм равно воспламенились и вспыхнули¹⁵⁴, одни из собственных выгод, другие в надежде исцелить недужное отечество, не веря, в простоте души своей, чтоб оно было неисцелимо, и не догадываясь, что уже антонов огонь¹⁵⁵ проник до его сердца! Пишу я не историю падения Польши, следовательно, не обязан рассказывать всех происшествий до раз-

---

¹⁴⁷ Воеводство – единица административно-территориального деления в Великом княжестве Литовском; Минское воеводство было создано в 1566 г. и существовало до 1793 г.

¹⁴⁸ Великое княжество Литовское – государство, существовавшее с XIII в. на территории современных Литвы, Беларуси, частично Украины и Польши. В 1569 г. по Люблинской унии образовало вместе с Польшей федеративное государство Речь Посполитую, в составе которой обладало автономией. В 1772–1795 гг. в ходе разделов Речи Посполитой земли княжества вошли в состав Российской империи.

¹⁴⁹ Княжеские бояре – в Великом княжестве Литовском нетитулованная шляхта (дворянство), проживавшая в княжеских имениях и несшая воинскую службу.

¹⁵⁰ Цифрой в скобках Булгарин помечал свои Пояснения, которые помещены в конце первой части.

¹⁵¹ Сейчас это деревня Пырашево Узденского района Минской области Республики Беларусь.

¹⁵² В 1789 г. восставшие парижане взяли штурмом замок Бастилия, выполнявший функции королевской тюрьмы и арсенала, что стало началом Французской революции.

¹⁵³ Пороховой магазин – специально оборудованное помещение для хранения пороха.

¹⁵⁴ Булгарин имеет в виду восстание 1794 г. под руководством Т. Костюшко, направленное на восстановление государственности Речи Посполитой, ликвидированной в ходе первого (1772) и второго (1793) ее разделов.

¹⁵⁵ Антонов огонь – гангрена.

бития Костюшки под Мацеювицами¹⁵⁶ и взятия штурмом Праги Суворовым¹⁵⁷. Припоминаю о тогдашних польских событиях настолько, насколько они входят в состав рассказа о моем детстве. В это время мать моя¹⁵⁸ уже продала имение свое Перышево и, намереваясь очистить от долгов имение отца моего Грицевичи⁽³⁾ ¹⁵⁹, в Минской губернии, в Слуцком уезде, и поселиться в нем, отдала предварительно капитал свой помещику Дашкевичу, под залог и в уплату процентов (по тогдашнему польскому обычаю) имения Маковищ¹⁶⁰, в нынешнем Бобруйском уезде, верстах в пяти от местечка Глуска¹⁶¹. Костюшко уже был взят в плен; большая часть Войска польского уже положила оружие, но восстание в Литве еще не прекратилось. Мы жили тогда в Маковищах. Однажды утром, весною 1795 года, приказчик прибежал в комнаты с гумна и сказал матушке, что слышал пушечные выстрелы. Мать моя, две старшие сестры¹⁶² и я с нянькою побежали на гумно по совету приказчика, прилегли на току, приложив ухо к земле. Вдали точно раздавались удары и глухой подземный гул. После узнал я, что это были остатки отряда генерала Грабовского, разбитого прошлою осенью князем Цициановым под Любаром¹⁶³. Некоторые отчаянные патриоты, собрав рассеянных солдат и присоединив к ним вооруженную шляхту, намеревались снова возмутить край и объявили конфедерацию¹⁶⁴. Отряд русских войск при первой встрече разгромил их картечью, и тем все кончилось. Это было, кажется, последнее сражение на землях бывшей Польши в эту войну и происходило верстах в двадцати от нашего тогдашнего местопребывания. Отца моего не было дома; он по обязанности своей находился тогда или в Слуцке, или в Несвиже⁽⁴⁾, и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Решено было всему семейству, с драгоценнейшими вещами, спрятаться в лесу, угнать туда же домашний скот и лошадей и послать немедленно нарочного к отцу, чтоб он приехал поскорее домой и привез с собою, если возможно, *залог* и *охранительный лист* от русского генерала, из Несвижа⁽⁵⁾. Тотчас начали укладываться и суетиться; не обошлось при этом без слез, и я, видя общую суматоху и слезы, слыша беспрестанные повторения «*пропали мы, погибли*», сам заплакал громче всех, воображая, что пропадут и погибнут все мои игрушки, сад, в котором я играл, и вообще все, что утешало и забавляло меня. Наконец нагрузили несколько телег лучшими вещами и съестными припасами, и матушка, две сестры мои, панна Клара⁽⁶⁾, несколько служанок, лакеев и стрельцов с ружьями пошли пешком в лес, почти примыкающий ко двору. На одной телеге, нагруженной пуховиками и подушками, поехал я с моею нянькою, обложенный моими игрушками. Отец мой был большой охотник и имел несколько отличнейших стрельцов, которые знали все тайники в обширных лесах, покрывавших в то время весь этот край от Глуска до границы Волынской губернии, отчего и страна называлась *Полесьем*. Пройдя лесом с час времени, наш обоз должен был остановиться, потому что телег нельзя было провезти в чаще. Мы оставили телеги, навьючили кое-как всю поклажу

¹⁵⁶ Сражение под Мацеювицами состоялось 29 сентября (10 октября) 1794 г. Оно закончилось пленением Т. Костюшко, который был увезен в Петербург, где находился в заключении до 26 ноября 1796 г.

¹⁵⁷ Прага – пригород Варшавы. Штурм Праги 24 октября (4 ноября) 1794 г. русской армией под командованием А. В. Суворова был одним из наиболее кровопролитных сражений при подавлении восстания 1794 г.

¹⁵⁸ Имеется в виду Аня Булгарина, урожд. Бучинская.

¹⁵⁹ Грицевичи – ныне деревня, центр Грицевичского сельсовета Клецкого района Минской области Республики Беларусь.

¹⁶⁰ Маковищи – ныне деревня в Узденском районе Минской области Республики Беларусь.

¹⁶¹ Глуск – центр Глусского графства, принадлежал семье Радзивиллов, с 1800 г. был в собственности графа Юзефа Юдицкого, получившего Глуск в приданое после брака с Алоизой Радзивилл. Ныне городской поселок, центр Глусского района Могилевской области Республики Беларусь.

¹⁶² Имеются в виду сестры Булгарина Елизавета (в замужестве Погоржельская) и Антонина (в замужестве Искрицкая).

¹⁶³ П. Д. Цицианов разбил отряд С. Грабовского под местечком Любань (ныне районный центр Минской области Республики Беларусь) 4 (15) сентября 1794 г.

¹⁶⁴ В Речи Посполитой конфедерация – политический союз с заявленными целями, создающий параллельные государственные структуры власти.

на людей и лошадей и пошли далее. Меня несли на руках попеременно любимые стрельцы отца моего, Семен и Кондратий, а нянька должна была нести мои игрушки и постель. При этом должно заметить, что я был последнее, любимое и балованное дитя у моих родителей⁽⁷⁾. Не знаю, долго ли мы шли и далеко ли ушли, потому что я заснул на руках у моих носильщиков, но, когда проснулся, было уже утро, и я увидел, что мы находимся на поляне, среди леса, возле небольшого ручья. Люди наши рубили сучья и поправляли шалаши, сделанные, видно, с вечера на скорую руку, и строили новые шалаши. В одном только месте горел огонь, в яме. На поляне паслись лошади и несколько коров. Повар разбирал кастрюли и ошипывал живность; служанка варила кофе, и мне все это показалось так хорошо и так весело, что я прыгал от радости. Это был настоящий бивак! Матушка сказывала мне после, что она всю ночь не могла уснуть, хотя в шалаше разостланы были пуховики, и что она еще до зари послала домой человека узнать, что там делается. После обеда, когда солнце начало уже прятаться за высокими деревьями, возвратился посланный с корчмарем нашим, евреем Иоселем, который за свою исправность и услужливость был в большой милости у матушки. Иосель приехал верхом и привез полный мешок припасов, сахару, зеленого чаю (без которого моя матушка не могла обойтись), булок, свежего мяса и, как всегда, для меня гостинца – на этот раз пряников. Иосель успел побывать в Глуске, куда перевез всех женщин и детей своего семейства, и узнал от губернатора замка⁽⁸⁾, что русских ждут к вечеру или на другое утро в Глуск и надеются, что, вследствие покорности губернатора и усиленной его просьбы, город не будет разграблен и жители не подвергнутся обидам и притеснениям. Но, по словам Иоселя, предстояла всем большая беда, потому что при общем недостатке в съестных припасах трудно будет прокормить солдат, если весь русский отряд остановится в городе, и что непременно потребуют помощи в съестных припасах от помещиков, а денег, как водится, от евреев. Иосель, при сих словах покачав головою, завопил: «Ой вей мир, ой вей мир»¹⁶⁵ – и стал утирать слезы рукавом. Матушка и сестры также заплакали – не о съестных припасах и не о деньгах, а о своем положении. Я опять заревел громче всех, смотря на плачущих. На вопрос матушки, не слышно ли чего об отце моем, Иосель отвечал, что губернатор замка послал за ним четырех гонцов, в четыре разные стороны, чтоб просить его прибыть как можно скорее для необходимых распоряжений в этой крайности. Иосель пробыл у нас до ночи и поехал обратно, обещая дать знать, что делается у нас дома и в окрестностях, и уведомить немедленно отца моего о нашем положении.

Прошли двое суток, и мы не получали никакого известия. На третий день, в полдень, пришла в наш бивак крестьянка из чужого имения, у которой мать моя вылечила ребенка, и, бросаясь в ноги, рассказала, что она слышала, что соседние мужики собираются убить всех нас в лесу, чтоб завладеть нашим добром, предполагая, что маменька имеет при себе много денег и всяких дорогих вещей. Можно себе представить положение моей матери, сестер и всей нашей прислуги! Я хотя не постигал всей опасности, но знал хорошо, что значит *убить* и *умереть*, слыша часто о битвах и о смерти наших знакомых, и, видя общее беспокойство, был в страхе, однако ж просил, чтоб мне дали ружье для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня к сердцу. Наконец матушка собрала на совет всю нашу прислугу мужеского пола и спросила, намерены ли они защищать господ своих. «До последней капли крови!» – отвечали все единогласно и бросились целовать руки и ноги маменьки и сестер. Стрелец Семен взял меня на руки и сказал, что не выдаст меня, хотя бы его растерзали на части. С нами было всего девять человек сильных молодых людей, искусных стрелков. Нет сомнения, что и двойное число разбойников не одолело бы их. Некоторые из наших людей изъявляли даже желание встретиться с разбойниками, чтоб проучить их порядком.

Матушка наградила добрую женщину, известившую нас об угрожавшей опасности, обещая на всю жизнь призреть ее семейство, и поручила ей отдать нашему приказчику записку,

¹⁶⁵ «Боже мой, боже мой!» (*идиши*).

написанную карандашом (помню, потому что *моим*), в которой матушка требовала, чтоб он немедленно поспешил на помощь с верными крестьянами, оставив дом на произвол судьбы.

В юности нашей, начитавшись о римской и греческой республиках, о людях, иногда самых мелочных умом и душою, но наделавших шуму своею дерзостью и пылкими речами и за то произведенных в великие мужи красноречивыми писателями, мы часто предаемся мечтам и желаем переворотов, потрясений, бредим о вольности и равенстве (которые, сказать мимоходом, никогда не существовали в мире и не будут никогда существовать для массы народа) и завидуем так называемым героям народным!.. Школьничество – и только! Эти народные герои, вообще, или простаки, увлеченные мечтами воображения, порожденными впечатлениями юности, или хитрецы и честолюбцы, т. е. или тетерева, или лисицы. Лучше спустить с цепи голодного тигра или гиену, чем снять с народа узду повиновения властям и законам. Нет зверя свирепее разъяренной черни! Все усилия образованного сословия должны клониться к просвещению народа насчет его обязанности к Богу, к законным властям и законам, к водворению в сердцах человеколюбия, к искоренению врожденного человеку звериного эгоизма, а не к возбуждению страстей, не к порождению несбыточных надежд. Кто действует иначе, тот преступник пред законами человечества. Видевший народное восстание знает, что это значит! Наполеон заслуживает вечную благодарность всех благородных сердец за то, что никогда не хотел действовать мятежом противу своих неприятелей, когда имел полную власть в своих руках. В Италии он должен был повиноваться Директории¹⁶⁶.

В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто. Только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а *своеволие*. Даже порядочная и достаточная шляхта⁽⁹⁾ должна была держиваться какой-нибудь партии, т. е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты и терпеливо переносила побои с тем условием, чтоб быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости занятие торговлею и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белоруссии положение их было гораздо хуже негров. Когда в последнее время (т. е. с 1791 года) Польшу возмутили мечтами о вольности, равенстве и политической независимости, были в ней люди истинно благородные, даже с большими дарованиями и геройским мужеством, которые пламенно желали перерождения своего несчастного отечества и утверждения в нем порядка на основании прочных законов и наследственной монархической власти. Но эти желания и усилия благородных людей не могли увенчаться успехом, потому что в Польше не было для этого никаких стихий. Все было в расстройстве: правительство без всякой силы, народ без единодушия. Магнаты враждовали между собою и беспокоили соседние державы просьбами о покровительстве своей партии. Все партии ненавидели короля и не имели к нему ни малейшей доверенности, испытав его малодушие и вероломство¹⁶⁷. Порядочное дворянство приставало к различным партиям, но вообще действовало более словами, нежели делом, а мелкая шляхта вооружалась насчет панов, бушевала, пьянствовала, грабила и обращалась в бегство при встрече с неприятелем. Над этим восстанием мелкой шляхты все благоразумные люди шутили и насмеялись, утверждая, будто при встрече с неприятелем они говорят: «В лес, господа! Это *не шутки* –

¹⁶⁶ Во время итальянского похода 1796–1797 гг. популярность Наполеона настолько выросла, что он мог позволить себе действия, не согласованные с Директорией (республиканским правительством Франции 1795–1799 гг.). Вместе с тем именно в этот период Бонапарт подчеркнуто демонстрировал свое законопослушание. Отчасти это было связано с разоблачением в Париже заговора генерала Ж.-Ш. Пишегрю, в результате чего тот был арестован и сослан. Бонапарт не хотел повторять его судьбу. См.: Троцкий Н. А. Наполеон Великий: В 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 196–210.

¹⁶⁷ Король Станислав Август Понятовский стремился ограничить своеволие крупных магнатских родов и максимально централизовать власть (в частности, ликвидировать право *liberum veto* – право шляхтича наложить запрет на решение сейма).

стреляют пулями!» Сами поляки подучали русских мародеров к грабежу, разделяя с ними добычу, и, донося ложно на своих соотечичей русским начальникам, соблазняли некоторых пользоваться обстоятельствами. Иные из мелкой шляхты грабили даже или похищали общественную казну¹⁶⁸. Регулярного войска было чрезвычайно мало, едва ли 25 000 человек в целом королевстве, и это войско, сперва упавшее духом, потом воспламененное Костюшкою, могло только со славою умереть. Поселяне в коренной Польше, особенно краковяки¹⁶⁹, приняли сильное участие в восстании, обнадеженные Костюшкою в улучшении своей участи; но крестьяне в Литве, в Волынии и Подолии, если не были принуждены силою к вооружению, оставались равнодушными зрителями происшествий и большею частию даже желали успеха русским¹⁷⁰, из ненависти к своим панам, чуждым им по языку и по вере. Вообще, в так называемое костюшковское восстание шуму, разглагольствия, похвальбы, приготовлений было слишком много, но дела было чрезвычайно мало: вся деятельность сосредоточена была в Варшаве и Вильне, а провинции были оставлены на произвол судьбы! Негодяи пользовались расстройством края, наезжали на дворы, грабили и даже убивали, хотя редко, безвинных, провозглашая их изменниками. Никто не слушал властей, не имеющих силы. Русские в насмешку говорили, что поляки *проспали Польшу!* Это несправедливо: не проспали, а *проболтали!* Ораторов было множество, а не было воинов, и бодрствовали не для дела, а для интриг и собственных выгод.

При самом начале переворота в Польше (с 1791 года), когда варшавские дельцы стали провозглашать правила французского Конвента¹⁷¹ (*la Convention*), объявили Польшу вольным пристанищем для всех беглецов из соседних государств, стали порицать узаконения своих соседей и форму их правления, даже провозглашать личности противу государей и возбуждать соседние народы к восстанию для шествования к одной цели с Польшею, — тогда соседние государства, по предложенному сперва плану Фридрихом Великим, решились на крайнее средство, как бывает при пожарах, т. е. вознамерились разобрать дом, угрожающий зажечь соседние дома. Последний порыв героизма, возбужденный Костюшкою, не спас Польши, которую уже отравили велеречивые теоретики и гнусные эгоисты. Я застал, так сказать, последний вздох умирающей Польши...

Обращаюсь к повествованию.

За несколько месяцев пред сим отец мой выгнал из службы помощника нашего приказчика, за дурное поведение и, кажется, за воровство. Он был шляхтич и, оставшись без места, оседлал своего коня и определился в так называемую *рухавку* (конную милицию из шляхты), формировавшуюся в Новогрудке. Был ли он на войне или нет, не знаю, но после пленения Костюшки он возвратился на родину с деньгами, начал мотать по корчам с подобными ему негодяями и грозил заочно мести моему отцу, что было уже нам известно. Этот-то человек, узнав, что наше семейство прячется в лесу, вознамерился нас ограбить и, вероятно, всех перебить, чтоб прикрыть следы злодейства, и, таскаясь по корчам, подговорил на этот подвиг несколько пьяных шляхтичей и десятка два самых развратных мужиков, уверяя, что русские, заняв край, не станут разыскивать об убийстве или грабеже панов, с которыми они воюют. В тот же день, как злодей с шайкою своею отправился в лес нас отыскивать, не со стороны нашей усадьбы, к которой он не смел приблизиться, но издалека, чрез болото, крестьянка,

¹⁶⁸ В Минской губернии два самые бедные шляхтича возвратились на родину после взятия в плен Костюшки с огромными суммами. Один из них всегда носил парик, закрывавший лоб. Об этих людях распространились самые неблагоприятные слухи, именно будто они ограбили польскую военную казну. Отец мой, раздраженный гордостью одного из богачей, сорвал однажды с него парик, и оказалось, что у него на лбу клеймо: виселица! Говорят, что, похитив казну, один из них ушел с деньгами, а другого поймали, и генерал Сераковский велел его заклеить. Я еще видел обоих. Они померли уже лет за сорок.

¹⁶⁹ То есть жители Краковского воеводства.

¹⁷⁰ В восстании 1794 г. участвовало около 150 тысяч человек, из них в белорусско-литовских губерниях по различным источникам от 30 до 40 тысяч. См.: *Грыцкевіч А. П.* Паўстанне 1794 г. // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т.* Мінск, 1999. Т. 5. С. 447.

¹⁷¹ Конвент — высший законодательный и исполнительный орган Французской Республики (сентябрь 1792 — октябрь 1795).

благодарная моей матери, узнав об этом от соседки, которой муж принадлежал к шайке, побежала в Маковищи и, боясь сказать об этом приказчику, не доверяя ему, расспросила у коровницы, каким путем пошло наше семейство в лес, и по следам нашим нашла нас. Этой женщине матушка дала лошадь, чтоб она скорее поспела в наш дом, и наши люди стали приготовляться к защите от разбойников.

Семен, не любивший корчмаря Иоселя за то, что он по приказанию отца моего не давал ему в долг водки и, пользуясь милостью господ, иногда грубо обходился с дворнею, сказал, что он подозревает Иоселя в измене. Это мнение разделяла вся наша прислуга, по врожденной ненависти своей к жидам, – и Семен клялся, что при первой встрече убьет его, как зайца. В нашем лагере раздалось проклятия и угрозы противу Иоселя, которого защищала одна моя матушка. Вскоре увидим, какое участие принимал он в этом деле.

Кондратий, бывший с моим отцом в походе, имел первенство в совете, он предлагал составить род укрепления из земли и сучьев и засесть в нем, закрыв сверх того от пуль матушку, сестер и меня пуховиками. Другие советовали возвратиться домой как можно скорее, что и матушке казалось лучше, но страх от встречи с русскими удерживал ее... Бог весть, что тогда рассказывали о русских, хотя в самом деле война ведена была в то время не так, как теперь. Победители почитали врагом каждого жителя неприятельской страны, не различая ни возраста, ни пола. Подвиги Древича¹⁷² и других были в свежей памяти: Прага еще дымилась, и от одного имени Суворова бросало в лихорадку! Я спал спокойно, но никто в нашем лагере не смыкал глаз во всю ночь; огней не разводили, и два стрельца, с заряженными ружьями, расхаживали вокруг поляны. На рассвете матушка велела выючить лошадей, и мы отправились в обратный путь. Матушка хотя и не решалась возвратиться домой, но вознамерилась приблизиться к опушке леса. Мы шли в тишине около двух часов времени, как внезапно впереди, шагах в двухстах, в авангарде, составленном из Семена и Кондратия, послышался шум и говор. Матушка сказывала мне после, что ноги у нее подкосились, в глазах потемнело, и она сперва присела на сломанное дерево, а потом лишилась чувств. Она боялась более за детей своих! Меня отнесли в сторону, а сестры, сами чуть живые, бросились с служанками помогать матушке. Панна Клара от страха почти лишилась ума и кричала изо всей силы. Вдруг раздался громкий и внятный голос Семена: «Не бойтесь! это хорошие люди!» Сквозь чашу леса, однако ж, нельзя было ничего и никого видеть. Матушку привели в чувство, но она была так слаба, что не могла привстать с места. Слова Семена оживили всех, но ненадолго... Вдруг из-за кустов и между деревьями мелькнули русские гренадерские шапки и светлые мундиры. Все женщины, как курицы при появлении коршуна, немедленно сбились в кучу и бросились на колени вокруг матушки, сидевшей на обрушенном дереве, склонясь на руки моей няньки. Я сидел у ног матушки. Женщины не смели поднять глаз и были как полумертвые, и только одна панна Клара продолжала вопить: «О Боже мой, умиосердись!» – и потом начинала громко пересчитывать всех святых, которые приходили ей на память... Минута была решительная и ужасная, и в самое это время на тропинке показался наш корчмарь Иосель, а с ним Семен и Кондратий. «Не бойтесь, не бойтесь, пани! – кричал Иосель, махая руками. – Ничего не будет худого; это хорошие москали – я сам привел их сюда, чтоб спасти вас!.. Не бойтесь – и пана ожидают сегодня в Глуск; он верно к вечеру будет дома!..» Мать моя ожила, а с нею все другие. Сестры мои от радости стали обнимать и целовать Иоселя; у матушки слезы полились градом, а у панны Клары сделались страшные спазмы: она смеялась и плакала вместе и валялась по земле. Иосель, поцеловав руку сперва у матушки, а потом у меня и вынув из кармана пряник, подал мне, как бывало в прежнее время. У матушки брызнули из глаз слезы. «Иосель! – сказала она. – Этого пряника я во всю жизнь не забуду!»

¹⁷² Речь идет о майоре И. Г. фон Древице, известном крайней жестокостью и мародерством в борьбе с польскими конфедератами.

Дело объяснилось. Иосель, узнав от приятеля своего, корчмаря, что толпа негодяев вознамерилась перебить всех нас, чтоб завладеть нашими вещами, решился просить помощи у русского капитана, пришедшего накануне на квартиры в Маковищи, и капитан немедленно отправился к нам, с пятидесятью гренадерами, взяв с собою Иоселя для указания дороги и чтоб повесить его на первом дереве, если б он обманул его и ввел в какую-нибудь засаду. Жида вели связанного и развязали только при встрече с нашими людьми.

Едва Иосель успел кончить свой рассказ, явился капитан, молодой человек, весьма красивый собою, в светло-зеленом мундире с красными отворотами, в красных панталонах, в щегольской гренадерской шапке. Никогда я не забуду ни лица его, ни голоса, ни имени. Это был капитан Палицын, Фанагорийского гренадерского (если не ошибаюсь) полка¹⁷³. Он подошел к моей матушке, успокоил ее, изъявил сожаление, что она из опасения его земляков подверглась такой опасности; уверил, что никому, даже последнему мужику, солдаты его не сделают ни малейшей обиды; потом, обратясь к сестрам, сказал с улыбкою, что он сберег их ноты, фортепиано и гитары и оставил их комнаты незанятыми, и наконец, увидев меня уже на коленях у матушки, взял на руки, поцеловал и спросил, хочу ли я с ним подружиться. Видя, что появление его всех успокоило, я крепко обнял его за шею и сердечно расцеловал, отвечая, что хочу быть его другом, если он не убьет никого из нас. «Я, дружок, тогда только убиваю, когда на меня нападают, и защищаю тех, кому нужна моя помощь». Это сказано было не для меня, а для всех. «До дому еще далеко, – сказал капитан дамам, – и вы не дойдете пешком. Прошу покорно подождать, я помогу делу...» И капитан, посадив меня на колени матушки, удалился, оставив всех в удивлении и недоумении. Тогда так боялись русских, что матушка моя не верила, чтоб капитан был природный русский, и сказала: «На счастье наше, это или поляк, или лифляндец, или курляндец!» (albo Polak, albo Liflandczyk, albo Kurlandczyk). Впрочем, капитан Палицын весьма недурно говорил по-польски; он провел долгое время в Польше и, как после сказывал, имел искренних приятелей между поляками. Еще бы такому человеку не иметь приятелей! Да он нашел бы их и между ирокойцами¹⁷⁴!

Чрез полчаса возвратился капитан. За ним шестнадцать гренадер несли четыре носилки, наскоро сделанные из сучьев. Я не спускал глаз с солдат. Они имели ружье за плечом, на ремне, по-охотничьи. Капитан просил дам (в том числе и панну Клару, которая была больна от испуга) сесть на носилки. Сперва матушка и сестры противились и отговаривались, но наконец согласились. Положили на носилки подушки, дамы сели; меня взял на руки саженный гренадер с предлинными усами, и по команде капитана «вперед!» шествие двинулось. Шагах в пятидесяти, на небольшой площадке, стоял отряд. «Песенники вперед!» – сказал капитан, и часть солдат отделилась. Остальные солдаты по одному шли за нашим обозом, и мы весело пошли вперед под звуки русских песен. Впервые услышал я тогда русские песни и солдатский хор; некоторые из тогдашних песен я после часто слышал, и они остались у меня в памяти.

Прибыв домой, матушка чрезвычайно удивилась, что капитан с поручиком заняли комнаты в гостином флигеле, не сдвинув даже стула с места в нашем доме. Явился наш управитель и объявил, что по приказанию капитана он пригнал во двор скот и привел лошадей и что капитан приказал только кормить солдат в деревне и давать им винную порцию, обещая, что все будет смирно и тихо, как в мирное время. Приказчик примолвил, что он сам хотел ехать за нами, с известием, что в москалях Бог послал нам таких добрых людей, когда Иосель явился к капитану с известием о разбойниках, и капитан в ту же минуту собрал команду и отправился...

Матушка испросила у капитана позволение дать каждому солдату по рублю серебром и угостить на другой день всю роту во дворе, примолвив, что она надеется, что избавитель ее и

¹⁷³ Фанагорийский гренадерский полк был сформирован 25 мая 1790 г. Шефом его в описываемый период был А. В. Суворов.

¹⁷⁴ Ирокойцы (*устар.*, совр. ирокезы) – название одного из племен североамериканских индейцев. В романах Ф. Купера они были изображены как нечестные и коварные люди.

всего нашего семейства не откажется разделять с нами стол и все, чем только она может с ним поделиться. Капитан согласился быть нашим гостем и во все время своего квартирования в Маковищах проводил целый день в нашем семействе. Это был милый, образованный и добрый человек. Солдаты обожали его.

Хотя Иосель сказал, что отец мой придет скоро домой, но он возвратился чрез неделю, к самому обеду, и, зная уже все случившееся, бросился в объятия капитана, со слезами благодарил его за благородное обхождение, покровительство и избавление нас от величайшей опасности. Отец любил жить весело: он тотчас послал приглашение к соседям, прося их приехать на несколько дней с семействами повеселиться пред отъездом всего нашего семейства в Несвиж. В этом городе велено ему было проживать по его должности, и он не хотел расставаться с своим семейством, чтоб не подвергать нас снова подобным приключениям. Наехало гостей множество, и как погода была теплая, то дамы поместились в комнатах, а мужчины вместе с моим отцом устроили себе жилище на гумне. Привезли из Глуска музыку¹⁷⁵ графа Юдицкого. Капитан Палицын по просьбе отца моего пригласил приятелей своих офицеров – и пошла пируха! Каждый день прогулки, большой обед, танцы, ужин, музыка, пение – и так пропировали целую неделю. Тут я увидел в первый раз так называемую *лодку*, представляемую русскими песенниками¹⁷⁶, увидел русскую пляску и так полюбил лихих русских солдат, что не отходил от них, носил им водку, виноградное вино, булки, пироги и давал даже деньги, выпрашивая у родителей. За то и солдаты полюбили меня и говорили пророчески: «Этот будет *наш*!» Я бросил все мои игрушки и играл штыками и тесаками. В карманах у меня были пули, через плечо золотой шарф капитана Палицына. Чрез неделю он, после бала, продолжавшегося до утра, выступил с ротой в поход, в Слуцк, провожаемый с музыкою всем обществом верст за пятнадцать, где приготовлен был завтрак на прощанье, а после него, на третий день, выехали мы в Несвиж. Перед выездом недосчитались панны Клары. Она примкнула к Фанагорийскому гренадерскому полку, но только не под покровительство доброго Палицына – и без него нашелся другой охотник до этой дичи!

II

Старинный польский дорожный поезд. – Победитель Костюшки граф Ферзен. – Первое собственное оружие. – Жизнь русских офицеров в Польше. – Польки. – Испуг

Удивительно, как все изменилось в короткое время! В Польше было тогда какое-то молодечество, от которого никто не смел уклониться. Подраться на саблях значило почти то же, что чокнуться стаканами. Каждый мужчина долженствовал быть отличным ездоком и стрелком из ружья и пистолета. Погасить свечу пулею, попасть в туза или убить на лету, пулею, ласточку – ныне причисляемое к редкостям – почиталось тогда делом обыкновенным. Мужчина не смел ездить в карете или в коляске: это предоставлялось больным и женщинам. Семидесятилетние старики ездили верхом в дальний путь, например с берегов Березины в Варшаву. Только некоторые богатые модники, возвратясь из изнеженного Парижа, презирали старинные обычаи; но таких людей было весьма немного, и их преследовали сатирою и насмешками. Таким образом, как наше семейство ехало в Несвиж, езжали тогда все порядочные шляхетские фамилии.

¹⁷⁵ Здесь в значении «оркестр».

¹⁷⁶ «Лодка» – популярная народная пьеса о шайке разбойников, плывущих по Волге, включающая большое число песен, в том числе песню «Вниз по матушке, по Волге». См. текст пьесы: Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. М., 1991. С. 65–72. См. также: Крупянская В. Ю. Народная драма «Лодка» // Славянский фольклор. М., 1972. С. 258–302.

Роскошь магнатов, особенно многочисленность их прислуги и лошадей, превосходила всякое вероятие. Например, князь Карл Радзивилл выезжал иногда в тысячу коней!..

Маршрут наш назначен был предварительно, и бричка, в четыре лошади, с кухонными снарядами, с поваром и поваренками, шла впереди, шестью часами перед главным поездом. На назначенных местах повар готовил обед и ужин. Завтрак и полдник везли с собою. Матушка с сестрами и со мною ехала в четвероместной огромной карете, на *пасах* (т. е. на ремнях, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряженной цугом, в шесть сивых лошадей, без фореитора¹⁷⁷. Кучер правил с лошади, а не с козел. Перед каретою и за нею ехали верхом четыре стрельца с ружьями наперевес, с кортиками и с охотничьими рогами; на запятках стояли два огромные лакея, одетые по-венгерски, с высокими волчьими шапками. Эти лакеи назывались *гайдуками*. За каретою шла коляска, запряженная цугом четырьмя карими жеребцами, и кучер также правил с лошади, без фореитора. Сбруя была краковская, т. е. высокие хомуты с бубенчиками; но в городе употребляли английские шоры с серебром. В коляске сидел камердинер батюшки, а на запятках казачок, бандурист. Потом ехал пикер (по-польски *доезжачий*) и его помощник, ведя гончих и борзых собак на сворах. Несколько брик¹⁷⁸ (кажется три), каждая в четыре лошади, также цугом, с постелями, туалетом, столовым сервизом и разными вещами, шли за коляскою. В бричках сидели служанки и так называемые *покоевцы*, т. е. комнатная прислуга, из молодых и красивых людей. При бричках ехали, также верхом, официант, носивший в Польше название *маршалка*, и конюший. Первый был то же, что в Испании *majordome*¹⁷⁹, т. е. заведовал кухней, буфетом и прислугой, а второй управлял конюшнею и охотою. За бричкой ездовой, верхом, вел парадную верховую лошадь батюшки, под богатою попоною с гербами, а в замке тянулись крестьянские подводы с съестными припасами, мукою, крупю, разным копченым мясом, водками, ликерами, вареньями, сырами и т. п. Отец мой ехал верхом на сером жеребце, а за ним ездовой (по-польски *лиозак*, *lozak*) в куртке с галунами, в шишаке с перьями, с кортиком; он вез длинный турецкий чубук и весь трубочный припас. Весь поезд ехал обыкновенно шагом или, по хорошей дороге (что тогда была редкость), малою рысцою. Без этой свиты не мог выехать порядочный человек, шляхтич, *bene natus et possessionatus*¹⁸⁰! Подъезжая к усадьбе или местечку, кучера хлопали бичами, ездовые трубили в рога и стреляли на воздух из ружей и пистолетов, чтоб дать знать, что едет *пан*.

Все польские власти были тогда в разброде; страну управляли русские генералы и поставленные ими офицеры. Начальники были рады-радешеньки, если могли ухватиться за кого-либо из туземцев, и отец мой, в звании народного гражданско-военного комиссара¹⁸¹, должен был поневоле исправлять обязанности маршала (предводителя дворянства), судьи и всех полицейских властей. Не знаю, на какое пространство простиралась эта принужденная власть его, но официально он был комиссаром воеводства Новогрудского.

Польша издревле славилась беспорядками всякого рода, особенно дурными дорогами и мостами. На этот счет существует даже насмешливая пословица¹⁸². Верстах в двадцати от Несвижа надлежало проезжать чрез ручей, который в полную воду был довольно широк и быстр. Осмотрев мост, люди наши уверились, что он не поднимет кареты, а потому стали искать брода. Отец мой первый проехал в броде, но не остался на другом берегу, а воротился, чтоб

¹⁷⁷ При запряжке цугом (т. е. гуськом) на одной из передних лошадей ехал кучер, называемый фореитором.

¹⁷⁸ Брика – большая полуоткрытая коляска.

¹⁷⁹ мажордом (*фр.*), т. е. дворецкий; по-испански это слово пишется как *mayordomo*.

¹⁸⁰ *Bene natus et possessionatus* – «благородный и рожденный властвовать» (*лат.*), традиционная характеристика шляхты.

¹⁸¹ *Komisarz cywilno-wojskowy*. Это было нечто вроде французского *représentant du peuple, en mission*⁶⁹. Он долженствовал наблюдать за вооружением народа и порядком в стране и действовал от имени Временного правительства, учрежденного в Варшаве⁷⁰.

¹⁸² Польский мост, жидовский пост, турецкое богомолье – все это безделье. По-польски это в стихах: *Polski most, Żydowski post, Tureckie nabożeństwo, to wszystko blażeństwo*.

распорядиться при спуске кареты. Карета прошла чрез воду благополучно, но при подъеме передние лошади стали путаться, и карета нагнулась на сторону. Сестры от испуга закричали, и отец мой, ехавший возле кареты, дал шпоры лошади: она рванулась на берег и, не знаю как оступившись или завязнув в грязи, упала на бок. Отец попал под лошадь и, ударившись о камень, переломил ногу. Мы все выскочили из кареты и с криком и плачем подняли его; стрельцы перевязали ногу между двумя досками, положили в коляску и поскакали во весь дух в Несвиж. Мы также поехали во всю рысь...

Дом для нас был приготовлен магистратом¹⁸³. Когда мы приехали, отец мой был уже перевязан искусным доктором и лежал в постели. Доктор успокоил матушку и уверил, что чрез шесть недель отец мой будет совершенно здоров и встанет с постели и что не предвидится ни малейшей опасности.

В Несвиже была тогда временная главная квартира генерала графа Ферзена, который победою, одержанною над Костюшкою, и взятием его в плен стяжал себе всемирную славу. В это время он наслаждался ею в полной мере, награжден был щедро императрицею Екатериною II¹⁸⁴ и союзными дворами и пользовался особенным уважением всей русской знати.

Некоторые из польских офицеров, бывших в сражении под Мациевицами, приписывают, однако ж, победу генералу Денисову, впрочем весьма несправедливо, на том основании, что в начале сражения поляки одержали верх в центре, где начальствовал сам генерал Ферзен, который уже начал ретироваться, оставив на месте несколько пушек; но генерал Денисов, стремительно бросившись с своею кавалериею на левый фланг польский, смял его, обратил в бегство и этим внезапным ударом привел весь корпус Костюшки в расстройство. Тогда уже генерал Ферзен стал громить центр польский своею артиллериею и ударил в штыки. Как бы то ни было, но слава победы принадлежит всегда главнокомандующему. Очевидцы и иностранные писатели должны вспомнить, что без счастливого движения генерала Десе (Desaix) Наполеон не одержал бы победы при Маренго¹⁸⁵, однако ж слава принадлежит Наполеону. Ведь и Костюшку взял в плен не сам Ферзен, а мы должны говорить и писать, что Костюшко взят Ферзеном.

Разумеется, в общем расстройстве страны, при непрерывных переходах войск, продовольствие его было сопряжено с величайшими затруднениями. Брали, где могли взять, и наконец выбрали все, что было на виду, а между тем большая часть запасов сохранялась помещиками и крестьянами в ямах, в лесах, между неприступными болотами. Надлежало иметь человека, который бы знал местность и средства каждого поместья и умел распределить так называемую реквизицию (контрибуцию провиантом и фуражом) справедливо, без излишнего отягощения жителей и сообразно состоянию каждого помещика. Для этого Ферзен вытребовал отца моего в Несвиж и весьма был огорчен случившимся с ним несчастием, которое замедляло предположенное учреждение Временной провиантской комиссии.

Лишь только язвенная горячка (Wundfieber) у отца моего миновалась, граф Ферзен навещал его, присылая прежде ежедневно адъютанта осведомляться о его здоровье. В эту самую пору у отца моего был доктор, и потому матушка приняла графа в гостиную и, по польскому обычаю, представила ему все наше семейство. Граф Ферзен после первых вежливостей сказал матушке, что она, будучи матерью русского воина¹⁸⁶, как русская, имеет полное право на покровительство русского правительства, и просил ее, чтоб она избрала его в предстатели пред троном великой монархини. Матушка, разумеется, приняла это за комплимент, однако ж все

¹⁸³ Магистрат – орган местного самоуправления в городе.

¹⁸⁴ Он пожалован графом (из барона), получил чин генерал-аншефа, Андреевскую ленту и 2-й степени Георгия, богатые поместья на Украине и от австрийского и прусского дворов ордена и богатые подарки.

¹⁸⁵ Сражение при Маренго (город в Пьемонте) состоялось 14 июня 1800 г. Войска под командованием Наполеона могли потерпеть поражение, однако генерал Л. Дезе, отправленный Наполеоном в Геную, услышал канонаду и отдал приказ армии вернуться к Маренго. Сам Дезе погиб в начале сражения, однако австрийская армия была разгромлена.

¹⁸⁶ См. приложение 7-е в конце 1-й части.

наше семейство было обворожено ласковостью, хорошим тоном и добродушием графа Ферзена. Заметив привязанность матушки ко мне, державшей меня на коленях, граф Ферзен обратился ко мне, а матушка велела мне подойти к графу и приветствовать его. Граф поцеловал меня в лоб и обещал принести конфетов и игрушек. Я столько слышал в доме нашем о графе Ферзене, о Костюшке (которого обожали в нашем семействе), что с недоверчивостью слушал графа и с величайшим любопытством рассматривал его. Граф Ферзен был уже стар, лет шестьдесят, но по лицу казался еще старше. Он был сухощавый, весь в морщинах и согнутый; щурил глаза и закрывал их рукою от света. Особенно помню, что он весьма бело был напудрен и имел трость с набалдашником, осыпанным драгоценными камнями. Посидев с дамами с полчаса, граф пошел в комнату отца, где пробыл долго, и с другого же дня в спальне отца моего начал собираться ежедневно комитет, составленный из нескольких помещиков и русских штаб-офицеров, для учреждения земской полиции и установления правильного продовольствия войска.

Граф Ферзен занимал весь замок, или дворец (pałac), князя Радзивилла, властителя Несвижа, жил роскошно, по-царски, разумеется, по тогдашнему обычаю, на счет города и помещика, который был за границею. Вся оставшаяся в доме прислуга княжеская и все, что оставалось в целости, – домашние снаряды, сервизы, лошади и экипажи, – находились в распоряжении графа Ферзена. Дня чрез два после своего посещения граф Ферзен снова приехал к нам просить матушку с сестрами на вечер: на концерт, бал и ужин. Матушка отговаривалась всячески и наконец должна была обещать, что будет, если какие особенные обстоятельства не помешают.

После узнал я причину, по которой матушка не хотела ехать на вечер к такому важному человеку. Граф Ферзен, невзирая на преклонные свои лета и хилость, был страстным обожателем прекрасного пола и имел при себе трех юных собеседниц, полек. Тогда был иной век, и русские вельможи, а за ними и их подчиненные не скрывали того, что в наше время если и делается, то лишь тайно и с некоторыми приличиями. Русская знать все еще жила в веке Людовика XV¹⁸⁷. Все богатые и достаточные люди в России держали явно любовниц, хвастали ими, как ныне хвастают мебелью или лошадьми, и никто не обращал на это внимания. Некоторые богачи, поселившись в деревне, имели целые хоры певиц, танцовщиц или целый завод кружевниц, и все это было в порядке вещей. В Польше, где все дворянство, исключая должностных при дворе, проживало большую часть года в своих поместьях, в семейном кругу, между родными, соблюдалось более приличий в этом отношении. Любовные интриги хотя и существовали, но тайно и благопристойнее, и, невзирая на вольное обращение между полами, никто не дерзал похвастать тем, что имеет любовницу. Женщина подозрительного поведения не смела даже показаться в люди. Русские офицеры, *особенно пожилые*, вели себя непринужденно, разобрали по рукам всех хорошеньких служанок из шляхтянок, всех пригожих дочерей экономов и даже жен многих шляхтичей – словом, всех легкомысленных девушек и женщин, получивших некоторую наружную образованность в господских домах и умевших искусно подражать всем манерам своих прежних барынь и барышень, и жили с ними явно, как с женами. Надобно сознаться, что польки соблазнительны! Один польский поэт сравнивает их по грациозности с *молодыми кошечками*¹⁸⁸! Польки ловки, любезны, кокетки от природы и умеют принимать на себя все оттенки различных характеров, сообразно нраву того, кому хотят нра-

¹⁸⁷ Правление Людовика XV было известно крайней распущенностью нравов.

¹⁸⁸ Булгарин имеет в виду балладу А. Мицкевича «Три Будрыса». Прозаический перевод баллады был опубликован самим Булгариным в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (1829. Т. V. С. 113–115) и использован А. С. Пушкиным в работе над поэтическим переложением «Будрыс и его сыновья»; см. об этом: Федута А. И. Три «Будрыса»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод // Федута А. И. Письма прошедшего времени: материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 125–135. Указанное место Булгарин перевел так: «Всех невольниц милее ляшские красоти / Веселенькие, как молодые кошечки».

виться. Трудно противостоять их искушению, в чем сознался и великий Суворов¹⁸⁹! В противоположность этому женская ловкость, развязность и любезность сосредоточивались тогда в России только в высшем обществе, а в обыкновенном дворянском кругу женщины были манерны, застенчивы, неловки и старались казаться в высшей степени чинными и степенными. Приманка в Польше была слишком велика, и покорители Польши щедро вознаграждали себя за понесенные труды и за скуку с русскими женщинами и жили в Польше, как в Магометовом раю¹⁹⁰, с тою разницею, что в польско-магометовом раю было сверх всех благ венгерское вино¹⁹¹! Многие любовницы совершенно овладели своими обожателями, и они, повинувшись их воле, вводили своих любовниц в порядочный круг, возили на балы, приглашали к себе гостей – словом, ввели их во все права законных жен. Пока кипела война и каждый вооруженный человек был страшен, тогда все терпели и даже искали покровительства любовниц; но когда громы войны замолкли и императрица Екатерина II решила присоединить к России Литву, то с мирными и покорными жителями велела поступать снисходительно и ласково – и они ободрились. К тому же многие поляки уже находились при дворе Российском и обещали землякам своим защиту и покровительство. Итак, хотя страх русского имени еще не исчез вовсе в Польше, но уже значительнейшие из жителей заняли прежние места свои в обществе и не покорялись слепо воле каждого, носившего русский мундир. Многие дамы не ездили даже в церковь, чтоб не встречаться с русскими собеседниками, щеголявшими нарядами и экипажами. Эти собеседники русских воинов приводили в соблазн своею роскошью и не появлялись в люди иначе, как осыпанные алмазами и жемчугом. Итак, матушка моя боялась унизиться или, как говорится, скомпрометироваться, попав в общество этих собеседниц, тем более что слышно было, будто и наша панна Клара разъезжает по городу в богатом экипаже какого-то майора. Матушка созналась в этом доктору, лечившему отца моего, а как этот доктор, земляк графа Ферзена, был с ним фамилльярен и пересказал ему справедливые опасения матушки, то граф Ферзен был так деликатен, что в тот же день прислал матушке список всех званных гостей. Разумеется, что матушка после этого поехала с сестрами на вечер, на котором младшая сестра, Антонина, приобрела общие похвалы за отличное свое пение и ловкость в танцах.

Поляки, подобно богемцам, народ музыкальный, и богемцы потому только превосходят в музыке все славянские племена, что имеют в Праге консерваторию, распространяющую вкус и образующую учителей. В Польше также в каждом шляхетском доме занимаются музыкою. Почти каждая бедная шляхтяночка играла в то время на польской гитаре (с семью железными струнами), и во всех помещичьих домах все дамы играли на фортепиане, на арфе и даже на гусях, которые тогда были в большом употреблении. Все польки учились пению в женских монастырях. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновенным талантом к музыке, имела прелестный голос, пела с удивительным чувством и выражением и играла отлично на фортепиане, на арфе, на гитаре и на гусях. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная, как и младшая, по тогдашнему обыкновению, в монастыре сестер бенедиктинок, в Минске¹⁹², где наша родственница была настоятельницею, Елисавета, по странному вкусу, избрала для себя

¹⁸⁹ Суворов писал А. И. Бибикову 21 октября 1772 г. из Польши: «Правда, я не много обращался с женщинами; но, забавляясь в обществе их, я соблюдал всегда почтение. Мне недоставало времени заниматься с ними, и я страшился их. Женщины управляют и здешнюю страну, как и везде; я не чувствовал в себе достаточной твердости защищаться от их прелестей» (пер. с фр.) (Жизнь Суворова, им самим описанная, или Собрание писем и сочинений его / Изд. с примеч. Сергеем Глинкою. М., 1819. Ч. 1. С. 49).

¹⁹⁰ Согласно Корану, души праведников попадают в рай, в реках которого текут молоко, вода, райское вино и мед, а их супругами становятся райские девы – гурии, объятия которых сулят высшее наслаждение.

¹⁹¹ О. А. Пржецлавский писал: «Всем известен широко развитый в Польше вкус к венгерскому вину и умение *воспитывать* его. Сложилась даже у венгерцев поговорка: “Non est polus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum” (“Нет напиток, кроме вина, нет вина, кроме венгерского, нет венгерского вина, кроме того, которое воспитано в Польше”))» (Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост. А. И. Федута. М., 2010. С. 33).

¹⁹² Монастырь ордена бенедиктинок в Минске был основан в 1633 г. и функционировал до 1871 г.

кларнет и играла на нем очень хорошо, участвовав прежде в монастырском музыкальном хоре. Дом наш сделался местом собраний всех русских офицеров и всех семейств, съехавшихся в Несвиж для избежания опасностей от мародеров, и почти каждый вечер у нас занимались музыкою и танцами и играли в карты. Страшно вспомнить об этой игре! Червонцы ставили на карту не счетом, а *мерою* – стаканами! В офицерских квартирах, как рассказывал отец мой, играли также на вещи: на жемчуг, алмазы, серебряную и золотую посуду, часы, перстни, серьги, драгоценное оружие и конскую сбрую. Шайки варшавских и виленских шулеров разъезжали из одного штаба русских войск в другой штаб и прибирали к рукам добычу. Многие игроки сделались богачами, хотя и с переломанными костями, без глаза или без зубов; некоторые лишились жизни за карточным столом. Тогда на все смотрели сквозь пальцы! Благоразумнее всех поступали русские офицеры из немцев: они отправили свои сокровища домой, потом накупили мыз в Лифляндии и Эстляндии и, вошед бедняками в службу, оставили детям богатое наследство. Большая часть русских что нажили в Польше, то в ней и прожили. Славянская кровь! Почти то же было и с поляками в России во время Самозванцев¹⁹³, с тою разницею, что поляки проигрывали своим и чужеплеменникам.

Граф Ферзен был ежедневным нашим гостем и полюбил искренно наше семейство. Я был его любимцем, ходил к нему почти каждое утро завтракать, бегал по комнатам, играл с его попугаями, москьями и с его оружием и весьма часто оставался обедать. В шутку называл он меня своим полуадъютантом и посылал чрез меня бумаги к моему отцу. И он сам, и собеседники его, и адъютанты, и даже прислуга забавлялись мною, потому что я был резв, смел, всегда весел, разговорчив и заставлял их часто хохотать моими детскими речами и простодушием. Однажды, когда граф Ферзен был в самом веселом расположении духа, а я дразнил его попугая, грозя ему маленьким ятаганом, который был у меня в руках, граф спросил: «Что ты хочешь, чтоб я подарил тебе: попугая или эту саблю?» Попугай мне чрезвычайно нравился, но я, взглянув на него и на ятаган, сказал: «Дай саблю!» – «Зачем тебе она?» – примолвил граф. «Бить всех, кого дядя Костюшко прикажет!» – отвечал я. Разумеется, что я говорил точно так, как попугай, с которым я играл, т. е. повторял то, чего наслушался дома, а в то время только и толков было что о беспредельном повиновении избранному вождю и неповиновении королю. «А разве ты не знаешь, что у тебя есть король и что ты должен слушать его, а не Костюшку?» – примолвил граф. Я отвечал затверженною мною и тогда общею поговоркою: «Король Понятовский, дурак по Божьей милости» (*Król Poniatowski, kiep z łaski Boskiej*)¹⁹⁴. Ферзен и все присутствовавшие расхохотались, и граф сказал: «Возьми же эту саблю, я дарю тебе ее, а попугая отнеси от меня матушке». Я бросился к графу, вспрыгнул к нему на колени, стал обнимать и целовать, замарался весь пудрой и сказал: «Тебя не убью, хоть бы дядя Костюшко велел!» – «Спасибо, очень благодарен», – отвечал граф, смеясь. Я тотчас попросился домой, чтоб похвастать моею саблею и, пробегаая ряд комнат в переднюю, не мог удержаться, чтоб не хватить саблей по лбу мраморного сатира, который стоял в нише, в карикатурном положении, высунув язык¹⁹⁵. Со мною был мой дядька, который рассказал матушке все происшедшее, и она чрез-

¹⁹³ Имеются в виду выдававшие себя за сына Ивана Грозного царевича Дмитрия (1582–1591) Самозванец I, в октябре 1604 г. начавший поход на Москву, воцарившийся на московском престоле 1 июня 1605 г. и убитый 17 мая 1606 г., и Самозванец II, начавший поход на Москву в мае 1607 г. и до убийства его 21 декабря 1610 гг. правивший значительной частью страны, хотя и не взявший Москву. Личности обоих, пользовавшихся поддержкой военных отрядов польских магнатов, до сих пор достоверно не установлены.

¹⁹⁴ Я слышал, будто знаменитый князь Карл Радзивилл велел вычеканить несколько сот червонцев с изображением короля и этою надписью и что эта монета была в обращении в Варшаве. Пример разлады и неустойчивости! Могло ли существовать государство при таком своеволии!

¹⁹⁵ В 1821 г. Булгарин записал в альбом своего знакомого П. И. Кеппена следующее: «После Революции в Польше и вооружения Костюшки, в котором и отец его участвовал, и которых последствием были падение Польши, несчастье и разорение его семейства, генерал-аншеф граф Ферзен, квартирующий в то время в Несвиже, познакомился с его родителями и полюбил шалуна мальчика, который рубил у него мебели и бил зеркала и чашки, воображая, что разит москалей, взял с собой удалца и, по определении почтеннейшего графа директором Сухопутного кадетского шляхетного корпуса, он определил и малого

вычайно испугалась, чтоб граф Ферзен не заключил из слов моих о неприязненных чувствах нашего семейства к настоящему порядку дел. Лакей графа принес, вслед за мною, попугая, а вечером приехал и сам граф, и когда матушка начала объясняться насчет моих речей, граф Ферзен, как она мне после сказывала, возразил: «Я сам на вашем месте думал бы точно так же. Неужели вы почитаете наше правительство столь неблагоприятным, чтоб оно после всего, что здесь случилось, требовало от вас *внезапной* любви и верности? Наша великая монархия *созидает дела вековые*, и что веками было расторгнуто, то веками и соединится. Здесь была некогда Русь – и будет со временем! Мы требуем только, чтоб вы были спокойны и не порывались на невозможное, для собственного вашего блага. Есть русская пословица: сила и солому ломит, – не забывайте ее, а мы перестанем говорить об этом». Так думал и сообразно с своими правилами так поступал граф Ферзен; но, по несчастию, были и такие, которые думали и поступали иначе, или не понимая видов правительства русского, или не исполняя их из собственных выгод.

Отец мой совершенно выздоровел и хотя еще подпирался тростью, но выезжал со двора. Однажды, когда все семейство наше было отозвано куда-то на вечер, а я уже спал, вдруг какой-то ужасный рев разбудил меня. Комната моя была освещена внешним блеском. Няньки не было в спальне; я вскочил с постели, подбежал к окну, взглянул – и вся кровь во мне застыла. Вижу, что во всю длину улицы тянутся какие-то страшилища, в белой и черной длинной одежде, по два в ряд с факелами, и режут во все горло, а посередине, между множеством знамен, толпа этих же чудовищ несет гроб¹⁹⁶. Няньки и служанки натолковали мне прежде о ведьмах, колдунах, чертях, мертвецах и т. п.; в моем разгоряченном воображении представилось что-то такое ужасное, что я не мог двинуться с места от страха, упал замертво и больше ничего не помню. Когда я пришел в чувства, два гайдука качали меня на простыне, как в койке, среди комнаты. «Маменька, где ты? – спросил я, и она бросилась ко мне со слезами и прижала к сердцу. – Дай мне есть, я голоден!» Матушка чуть держалась на ногах от радости. Тотчас послали за доктором и за отцом, которого призвал к себе по делам граф Ферзен. Доктор обрадовал родителей, сказав, что теперь он отвечает за жизнь мою. После рассказали мне, что я девять дней пролежал в горячке, с бредом, и что все лишились надежды на мое выздоровление. Пришед в чувства, я был, однако ж, так слаб, что не только не мог стоять на ногах, но и едва шевелился. Чрез три недели я с трудом ходил по комнате.

Во время моей болезни граф Ферзен уехал в Петербург. Летом 1795 года началось окончательное присоединение бывшей Литвы, Волынии и Подолии к России¹⁹⁷. Генерал-губернатором в Литве был генерал-аншеф князь Репнин, прежний посол при польском короле или, правильнее, правитель всей Польши; минским губернатором назначен был генерал-поручик Тутолмин. Главная квартира дивизии войск, занимавших часть Литвы, прилежащую к Белоруссии, переведена в город Минск, и начальство над этою дивизиею поручено генералу Денисову. Повсюду стали приводить к присяге дворянство, духовенство и мещан всех исповеданий, и в конце июня обнародован генералом Тутолминым знаменитый манифест императрицы Екатерины II¹⁹⁸, подтверждающий все права и привилегии, которыми эти области пользовались прежде. В новоучрежденных губерниях, вместо прежних воеводств, вводили русское управление, оставляя прежний порядок касательно избирательных мест, но только в казенных местах и по полицейской части определяли русских чиновников, и, когда 12/24 октября 1795 года между тремя державами решено было разделить между собою бывшую Польшу, в провин-

сарматенка в корпус в 1797 году» (цит. по: *Рейтблат* А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. С. 43).

¹⁹⁶ Это были похороны настоятеля католического монастыря.

¹⁹⁷ Имеется в виду третий раздел Речи Посполитой.

¹⁹⁸ Речь идет о манифесте от 15 (27) апреля 1795 г. о присоединении Литвы и Курляндии, закреплявшем за присоединенными землями прежние привилегии и право пользоваться традиционным для них законодательством.

циях, присоединенных к России, уже введено было новое устройство и принесена присяга, хотя король Польский, проживавший в Гродне, подписал акт отречения от престола только 13/25 ноября того же года¹⁹⁹. При введении нового порядка вещей обязанности отца моего по званию военно-гражданского комиссара кончились: он отправился в Минск для сдачи отчетов генералу Тутолмину, а семейство наше возвратилось в деревню.

III

Характеристический очерк последней эпохи древней Польши. – Иезуиты. – Шляхетские анекдоты. – Попытки спартанского воспитания

Не желаю никого оскорбить в моих воспоминаниях, особенно не намерен задевать народного самолюбия; но надобно быть более нежели несправедливым, надобно быть лжецом, чтоб не сознаться в том, что в течение всего XVIII века, когда все Европейские государства возвышались и совершенствовались, Польша беспрерывно склонялась к упадку, т. е. лежала на смертном одре и в пароксизмах ожидала смерти. Если никто не решился взять Польшу, то единственно из уважения к памяти Вестфальского мира²⁰⁰, обеспечившего равновесие в Европе, и из опасения общего замешательства в Европе, как то было в Семилетнюю войну²⁰¹. Нельзя раскрыть историю без сожаления и негодования. В XVI веке Польша занимала одно из почетнейших мест в христианском мире, славилась учеными мужами и воинами и, на свои земные произведения выменивая все условные сокровища, имела даже запасы драгоценных металлов и дорогих камней. При вступлении на престол Сигизмунда III²⁰² Польша имела 16 000 000 жителей на обширном пространстве между Балтийским и Черным морями, Двиною и Одером. В XVI веке во всей Европе было весьма мало регулярного войска, и силу государства составляло везде земское ополчение, т. е. дворяне с своими вассалами и горожане, вооружавшиеся на время войны. В Польше до избирательных королей пехота была наемная из немцев, венгров и шотландцев, а всю силу составляла конница из шляхты, или *общее восстание* (*pospolite ruszenie*). При Владиславе II противу ливонских рыцарей 150 000 шляхты село на конь²⁰³; при сыне его Казимире²⁰⁴ 60 000 вооружились при первом воззвании к защите отечества²⁰⁵, а при Иоанне Албрехте выступило в поле 80 000 конной шляхты. Но когда все государства, удостоверясь в важности пехоты и в необходимости содержать постоянное войско, устроили регулярные армии, воздвигли крепости, завелись артиллериею, в Польше все оставалось по-старому. Говорили много на сеймах, и говорили хорошо, составляли умные проекты – понапрасну, и наконец, едва дошли до того, что устроили 12 000 регулярного войска и артиллерию! Во всем государстве не было ни одной порядочной крепости! Без денег самый мудрый король не мог ничего предпринять к благосостоянию государства, а подати зависели от сеймов, на которых послы (т. е. депутаты) тогда только были согласны между собою, когда надлежало про-

¹⁹⁹ Гродно (ныне областной центр в Республике Беларусь) стал резиденцией Станислава Августа Понятовского после подавления восстания 1794 г.: король пребывал здесь под надзором российского наместника. Дата подписания им отречения была, вероятно, избрана не случайно: она совпадала с днем именин российской императрицы.

²⁰⁰ Вестфальский мир 1648 г. завершил Тридцатилетнюю войну в Европе.

²⁰¹ В войне 1756–1763 гг. участвовали, с одной стороны, Пруссия, Англия и Португалия, с другой – Австрия, Франция, Швеция, Саксония, Испания и Россия.

²⁰² Сигизмунд III правил с 1588 г.

²⁰³ Имеется в виду Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. – самое крупное сражение объединенных польско-литовских войск против Тевтонского ордена.

²⁰⁴ Имеется в виду Казимир IV Ягеллончик.

²⁰⁵ Имеются в виду события Тринадцатилетней войны 1454–1466 гг. между Польским королевством и Тевтонским орденом.

изнестъ veto (не позволяю) противу предложения о податях. При бедности государственной казны короли были рады, что богатое духовенство, владея огромными поместьями, приняло на себя воспитание юношества; но когда с восшествием на престол Сигизмунда III иезуиты овладели почти исключительно воспитанием, прежний свет в Польше померк и настал мрак, в котором большая часть шляхты уже не видела прямых выгод государства. Иезуиты систематически истребляли истинное просвещение и помрачали даже здравый рассудок на основании правила Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку²⁰⁶! Они держали в своих школах людей от юношеского до зрелого возраста, шпигуя их память латынью и отягчая ум ложными понятиями о науках, искажая истину, когда она не согласовалась с учением Римской церкви, и только тех из учеников допускали в святилище наук, которые соглашались вступить в их братство. Основанием иезуитского воспитания был самый иступленный религиозный фанатизм, безусловная преданность папской власти, интолеранция (нетерпимость других исповеданий) и пропаганда, т. е. распространение католицизма. Иезуиты и их достойные воспитанники ненавидели всех христиан неримско-католической веры и не признающих папы главою церкви и почитали их ниже мусульман, евреев и даже идолопоклонников. Из этого учения, глубоко укорененного в сердцах, возстал Уния, лишившая Польшу главной ее подпоры – Малороссии, и произошло отчуждение всех не католиков от Польши²⁰⁷. Почти вся Литва и лучшее литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве и стали приманивать в католическую веру знатную православную шляхту пожалованием староств, ленных и амфитеутических имений²⁰⁸ и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру и получила несколько имений под различными титулами, из коих одно, амфитеутическое имение, Рудавка, возле Свислочи (в Гродненской губернии, Волковыском уезде), и поныне находится в нашем роде, до тех пор пока он будет существовать.

Итак, первая и главная, а лучше сказать, единственная радикальная причина упадка Польши была власть иезуитов, истребивших истинное просвещение и укоренивших в умах нетерпимость (*intolérance*). Вторая причина, следствие первой, была слабое правление избирательных королей (после Ягеллонова рода)²⁰⁹, а особенно последних королей саксонского дома²¹⁰. Вольтер сказал в шутку: «*Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!*»²¹¹ Это сушая

²⁰⁶ Александрийская библиотека существовала с III в. до н. э. и была одной из крупнейших библиотек древности. Согласно не подтверждающейся историческими источниками легенде, она была сожжена по приказу халифа Умара ибн аль-Хаттаба аль-Фарука.

²⁰⁷ Речь идет о греко-католической церкви, возникшей после Брестской унии 1596 г.: часть епархий Киевской митрополии приняла решение перейти в католическую веру с сохранением богослужения византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Фактически это означало ликвидацию православной церкви на территории Речи Посполитой. Во время гетманства Богдана Хмельницкого (1648–1657), остававшегося православным, религиозный вопрос стал одним из поводов для массового антипольского и антикатолического движения на Украине и принятия Переяславской радой 8 (18) января 1654 г. решения о переходе гетманства в подданство Московского царства.

²⁰⁸ Староство – административно-территориальная единица на территории Речи Посполитой, включавшая в свой состав несколько городов и местечек. Староство устанавливалось на землях, принадлежавших королю, и передавалось дворянину в пожизненное пользование. Ленное имение – имение, передававшееся дворянину в пользование на определенный срок. Амфитеутическое имение (от *лат.* *Emphyteusis* – прививка) – вид долгосрочной аренды земли, иногда переходившей в наследственную аренду, при которой арендатор был обязан развивать сельскохозяйственное производство и ежегодно вперед выплачивать определенную сумму денег собственнику.

²⁰⁹ После того как род потомков Владислава II Ягайло закончился со смертью Сигизмунда II Августа в 1572 г., королевский трон Речи Посполитой занимали выборные короли.

²¹⁰ Имеются в виду Август II и его сын Август III, которые правили Речью Посполитой в 1697–1763 гг.

²¹¹ Буквально: «Когда Август (имеется в виду король Речи Посполитой Август II Сильный, правивший с 1734 г.) пил, то пьяна была вся Польша», в значении: каков правитель народа, таковы и его подданные. Булгарин приводит цитату из стихотворения Вольтера «Послание к Екатерине II, императрице российской» (1771) (см.: Voltaire. *Epître à l'impératrice de Russie*,

истина! Со времени Августа II пьянство жестоко распространилось между шляхтой, и наконец Венгрия все свое вино продавала в Польше. За пшеницу, лен и пеньку, продаваемые в Данциге, Риге и Мемеле²¹², помещики покупали почти исключительно пряности и крепкие виноградные вина²¹³. Псовая охота, карточная игра, попойки и рыцарские упражнения, т. е. гарцевание на конях и поединки, составляли обыкновенное препровождение времени. Дворянские выборы в должности (сеймики) и в послы, т. е. депутаты на сеймы, и непрерывные и бесконечные процессы были единственным важным занятием шляхты. Впрочем, страсть к процессам происходила вовсе не от любостяжания; процессы всегда почти рождались или из ложного честолюбия, или вследствие личной ссоры. Хоть бы лишиться последнего куса хлеба, лишь бы поставить на своем! Кроме того, процессы заменяли театр и литературу в провинциях. Речи адвокатов (голоса, *głosy*), так называемые манифесты, т. е. изложение претензий, печатались и рассылаемы были ко всем приятелям. Судопроизводство было открытое и привлекало в запутанных делах или когда тягались значительные люди множество слушателей в суды. Сами тяжущиеся говорили иногда речи, и это занимало умы и убивало время. На выборы свозили десятками мелкую шляхту (потому что каждый шляхтич имел право избирать и быть избираемым), кормили и поили их на убой и в случае спора заставляли драться между собою. Редкий шляхтич не имел рубцов на щеках и на голове. Искатели мест старались блеснуть красноречием, роскошью и щедростью, разорялись на пустяках. Приговоры суда по процессам редко исполнялись без употребления силы со стороны выигравшего процесс, и если проигравший тяжбу защищался, тогда происходила формальная война. Иногда случалось, что по самым пустым притязаниям богатый пан, собрав пьяную шляхту, выгонял из имения бедного или смиренного помещика и потом начинал процесс. Это изгнание называлось *заездом* (*zaiazd*) и случалось весьма часто. Законные власти не в силах были ни предупредить зла, ни удержать его, когда непослушный принадлежал к могущественной партии или фамилии. Одним словом, законы в Польше были бессильны, и от бесчисленных процессов богатели одни адвокаты. Правда, во всей Польше не слышно было о *взятках*, и в польском языке даже нет настоящего слова для выражения *лихоимства*; но весьма часто случалось, что судьи судили несправедливо из страха, по духу партий, ради покровительства вельмож, что выходило на одно и то же. И что значило государство без просвещения, без государственной казны, без полиции (в Польше никогда не допускали учреждения ее), без силы законов, без войска, без всякой промышленности? Государство, омраченное фанатизмом, расстроенное во всех своих частях своеволием шляхты, деспотизмом вельмож и самым тяжким рабством земледельцев! Страшно подумать! Последний король, Станислав Август (Понятовский), был человек умный, любезный, добродушный, даже ученый, страстный любитель литературы и художеств, но слабого характера – нерешительный и несмелый; нравственно он был, однако ж, полезен своему несчастному отечеству. Не имея средств истребить зла, он, по крайней мере, употребил все от него зависящее, чтоб положить основание добру. Он дал другое, сообразное с веком, направление воспитанию юношества в Варшавском кадетском корпусе²¹⁴ и имел усердного помощника в аббате Конарском (монашеского ордена

Catherine II // Œuvres complètes de Voltaire / Éd. L. Moland. Paris, 1877. Т. 10. Р. 437). Сам Вольтер приписывал фразу не названному по имени «Великому человеку», подразумевая Фридриха II.

²¹² Данциг – сейчас г. Гданьск в Польше, Мемель – сейчас г. Клайпеда в Литве.

²¹³ Характеризуя экономическую ситуацию конца XVIII в. на землях бывшего Великого княжества Литовского, О. А. Пржецлавский писал: «Для Литвы и Белоруссии отпускная иностранная торговля составляла почти единственный источник дохода с помещичьих имений и снабжала край товарами, необходимыми для комфорта в домашнем быту. Ежегодно по Неману и Западной Двине сплавлялось в Кенигсберг, Мемель и Ригу огромное количество всякого хлеба, семени льна, пеньки, шерсти, корабельного и строевого леса, поташа, смолы и т. п. Все это сбывалось английским купцам, а в упомянутых портах закупались для литовских и белорусских губерний провизии на целый год колониальных товаров, французских вин, портера, сукон, всяких материй и других изделий, так как в краю не было почти никаких фабрик» (Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 32).

²¹⁴ Речь идет о так называемой Школе Рыцарей, созданной по приказу Станислава Августа в 1764 г. Из школы вышел ряд выдающихся польских военачальников, деятелей политики и культуры. Школа была закрыта в 1794 г. после поражения

пияров²¹⁵). Пиярские школы противодействовали иезуитскому воспитанию. Князь Чарторыйский (дядя короля) основал учебные заведения в имении своем, Пулавах²¹⁶, для шляхты обоих полов, и из этих-то школ вышли все достойные люди последнего времени Польши. Литература воскресла, искусства ожили; но это были только блистательные звезды на мрачном горизонте. В Варшаве и Вильне была утонченность Парижа, а в провинциях, особенно в Литве и на Украине, господствовали фанатизм Средних веков, своеволие степей аравийских и пьянство и прожорливость дикарей Америки. Тут было в полном смысле: кто кого смога, тот того в рога!

Отец мой был весьма далек фанатизма, напротив, был сильным приверженцем веротерпимости и всех нововведений. Он был воспитан просвещенным католическим аббатом, родом из древней польской Пруссии (Вармии²¹⁷), немцем, и любил философское, политическое и историческое чтение. Отец мой был не только умен, но даже остроумен, весельчак в полном смысле слова, чрезвычайно добродушен, честен во всех своих делах, но имел несчастный характер: был чрезвычайно вспыльчив, увлекался первым впечатлением и при наружной популярности был чрезвычайно горд в душе. Для удовлетворения этой гордости он жертвовал всем, и жизнью, и имением. Он готов был обниматься и сидеть рядом с самым убогим шляхтичем, который подчинялся его воле, но за один косой взгляд равного или почитавшего себя высшим, за одно слово, которое казалось ему оскорбительным, вызывал на дуэль или мстил явным оскорблением. Он был, как ныне говорят, человек эксцентрический и поступал во всем не так, как другие. Этот пагубный характер навязывал ему беспрестанно хлопоты и беспокойства и был причиною его собственного несчастья, а отчасти и всего семейства. Щедрость его не имела пределов: он дарил все, что нравилось его друзьям, и при деньгах сыпал ими без всякой нужды, как будто обладал неисчерпаемыми сокровищами! Роста он был высокого, сложения крепкого, силы необыкновенной, но по лицу, как говорят все знавшие его, я живой его портрет. Расскажу о нем несколько анекдотов, которые в нынешнее время покажутся невероятными и вместе послужат характеристикой тогдашней шляхты.

Отец мой остался малолетним сиротою после смерти родителей, с весьма хорошим состоянием, и опекунами его были родной дядя и знаменитый князь Карл Радзивилл – оригинал, каких мало было на свете, но самый добрый и благородный человек, прозванный по любимой своей поговорке *Пане Коханку* (panie kochanku по-русски почти то же, что *любезнейший*). Это слово повторял он беспрестанно, говоря и с дамами, и с королем, и с своим лакеем, и с жидом! Отец мой, приехав по делам своим в Слуцк, принадлежавший князю Радзивиллу, встретил на улице богатого жида, содержавшего в городе винный откуп²¹⁸ (т. е. все корчмы), торговавшего притом виноградными винами и пользовавшегося особенною милостью князя. Жид этот, хотя знал хорошо отца моего, но, избалованный фамильярностью других помещиков, прошел мимо, не поклонившись. Отец мой, вспыхнув, закричал: «Долой шапку, жид!» и бросился к нему; но жид, ответа грубо, скрылся в толпе радзивилловских слуг и заперся в доме. Отец мой велел немедленно запрячь своих лошадей и поехал прямо в Несвиж к князю, который весьма

восстания.

²¹⁵ Орден пиаров (лат. Ordo Clericorum Regularium Pauperum Matris Dei Scholarum Piarum; Орден бедных регулярных христианских школ во имя Божией Матери) – католический монашеский орден, основанный в 1617 г. и занимавшийся религиозным обучением и воспитанием детей и молодежи.

²¹⁶ Имение Пулавы получил в качестве приданого Август Александр Чарторыйский. Учебные заведения основал тут его сын Адам Казимир. Констанция Чарторыйская, сестра Августа Александра, будущая мать короля Станислава Августа Понятовского, приходилась ему теткой, а Адам Казимир – не дядей, а двоюродным братом.

²¹⁷ Вармия – историческая область на южном побережье Балтийского моря (от реки Эльбы до берега Вислинского залива). В 1410–1772 гг. входила в состав Польского королевства. Ныне на этой территории находятся Варминско-Мазурское воеводство Польши и Калининградская область России.

²¹⁸ Откуп – система сборов с торговли вином; установлена в 1712 г., просуществовала до 1861 г. с перерывом в 1817–1827 гг., когда действовала винная монополия государства. Частные лица (откупщики) во время торгов, которые проводились раз в четыре года, получали право на производство, оптовую покупку и розничную торговлю спиртными напитками; они отдавали в казну обусловленную при получении откупа сумму и пользовались чистой прибылью.

любил его. Он пробыл у него несколько дней и своими остротами и шутками привел князя, большого охотника до фарсов, в самое веселое расположение духа. Между ими было состязание в этом отношении, что весьма нравилось старому князю. На третий день, перед отъездом, отец мой сказал, что князь может оказать ему большую милость, но он не смеет просить его. «Скажи, чего хочешь, я все для тебя сделаю», – отвечал князь. «Отдайте мне в аренду ваш фольварок (маленькую мызу или усадьбу) в полумиле от Слуцка», – сказал отец мой. «Зачем тебе эта мелочь? Я бы и подарил тебе, если б этот фольварок лежал на моей границе, а не в середине моих поместьев!» – «Я начал торговать украинскими волами, – отвечал отец мой (а это была выдумка), – и мне нужно место под городом для сгона разных партий». Князь расхохотался, зная, что отец мой вовсе не способен к торговым делам. «Теперь не стану есть другого мяса, как твоих волов, – примолвил князь, шутя, – однако боюсь, что ты заставишь меня долго поститься!» В шутках и прибаутках князь подписал арендный контракт, и отец мой поскакал в Слуцк, взял немедленно в свое управление фольварок, поставил своего управителя, купил бочек сто водки и велел продавать вполупину дешевле, чем продавали в Слуцке. Все горожане стали, разумеется, покупать водку на фольварке, и в корчмах продажа остановилась. Жид-откупщик был в отчаянии, но делать было нечего, ибо отец мой, по польским законам, имел полное право продавать вино в своем имении по какой угодно цене. Чрез несколько дней отец мой нарочно приехал в Слуцк, и жид-откупщик в сопровождении княжеского управителя и почетнейших граждан явился к отцу моему с повинною и просил прощения в неумышленном оскорблении. Отец мой принял богатого жида хладнокровно, без воспоминания о прошлом, не изъясняя ни малейших признаков гнева. Тогда богатый жид завел речь о деле. «Зачем вам, такому пану, держать фольварок? Уступите мне аренду, я вам дам *вдвое*». – «Теперь не время об этом толковать, – отвечал отец мой, – приезжай ко мне завтра, в полдень, на фольварок, там кончим дело. Я даю тебе слово, что уступлю аренду по моей цене: я не хочу барышей, и мне эта шутка уже наскучила». Жид обрадовался и на другой день явился в назначенный час. Контракт уже был готов, и оба они тотчас подписали его. Но отец мой не передал княжеского контракта, а отдал имение в аренду от *своего имени*. Когда дело кончилось, отец мой хлопнул в ладоши – и явились шесть дюжих парней. «Бери его!» – закричал отец, и слуги схватили жида, растянули и влепили двести ударов кожаными постромками. Жид едва остался жив. Его положили замертво в бричку, сунули контракт за пазуху, и отец мой сказал ему, что это только *первый* урок вежливости, а за другим и третьим уроками дела не станет, если жид от первого урока *не исправится*. Лишь только в Слуцке разнеслась весть об этом поступке моего отца, весь жидовский кагал поскакал в Несвиж, к князю с жалобою. Князь ужасно рассердился, и клялся примерно отомстить моему отцу за самоуправство в его владениях, и послал к нему нарочного с приглашением в Несвиж. Друзья умоляли отца не ездить к князю, пока гнев его не утихнет, и советовали немедленно отправиться в Варшаву и искать покровительства у короля; но отец мой, не слушая никого, вооружился с головы до ног, поехал немедленно в Несвиж и явился к князю в приемный час, при множестве посетителей. Все смотрели с удивлением и страхом на моего отца, предполагая, что эта история должна дурно кончиться. Князь, вышед в приемную залу, окинул взглядом собрание и, увидев отца моего, раскраснелся от гнева и прямо пошел к нему. «Как вы, сударь, смели бить моего арендатора? – воскликнул князь, – я пойду с сумою по миру, но не допущу, чтоб кто-нибудь дерзнул оскорблять меня так нагло. Или вам жить или мне, или вам гнить в тюрьме или мне!.. Я вам покажу, что я значу!..» Князь от гнева не мог более говорить и запыхался, а отец мой прехладнокровно отвечал: «Прошу только меня выслушать, а там делайте что угодно! Не только я не осмелился бы никогда прикоснуться пальцем к *вашему* арендатору, но если б даже кто другой тронул его, то я, как верный и усердный ваш приверженец, вступился бы за него, не жалея собственной жизни!..» – «Итак, вы не били моего арендатора?» – спросил князь, несколько успокоившись. «Нет, не бил *вашего* арендатора, – возразил мой отец, – я бил *моего* арендатора, потому что выпустил Мовше в аренду

мою *посессию* (т. е. временную собственность), в чем удостоверит вас вот этот контракт, и бил притом *моего* арендатора по принадлежащей *мне* половине его тела, а не по *вашей* половине, которой я вовсе не тронул». Князь отступил три шага, смотрел пристально на моего отца и требовал истолкования загадки. Отец объяснил дело. «Неужели все это правда, что ты говоришь?» – спросил князь. «Жид здесь, прикажите справиться», – отвечал отец мой. Послали расспросить жида, и посланец объявил, что жид точно получил двести ударов по одной половине тела. Эта плохая шутка чрезвычайно понравилась князю; он расхохотался и держался за бока, расхаживая по комнате. Разумеется, что и все захохотали, и вместо предполагаемой трагедии вышла комедия. «Ах ты проказник! – сказал князь, – на тебя и сердиться нельзя; но в наказание ты должен пробыть у меня целую неделю в Несвиже. А что твои волю?» – примолвил князь. «Вместе со мною так испугались вашего гнева, что от страха разбежались!» – отвечал мой отец. «А вместо волов ты поедешь со мною завтра ловить медведей». Отец мой пробыл у князя не одну, а две недели, получил в подарок четыре жеребца; а чтоб успокоить жида, князь уступил ему на год, безвозмездно, всю аренду Слупска, и тем кончилось дело. Отпуская домой моего отца, князь взял, однако ж, с него слово не трогать жида.

Однажды отец мой ехал в Минск из Глуска проселочною дорогою на Житин. День был знойный, и он, отдохнув в полдень в лесу, поздно приехал на ночлег. Корчма была новая и с виду обещала удобное пристанище, но по осмотре оказалось, что в конюшне не было ни яслей, ни решеток и все жилье состояло из двух грязных комнат. Корчма принадлежала помещику Пузине. «Жид! что стоит твоему барину эта корчма?» – спросил мой отец. «Тысячу злотых», – отвечал корчмарь. «Гей! отсчитай сейчас тысячу злотых жиду!» – сказал отец своему камердинеру. Жид не понимал, что это значит, и не хотел брать денег, но принужден был взять, когда отец мой прикрикнул на него. «Прибавь еще пятьсот злотых, – примолвил отец, обращаясь к камердинеру, у которого хранились ключи от шкатулки, – а ты, жид, отнеси эти деньги к своему пану; скажи ему, чтоб он выстроил на них корчму поудобнее, и между тем выноси все свои вещи, потому что сейчас не будет твоей корчмы. Ребята, поджигай корчму с другого конца!» – сказал отец мой своим людям, которые, зная, что надлежало повиноваться безусловно, зажгли немедленно корчму и бросились выносить вещи жида. Через час не было корчмы, и только дымились ее остатки. Отец мой расположился биваком и лег спать в коляске, а жид побегал на господский двор с известием о происшедшем. Через несколько времени прискакал от пана Пузины посланник с письмом, в котором сказано было, что он не принимает денег, но намерен расправиться с отцом моим в уголовном суде, как с разбойником. «Седлай коней!» – закричал мой отец и поскакал с несколькими удалыми стрельцами прямо во двор к пану Пузине. Все уже спали в доме, но отец мой заставил отпереть себе двери, угрожая, что зажжет дом. Пан Пузина выбежал в шлафроке и протестовал противу насилия; но отец мой положил на стол два пистолета и сказал Пузине, что он должен непременно стреляться с ним сию же минуту, чтоб смыть обиду, в противном случае отец грозил застрелить его, как медведя. Пан Пузина не имел вовсе охоты стреляться и, зная характер моего отца, старался его успокоить. Прибежали дамы, жена и дочери пана Пузины, стали упрашивать отца моего, чтоб он помирился, и отец мой сдался с тем условием, чтоб пан Пузина взял деньги за свою корчму, выстроил новую, удобную, и отказался от всех претензий на моего отца. Все это немедленно написал и подписал пан Пузина, и отец мой, невзирая на усиленные просьбы Пузины, чтоб переночевать в его доме, возвратился на свой бивак, к экипажам, и, отправляясь утром в путь, подарил жиду пятьсот злотых в вознаграждение за хлопоты. Жид остался очень доволен!

Во время пребывания отца моего в Варшаве, отправился он однажды на большой лодке на фейерверк. В лодке было много разного народа, и между прочим две миловидные девушки с пожилую женщиною. Два молодые франта, одетые по-польски, начали приставать к девицам с пошлыми комплиментами и наконец с дерзкими насмешками и до того оскорбили их, что молодые девушки заплакали. Отец мой был на другом конце лодки, но, услышав о происходя-

щем, закричал: «Тот бесчестен, кто оскорбляет женщину, кто бы она ни была!» – «А ты что за указ нам? – отвечал один из фанфаронов, – сиди смирно, если не хочешь выкупаться в Висле!» Отец мой как тигр бросился к дерзкому молодому человеку, не дал ему опомниться и, схватив одною рукою за пояс, а другою за ворот, перебросил через борт, как щепку. Гребцы хотели помочь утопающему. «Греби, и вперед!» – закричал отец мой, обнажив саблю, и гребцы повиновались. Другого фанфарона отец мой заставил просить прощения, на коленях, у оскорбленных им дам, угрожая также выбросить за борт в случае сопротивления. Тот беспрекословно повиновался. По счастью, выброшенный в воду молодой человек умел хорошо плавать. Он держался на воде несколько минут, пока другая лодка не подоспела к нему на помощь. Выброшенный в Вислу молодой человек был сын какого-то важного городского чиновника, который подал на отца моего жалобу. Завязался уголовный процесс, кончившийся, однако ж, в пользу моего отца, потому что он действовал для охранения беззащитных женщин. Иначе и судить было нельзя в стране, где не было никакой полиции.

Бедный шляхтич пришел просить покровительства и защиты у моего отца противу богатого еврея, жившего в местечке (кажется в Узде), принадлежавшем генералу Завише, соседу нашему в Перышеве и родственнику моей матери. Этот богатый еврей купил у шляхтича пару лошадей, дал задаток и уехал на них в Вильну, а испортив лошадей в дороге, не хотел платить условленной суммы и отослал лошадей обратно шляхтичу. Отец мой написал письмо к генералу Завише, прося принудить жида удовлетворить шляхтича, но Завиша отвечал, что не хочет вовсе вмешиваться в это дело. Мимо Перышева пролегает дорога, по которой ездят на ярмарку в какое-то другое местечко. Отец мой велел сторожить жида, обидевшего шляхтича, остановить на дороге и привести к себе. Но жид остался дома, отпустив на ярмарку жену. Товар выслан был вперед. Жидовка ехала в бричке с детьми и приказчиком своим. Ее остановили стрельцы наши на дороге и привели к отцу моему. Она была в жемчугах, в турбане из богатой шали, в атласе и бархате. «Заплати сейчас шляхтичу за лошадей, если не хочешь, чтоб тебе было худо», – сказал мой отец. «Это не мое дело, а моего мужа», – отвечала жидовка. «Хорошо, пусть же муж заплатит, а до тех пор ты просидишь у меня в свином хлеву!» Жидовка думала, что отец мой шутит, но бедную жидовку в самом деле потащили в свиной хлев и заперли, а приказчику велено возвратиться к хозяину и рассказать виденное, объявив притом, что жидовка до тех пор будет в этом месте, пока шляхтич не получит своих денег, а жид не возьмет обратно лошадей. Детей жидовских отец отослал в корчму и приказал содержать их как можно лучше. К ночи возвратился приказчик с деньгами, и жидовку выпустили на волю. Вся шляхта из селения (околицы) пришла благодарить моего отца, но генерал Завиша оскорбился и позвал отца моего в суд. Дело по апелляции перешло в литовский трибунал²¹⁹, которого маршалом²²⁰ был тогда двоюродный брат отца моего, Павел Булгарин⁽¹⁰⁾. Разумеется, маршал по родству не судил дела, в котором со стороны Завиши употреблены были всевозможные искательства (по-польски *forsy*), чтоб унижить гордого противника. Завиша требовал не только заключения отца моего в тюрьму за самоуправство, но и вознаграждения жида и издержек процесса, что составляло, по его счету, несколько тысяч червонцев. Трибунал имел заседание в Гродне, куда съехалось множество любопытных, чтоб увидеть, чем кончится эта тяжба. Туда же прибыли и депутаты из шляхетского селения, которого почетный житель был причиною процесса. Один из этих депутатов, одаренный от природы красноречием, произнес пред трибуналом речь, которая тронула всех судей. Он изобразил несчастное положение беззащитного человека в Польше, угнетаемого не только богатыми панами, но и жидами; исчис-

²¹⁹ Речь идет о Главном трибунале Великого княжества Литовского – высшей судебной-апелляционной инстанции княжества. Трибунал существовал с 1582 г. до ликвидации Великого княжества Литовского. Часть дел продолжала рассматриваться в соответствии с законодательством до 1839 г.

²²⁰ Маршал – здесь: председатель трибунала.

лил все оскорбления и обиды, нанесенные их селению не только генералом Завишей, но и его слугами, и представил бескорыстный поступок моего отца в самом блистательном виде, провозглашая его защитником несчастных и бессильных. По кратком рассуждении судьи объявили моего отца *безвинным* и присудили Завишу заплатить ему за тяжёбые издержки три тысячи червонцев. Многие из членов нашей фамилии были тогда в Гродне, и жили все в самом тесном союзе между собою⁽¹¹⁾. Все они торжествовали победу своего родственника обедами и балами, на которых венгерское вино лилось рекой. Но для отца моего этого было недостаточно. Объявлениями, прибитыми к наружным стенам костелов и на перекрестках, он запросил *весь город* на полдник. Присужденное взыскание с генерала Завиши отец мой передал какому-то ростовщику за тысячу червонцев и на эти деньги (а по тогдашней дешёвизне это была большая сумма) накупил разных напитков, нескольких быков, баранов, множество домашней птицы и дичи, велел изжарить и напечь пирогов и хлебов, и в назначенный день уложить на телеги. Дядя мой, Павел Булгарин, рассказывал мне об этом угощении, которого он был свидетелем. Началось торжественным шествием, или процессией. Впереди шли музыканты, каких только можно было достать в Гродне и в окрестностях, христиане и жида, и, разделясь на хоры, играли поочередно. За ними стрельцы в ливрее ехали верхом за гербовыми знаменами. Потом ехали (верхом же) отец мой, все его родные и друзья, а в замке тянулись телеги, украшенные флагами, с съестными припасами и бочками виноградного вина, водки, пива и мёда. Прошед по главным улицам, процессия остановилась на площади, и по данному знаку началось угощение. Раздавали каждому что кто хотел. Народа собралось множество, но все происходило чинно (как сказывал дядя), пока площадные гости не перепились. Тогда уже разобрали насильно остальное, разбили бочки, и пир кончился, как водится, дракою. Но отец мой не хотел быть свидетелем последствий этого угощения: экипажи его и свита уже отправлены были в путь, и он, простясь с друзьями, ускакал из города верхом.

Впоследствии отец мой помирился с генералом Завишей и отказался от получения присужденных с него тяжёбных издержек, заплатив ростовщику из собственных денег взятую у него сумму.

Вот как жили и проматывали имение отцы наши! Теперь посмотрим, как отец мой воспитывал меня. Это также весьма оригинально.

Отец мой весьма часто отлучался из дома, любя присутствовать на всех сеймиках, на судах, участвовать в больших охотах – словом, бывать везде, где собиралось много помещиков. Он также навещал часто старого князя Радзивилла, который весьма любил его общество. Последняя моя болезнь от испуга возбудила в отце моем мысль *закалить* меня. Ни слезы матушки, ни советы докторов и друзей не могли смягчить его на этот счет: не постигаю, как я остался жив, после всех претерпенных мною испытаний! Например, он будил меня от сна или ружейными выстрелами над самою моею кроватью, или холодной водою, выливаемой на меня во сне. Сказав мне однажды, что только бабы и глупцы верят в чертей, колдунов, ведьм и бродящих мертвецов, он посылал меня одного в полночь, зимою и осенью, на гумно, приказывая принести пук колосьев или горсть зерна. Надобно знать, что за нашим гумном было сельское кладбище с ветхою униатскою деревянною церковью. Один взгляд отца заставлял меня безмолвно повиноваться. Слез он терпеть не мог и отговорок не слушал. С первого раза, когда меня облили в постеле холодной водою, я заболел лихорадкою и от первого ружейного выстрела над головою едва ли не лишился употребления языка, но в полгода привык ко всему и с радостью бегал в темную ночь на гумно, забавляясь страхом матушки и сестер. При этом отец приучал меня к самой грубой пище; брал с собою на охоту, на которой мы проводили иногда по несколько дней в лесу, и, будучи только семи лет от роду, я галопировал за ним на маленькой лошаденке и даже стрелял из ружья, нарочно для меня сделанного. Сперва я был весьма слаб и изнежен, боялся *всего*, не мог вынести малейшей простуды, и даже кусок черного хлеба расстроивал мой желудок, а после нескольких месяцев спартанского воспитания я чрез-

вычайно укрепился; лакомился черным хлебом с луком или редькой, предпочитал капусту и кашу, изготавливаемые для прислуги, всем сливочным кашкам и бульонам, которыми прежде кормили меня, и вместо кофе и чаю пил или стакан молока или ключевой холодной воды; бегал по лужам, а на охоте по болоту, не чувствуя никаких последствий от замочения ног. Отец мой торжествовал, а матушка каждый день боялась за жизнь мою и со слезами повиновалась ему. Он страстно любил матушку, но в воле своей был непреклонен. Хотя эта внезапная перемена в моем физическом воспитании не только не повредила мне, а, напротив, послужила в пользу, я, однако ж, сам не следовал этой системе, да и никому не советую следовать. Гораздо лучше *закаливать* детей *постепенно* и *сообразно* с их сложением. Мы живем не в Спарте, и в наше время *голова* важнее *туловища*!²²¹

При мне был учитель, который обучал меня читать и писать по-польски, по-французски, по-немецки, по-латыни и первым четырем правилам арифметики. Младшая сестра моя, Антонина, обучала меня играть на фортепиано и на гитаре и петь. Наконец, в следующем году разразилась гроза над нашим семейством, и оно разбилось – *навсегда*!..

IV

Внезапное и неожиданное бедствие. – Странное сватовство. – Взгляд на тогдашнюю природу и состояние тогдашней Литвы. – Освобождение. – Заезд, или Expulsia et violentia. – Изгнанники

Отец мой уехал в сентябре 1796 года в Вильну по своим делам, – кажется, для свидания с бывшим польским генералом Вендорфом, которому он продал часть имения своего Грицевич. Недели через две матушка получила известие, что отец мой взят под стражу.

Вот что рассказывала мне впоследствии матушка об этом событии. В Минске был адвокат Герсдорф, родом поляк, из старинных лифляндских выходцев. Он участвовал в народном восстании и после взятия в плен Костюшки ушел в Турцию, принял магометанскую веру и получил какое-то важное звание в турецкой артиллерии. Слыхал я, будто этот ренегат был впоследствии трехбунчужным пашою²²² и что один из литовских уроженцев в русской службе, будучи послан парламентаром в турецкую армию, в последнюю войну при императоре Александре I, явившись к паше, удивился, когда он, спросив его о прозвании, заговорил с ним по-польски, сказав, что знал его родных, и стал расспрашивать о старинных своих приятелях в Литве. Не знаю, правда ли это, но то верно, что Герсдорф принял магометанство и был в турецкой военной службе. Этот Герсдорф, человек необыкновенного ума, был, по словам знавших его, веселого нрава, приятного обхождения и потому был принимаем с удовольствием в лучших обществах. Он обучался вместе с отцом моим в новогрудских школах²²³, и они с детства подружились. Дружба эта продолжалась и в зрелых летах, и Герсдорф пред отъездом в армию к Костюшке занял несколько сот червонцев из монастырских сумм какого-то католического монастыря в Минске, под порукою отца моего. Почитая Герсдорфа погибшим, отец мой дал на себя заемное письмо монастырю и никогда не надеялся на возвращение этих денег, как вдруг в Вильне явился к нему грек, приехавший из Константинополя с товарами (турецким табаком, бакалиями²²⁴, чубуками и т. п.), стал расспрашивать всех об отце моем и, узнав, что он в Вильне, отдал письмо от Герсдорфа и должны деньги. Герсдорф в письме благодарил отца

²²¹ В античной Спарте основной целью воспитания было физическое совершенствование человека.

²²² Бунчук – древко с привязанным хвостом коня или яка, служившее символом власти. Перед пашой, занимавшим пост визиря (министра), носили бунчук с тремя хвостами и золотым шаром или полумесяцем.

²²³ Новогрудок – город, крупный политический и культурный центр Великого княжества Литовского; ныне в Гродненской области Республики Беларусь.

²²⁴ Бакалиями – то есть бакалеей.

моего за поручительство, уверял в вечной дружбе, описывал свое положение самыми блистательными красками и просил усердно навестить его в Константинополе, в его гареме, говоря, что теперь в столице Турции много поляков, что важнейшие сановники Порты²²⁵ принимают их очень хорошо и что они живут весело и независимо. Вероятно, в письме Герсдорфа были рассуждения насчет тогдашнего политического состояния Европы, выходки против России и какие-нибудь намеки на положение Польши, потому что нельзя предполагать, чтоб такой отчаянный патриот, каким был Герсдорф, воздержался от толков о политике, которая в то время кружила всем голову. Отцу моему надлежало или сжечь письмо и тем прекратить все сношения с ренегатом, или отдать письмо начальству, объяснив дело. Но ум и благоразумие – не одно и то же. Отец мой стал показывать письмо всем приятелям, забавлялся насчет блаженства, которое, по словам Герсдорфа, нашел бы в Константинополе, говорил в шутку, что хочет навестить его в гареме, и т. п. Однажды отец мой хотел кому-то прочесть письмо и не нашел его. Перерыл все бумаги, искал в своих карманах и, не отыскав, подумал, что выронил где-нибудь нечаянно, и вовсе об этом не беспокоился.

Через несколько дней после этого, когда отец мой был где-то на вечере, камердинер его дал ему знать, что какой-то незнакомый господин ожидает его в квартире *по весьма важному делу* и просит повидаться с ним немедленно. Возвратясь в квартиру, отец мой вместо *одного* незнакомца нашел нескольких полицейских чиновников, занимающихся укладкою всех его бумаг и вещей, и офицера с командою. На дворе расставлены были часовые, и стояли две кибитки с почтовыми лошадьми. На вопрос отца моего, что это значит, ему отвечали, что они ничего не знают, но что получено приказание доставить его в Гродно, со всеми бумагами. В одну кибитку сел отец мой, с офицером и солдатом, а в другую – полицейский чиновник с двумя солдатами, и помчались во всю конскую прыть. По прибытии в Гродно отца моего поместили в католическом монастыре под стражу.

Мера эта извиняется тогдашними обстоятельствами. Все дела должно вести последовательно (*il faut être conséquent*). Взяв Польшу, надлежало водворить в ней порядок и спокойствие и, следовательно, должно было лишить беспокойных людей возможности к возмущению народа и быть строгим с теми, которые не хотели покориться добровольно. Одно проистекает из другого. В это время в Париже, Лондоне и в Константинополе было много польских эмигрантов значительных фамилий²²⁶, старавшихся возбудить правительства к войне противу России, и как Порта, несмотря на мирный трактат²²⁷, сохраняла вражду к России за понесенные потери в последнюю войну и, побуждаемая другими дворами, надеялась загладить победами свое уничижение, то польские эмигранты старались раздувать искры этой тайной злобы и обещали взволновать всю Польшу при первом вторжении турок в русские пределы. Русское правительство знало обо всех интригах в Константинополе и наблюдало в Польше большую осторожность, устраняя все сношения эмигрантов с жителями присоединенных областей. Но помещики присоединенного края тогда еще не знали подлинно ни законов русских, ни порядка русского, ни обязанности властей и подчиненных, а если и знали кое-что, то не торопились исполнять, привыкнув к прежнему своеволию. Отец мой, почитая это письмо ничтожным, полагал, что и все должны так думать, и был, как говорится, без вины виноват. Впрочем, и после даже его бы не задержали, если б он сам не навязал себе беды. При допросах он то шутил некстати, то горячился, и без всякой надобности входил в политические рассуждения. По

²²⁵ Порты – распространенное наименование Османской империи.

²²⁶ Речь идет о волне эмиграции, вызванной разделами Речи Посполитой и подавлением восстания 1794 г. См., в частности, публикацию документов парижской полиции, наблюдавшей за членами семей Радзивиллов, Сапег, Огинских и Сангушек: *Кандакоў Дз. Барскія канфедэраты-ліцвіны пад наглядам парыжскай паліцыі (1774–1777) // Асоба і час: беларускі біяграфічны альманах. Мінск: Лімарыус, 2015. Вып. 6. С. 4–16.*

²²⁷ Речь идет о Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и о Ясском мирном договоре 1791 г., по которому России отошли земли между Южным Бугом и Днестром.

речам сочли его опасным – и упрятали!.. Душевно сожалею о несчастьи, постигнувшем моего родителя, и готов был бы собственной кровью искупить его страдания; но по справедливости и для примера другим не могу оправдывать его тогдашнего поведения. Надлежало поступать хладнокровно, объяснить дело, доказать свою неприкосновенность к заграничным интригам и не пренебрегать властью. Конечно, надобно принять в соображение тогдашние обстоятельства. С одной стороны, патриоты воспламеняли умы, а с другой – некоторые из поляков оскорбляли человеческое чувство неслыханною низостью!.. Трудно было сохранить хладнокровие честному и прямодушному человеку, одаренному пылким характером! Эти пылкие люди в каждом потрясении гибнут первые, гонясь за правдой и честью, гибнут, как бабочки, приняв зажженную свечу за солнечный свет... Один возжигает пламя, а тысячи гибнут в нем. Поздно приходит разочарование и раскаяние! При этом позволяю себе сделать небольшое отступление.

Честный ремесленник в Англии, Самуил Бемфорд (Bamford), бывший одним из главных начальников революционных движений, обеспокоивавших Англию от 1816 до 1821 года, издал недавно описание важнейших своих приключений под названием «Записки радикала» (*Mémoires d'un radical*), разбор которых и извлечение из них я читал в «*Revue Britannique*», 1845 года²²⁸, и счел кстати, уже при печатании моих «Воспоминаний», привести здесь правила Бемфорда, внушенные ему опытностью и благоразумием. Честолюбцы и эгоисты, употребляя Бемфорда как орудие для достижения своих личных выгод, до тех пор льстили ему и обнадеживали его помощью, представляя в будущем блистательную участь, пока он им был нужен, а потом бросили с презрением, как выжатый лимон. Это общая участь честных людей в революциях! Хорошо еще, что Бемфорд этим отделался. Французская революция резала все честное и благородное. Рассказав все низости начальников революционных партий, Бемфорд составил себе следующий политический катехизис, который бы надлежало учить наизусть юношеству, особенно в Западной Европе.

«Трудолюбивый и небогатый человек не может лучше служить отечеству, как исполняя обязанности к своему семейству, и он не в состоянии оказать более действительной пользы, как приготовляя для отечества достойных граждан. Участие каждого гражданина в правлении есть повиновение законам и управление, с любовью и добродушием, своим семейством, которое должно быть его царством. Лучшая и единственная реформа, которою он может заняться, это усовершенствования в своем домашнем быту. Самые полезные митинги (*meetings*), т. е. народные собрания, суть те, которые отбываются в семейном кругу, а лучшие речи (*speech*) те, которые клонятся к водворению спокойствия, мира, любви и снисхождения к человечеству. Лучшие прошения (*petitions*) суть те, которые возносятся с сокрушенным сердцем к Царю Небесному, не презирающему гласа смирения, и те, которые представляются сильным земли для исходатайствования у них миролюбивым путем улучшений для страждущих собратий. Кто хочет успеха, должен научиться страдать. Кто хочет быть героем, должен уметь управлять собою. Кто хочет управлять, пусть научится повиноваться»⁽¹²⁾.

Сколько людей с умом, с дарованиями, с добрым сердцем, были бы спасены от гибели, если б эти правила укоренены были в них с юности!

Матушка, получив печальное известие, немедленно выехала в Минск со всем семейством и явилась к генералу Тутолмину просить совета и покровительства. Тутолмин жаловал моего отца, соболезновал о его участи, но советовал подождать, пока пройдет первый жар, обещая за него вступить и даже писать в Петербург. Между тем пришло известие о смерти императрицы Екатерины II (скончавшейся 5 ноября 1796 года) и восшествии на престол императора Павла Петровича. Многие из значительнейших чиновников и генералов русских уехали в

²²⁸ Речь идет о книге С. Бемфорда «*Passages in the Life of a Radical*» (1840–1844), вышедшей на французском языке под названием «*La vie d'un radical anglais au temps de Peterloo*». Булгарин познакомился с ней по изложению в мартовском номере журнала «*Revue Britannique*» (с. 281–301), представляющему собой перевод из английского журнала «*Quarterly review*» (подп. V. V.).

Петербург, и в том числе Тутолмин, и матушка решила подождать его возвращения в Минске, где у нас был собственный дом, или, как тогда называли, юрисдикция, т. е. дом с местом, подчиненные не городской власти, а своей, шляхетской.

Не помню, накануне какого большого праздника матушка взяла меня в церковь, к вечерне. Народу была в церкви бездна, и в тесноте меня как-то оттерли от матушки и вытолкнули за двери. Я обрадовался, что выбрался из удушливой тесноты, в которой едва не задохнулся, и вознамерился возвратиться домой; но, не зная улиц, забрел в конец города, блуждал в темноте, не встречая ни одной души, и наконец, не зная что делать, принялся плакать. Фонарей тогда не было на улицах, как теперь, и я шел наобум, по пояс в снегу, содрогаюсь от лая собак. Вдруг, при повороте, вижу вдали огонь. Я побежал туда из всех сил и попал на гауптвахту! Часовой вызвал унтер-офицера, который проводил меня в офицерскую комнату. Я рассказал офицеру мое приключение, назвал мою фамилию, но не умел назвать улицы, на которой находился наш дом. Офицер советовал мне прилечь на скамье, обещая на другой день отыскать наш дом и отвезти меня к матери. Нечего было делать, я согласился. В это время вошел молодой человек в губернском мундире. «Я дежурный чиновник губернаторской канцелярии, – сказал он офицеру, – и пришел просить вас о смене часового у кассы, который заболел ужасным колющим в боках, так что не может дышать». Пока офицер распоряжался, чтоб выслать людей за больным солдатом и очередного на смену, молодой чиновник спросил меня, кто я таков и что здесь делаю. Я рассказал ему мое приключение. Чиновник сказал офицеру, что знает наш дом, и взялся отвезти меня немедленно. Мы сели в сани, и чрез несколько минут я уже находился в объятиях матери, которая была в ужасном отчаянии, воображая, что меня украли жида! Тогда еще верили в Литве, что жида употребляют христианскую кровь для печения опресноков (т. е. мацы) в праздник Пасхи. Можно себе представить, как благодарна была матушка чиновнику и как его приняла. Было уже около одиннадцати часов ночи, и потому гостя не удерживали, но матушка запросила чиновника на другой день к обеду; он явился – и с этого дня стал безвыходным нашим гостем и другом семейства, а через четыре месяца женился на старшей сестре моей, Елисавете, которая прожила с ним счастливо лет тридцать⁽¹³⁾. Зять мой впоследствии называл меня в шутку *сватом*.

Тутолмин не возвращался. Матушка, однако ж, не была в бездействии; она писала письма к братьям своим в Белоруссию, в Петербург к сыну и ко всем, кого только знала; писала и к графу Ферзену. В конце февраля матушка нарочно выехала в деревню, чтоб не быть на съезде дворянства, на контрактах. Подъезжаем к дому, и на крыльце встречает нас – отец мой! Он возвратился накануне; в четыре месяца он ужасно переменялся: похудел, постарел десятью годами и поседел. Все мы расплакались! С этой поры отец не отпускал меня от себя ни на минуту. Он, как дядька, ходил за мною, играл со мною, и я даже спал в его комнате... Кажется, он предчувствовал нашу вечную разлуку и мое сиротство. С удивлением и горестью заметили все в доме, что отец мой переменялся столько же в нравственном, сколько и в физическом отношении. Веселость его исчезла; он не шутил уже и не занимал своего семейства беседою, но был молчалив и мрачен, никуда не выезжал и никого не принимал, прячась от людей, и если не играл со мною, то ходил один, с ружьем, вокруг дома или по опушке леса. Матушка втайне плакала, видя такую печальную перемену в нраве отца моего, и опасалась, чтоб это не было предвестником тяжелой болезни. В нем, в самом деле, начала развиваться какая-то желчная болезнь, которая навела на него меланхолию и привила к душе мизантропию. Матушка рассказывала мне, что заметила это по одной черте. Пришел к нам проситься в службу стрелец и привел с собою отличную охотничью собаку; отец мой отвечал: «Человека не надобно, а собаку куплю: собаки не изменяют и не торгуют своею породой!»

С 7 марта (в день Св. Иосифа²²⁹) начинались так называемые *контракты* в Минске. Самое название означает, что контракты есть время, назначенное для различных *сделок*. В это время покупали, продавали и брали в аренду имения, занимали и отдавали займы деньги, платили долги и проценты. Вместе с тем была тогда же и ярмарка, и время увеселений. Купцы приезжали с товарами из всех больших городов и из-за границы. Каждый вечер бывали театральные представления, концерты, частные и публичные балы, а кроме того, богатые помещики давали обеды. Это было деловое и веселое время. И теперь существуют контракты, но это уже тень прежних; теперь уже знают в западных губерниях, что такое кредитные учреждения в России, банки и ломбард; но тогда все денежные обороты происходили в провинции: брали деньги у частных лиц и отдавали капиталы на проценты в частные же руки; следовательно, весьма немногие помещики не имели надобности быть на контрактах, тем более что тут заключались условия на поставку в Ригу хлеба, корабельного леса, пеньки, льна, семени льняного и т. п. Тогда Англия, Швеция, Голландия и даже Америка вывозили хлеб большею частию из России и Польши, и земледелие не было за границей в таком состоянии, как теперь. Что там произведено усилиями и наукою, то у нас рассыпала щедрою рукою природа. Все замечают, однако ж, что в течение полувека не только климат, но даже почва и наружный вид земли во многих странах весьма переменялись, особенно в Восточной Европе, т. е. в Польше и России. Многие озера, речки и ручьи иссякли, большие судоходные реки мельчают, особенно при устьях. Почва истощилась, и леса или уже исчезли, или исчезают. Человек должен непременно всегда бороться с природою или содействовать ей, удерживать воду или спускать ее, углублять реки, разводить леса или очищать их, иссушать болота и удобрять землю, иначе природа в заселенных местах непременно истощится, а с нею обнищают и люди. Не знаю, как теперь, но я еще помню, когда Минская губерния была богата и плодородна. Пшеница росла в рост человека, рожь и яровые хлеба давали всегда обильную жатву. Реки и озера изобиловали рыбою; на берегах Березины и впадающих в нее речек водились бобры (которые теперь вовсе исчезли). Гастрономы, особенно католические монахи, лакомились бобровым хвостом, состоящим из одного нежного и хрупкого жира, но бобрового мяса не употребляли в пищу. Замечательно, что жирный бобровый хвост почитался *постною пищею*, как будто бобр рыба! На болотах водились так называемые *земноводные черепахи*, которых мясо сохраняло запах душистых трав, особенно майорана. Это также была лакомая пища. Дичи была бездна в обширных лесах. Кабанов ловили за один раз по несколько десятков, западнями; лосей, оленей, диких коз везде было множество. Пчеловодство процветало, и Бобруйский уезд производил торговлю медом-липцем (белым) и воском. Дубы отправляли в Ригу, сосну – в Кременчуг. Плодовые деревья не требовали никакого хождения за ними и произращали превосходные плоды. В лесах и на межах росли дикие груши и яблоки, из которых делали превкусное питье. Сверх всего этого, щедрая природа без всякого возделывания производила *манну* на болотах; она походит стеблем и колосом на просо, только меньше и мельче²³⁰. Женщины в конце лета выходили на заре на болото, пока еще роса держалась на колосьях, и сбивали зерно в решето; из этого зерна делали крупу, вовсе не похожую вкусом на ту крупу, которую ныне продают под именем *манны*; за настоящую манну дорого платили в Риге. Собирали также большое количество вольнорастущего на лугах тмина. Даже шпанские мухи²³¹ водились во множестве и доставляли доход, равно как и *червец*, или так называемая польская кошениль²³². И так, и без рационального хозяйства,

²²⁹ Католическая церковь отмечает 7 (19) марта День Св. Иосифа Обручника, мужа Марии, богоматери.

²³⁰ Имеются в виду растения рода манник – многолетники с коленчато приподнимающимся стеблем и сплюснутыми влагалищами широких линейных листьев. Названы так, поскольку их зерновки употреблялись в пищу под названием манна.

²³¹ Шпанские мухи (*лат. Lytta vesicatoria*) – насекомое из семейства жуков-нарывников, из которого готовили различные медицинские препараты, популярные и в качестве афродизиаков.

²³² Червец (кошенильный червец; *лат. Dactylopius coccus*) – вид насекомых из отряда полужесткокрылых, из самок которых добывают вещество, используемое для получения красного красителя – кармина.

в старину было во всем изобилие, и хлеб был в запасе и у помещика, и у хорошего крестьянина. Недаром в русском народе велась поговорка: «В Польше хлеба больше». Посетив этот край в 1807 году²³³, я уже нашел во всем большую перемену; но хорошее осталось в памяти туземцев.

Зимы были постоянны, и весна в Бобруйском и соседнем Мозырском уезде начиналась рано. В поле работали в марте, а в апреле все уже цвело. Припоминаю все происшествия, потому что это была последняя весна, проведенная мною в семействе, при отце и матери. Никакое блаженство в жизни не вознаградит ласк родителей! Помню, как в этом году отец сам устраивал для меня лубок²³⁴, с которого я скатывал на траву красные пасхальные яйца, в Светлый праздник! Я жил или в поле, или в саду и был вполне счастлив. Все меня любили, ласкали, не жили, как обыкновенно бывает с младшим в семье. Весна обещала урожайный год.

В одно утро отец мой выехал верхом в поле вместе со мною. Мы ехали шагом по дороге, как вдруг послышался за рощицей звук колокольчика... Отец мой быстро поворотил коня и поскакал домой, я за ним...

Едва мы успели слезть с коней и войти в комнаты, на двор нагрянула целая ватага. На тройке подъехал к крыльцу заседатель, с своим писарем и каким-то незнакомым человеком в польском платье; на другой тройке въехал на двор унтер-офицер и двое солдат земской полиции (она тогда имела небольшую команду из солдат, выслуживших срок); на нескольких крестьянских подводах прикатили так называемые понятые, т. е. старосты деревень, с бляхой на груди. Разумеется, все семейство наше испугалось, думая, что снова приехали брать под стражу отца моего. Он стоял неподвижно у окна, и помню, что был бледен как полотно. Наконец вошел в комнату заседатель, влача за собою огромный бренчащий палашище. За ним вошел незнакомый нам шляхтич. Заседатель, не поклонившись никому, хотя матушка и сестры прибежали к отцу моему и ухватились за него, спросил по-русски: «Кто здесь хозяин?» Отец рассказывал нам после, что этот самый человек служил провентовым писарем (т. е. по части винокурения и продажи водки) у князя Карла Радзивилла, в Слуцке, и просился к нему в службу. «Разве вы не знаете меня?» – отвечал хладнокровно отец мой. Заседатель был крепко навеселе. «Я никого не знаю и знать не хочу, – отвечал он гордо, – а вы должны знать, кто я. Объявляю вам, что вы должны сейчас выбираться из Маковищ и сдать имение поверенному пану Дашкевича, и вот указ». При этом он одною рукою указал на шляхтича, а другою подал отцу моему бумагу. Это было предписание земского суда нижнему земскому суду ввести немедленно пана Дашкевича во владение его родовым имением, Маковищ, потому что сумма, за которую оно заложено, уже внесена в суд на контрактах, и как после трех извещений (сомаций) никто не явился для получения денег, то суд на основании законов велит исполнительной власти возвратить вотчиннику его собственность. Тут я должен пояснить дело.

Деньги, данные пану Дашкевичу под залог имения, принадлежали исключительно матушке, и закладная сделана была на ее имя. По желанию отца моего, имевшего свое собственное имение и притом свои собственные долги, в закладную внесен был особый пункт, что пан Дашкевич должен выкупить имение *наличными деньгами*, не скупая никаких долгов (*bez pabysia wlewków*). Вопреки этому пан Дашкевич выдал от себя заемные письма кредиторам отца моего, а его заемные письма перевел на свое имя и с частью наличных денег представил в суд, требуя возврата имения. Суд, неизвестно по каким причинам, пропустил важный пункт в закладной и предписал отдать имение вотчиннику, невзирая на протестацию нашего поверенного. Имея в руках решение суда и предписание нижнему земскому суду к исполнению его, пан Дашкевич не обратил внимания на протест нашего поверенного и на позыв в суд и

²³³ Булгарин служил (в чине корнета) в Уланском его императорского высочества цесаревича Константина Павловича полку и в 1806–1807 гг. участвовал в военных действиях против наполеоновских войск. Через некоторое время после Тильзского мира (заключен в июне 1807 г.) Булгарин получил отпуск и отправился на родину (см. об этом начало 3-й главы третьей части).

²³⁴ Лубок – деревянный лоток для катания крашеных пасхальных яиц; разновидность троичских игр.

решился, по *старопольскому* обычаю, на *наезд*, т. е. на *изгнание нас насильно из имения*. Он забыл, что времена переменялись и что русское правительство употребляло все усилия, чтоб истребить прежнее своеволие и прежние беспорядки. Пан Дашкевич думал, что объявленная неприкосновенность прежних прав и привилегий должна состоять в сохранении всего, что делалось во время польского правления, правильнее – *неуправления*. Ему немудрено было подговорить заседателя, который, кроме того что был человек сомнительной нравственности и придерживался чарочки, жестоко сердился на моего отца. Встретясь в Глуске на улице, при нескольких помещиках, заседатель фамиллярно протянул руку моему отцу как старому знакомому, чтоб поздороваться; но отец мой, измерив его взглядом, не дал руки и сказал хладнокровно: «Я не танцую на улице!» Теперь заседатель нашел случай отмстить за оказанное ему презрение. Да и вообще, при начале учреждения русского управления в новых областях губернаторы, желая угодить помещикам составлением земской полиции из туземцев, невольно произвели противное действие. Из людей порядочных, из помещиков уважаемых не было охотников к занятию полицейских должностей, и потому брали в заседатели мелкую шляхту, а в капитан-исправники выбирали людей большею частию из Белоруссии, уже находившихся в русской службе. Выбор редко соответствовал ожиданию, и эта часть администрации не пользовалась тогда уважением помещиков.

«Из Маковищ я не выберусь, – сказал мой отец, – потому что мы подали позыв пану Дашкевичу о неисполнении условия и будем ждать решения высшего суда». – «Что вы мне толкуете о ваших позывах! – сказал заседатель. – Не выберетесь добровольно, так мы выгоним насильно!..» Я видел, что матушка и сестры держали за руки отца моего, и наконец матушка повисла у него на шее и что-то шептала на ухо. Страшно было смотреть на моего отца! Посинелые губы его дрожали, он то бледнел, то краснел, видно было, что он ужасно боролся с собою; наконец он захохотал таким смехом, что я задрожал. «А! Вы хотите выгнать нас насильно!» – сказал отец мой прерывающимся голосом. «Непременно, в силу указа!» – возразил поверенный пана Дашкевича. «Итак, выгоняйте!» – сказал отец мой. Заседатель с поверенным вышли из комнаты.

«Для вас только, для вашего спокойствия я перенесу эту обиду! – сказал отец мой, обращаясь к матушке и к сестрам. – Но мы не должны уступить добровольно, пусть выгоняют нас силой», – примолвил он, и в это время услышали мы ржание наших коней, которые бегали по двору: их выпустили из конюшни. Понятые вытаскивали экипажи из сарая. Отец мой надел шапку и плащ, взял ружье и вышел на крыльцо, сказав матушке и сестрам, чтоб следовали за ним, а меня повел с собою за руку. Вскоре явились матушка и сестры в салопах. Заседатель кричал и бесновался возле конюшни, а потом со всей своей командой пришел к крыльцу и сказал понятым: «Ступайте в дом и сложите все вещи в одну комнату, а я запечатаю». Поверенный вошел в комнаты вместе с мужиками. Матушка и сестры дрожали от страха. В комнатах слышны были стук и ломка мебели, звон посуды... «Вы видите, что здесь нам делать нечего, – пойдем!» – сказал отец мой, и мы вышли за ворота. «Куда же нам деваться, куда приклонить голову!» – сказала матушка, рыдая. «Пойдем к приятелю нашему, пану Струмиле», – отвечал отец мой, сохраняя удивительное, невиданное дотоле хладнокровие.

Пан Струмило (дядя по матери генерала С-х-та²³⁵) держал в аренде имение, милях в двух от Маковищ, и наши семейства были весьма дружны между собою. Мы отправились к нему пешком. Слуги и служанки догнали нас и сказали, что они не оставят нас, разве их убьют на месте. Моя нянька с криком бросилась ко мне и, взяв на руки, обливала слезами. Отец приказал только двум человекам и нескольким служанкам следовать за нами, а прочих отослал в Глуск, к приятелю, пану Ржимовскому, сказав, что он распорядится после. Отец мой шел впереди с ружьем на плече и молчал.

²³⁵ Имеется в виду И. О. или Н. О. Сухозанет.

Мы прошли с пять верст, как вдруг за нами поднялась пыль. Бричка в три лошади мчалась быстро по дороге. Женщины испугались. «Они хотят убить нас!» – воскликнула матушка. Отец, не говоря ни слова, только взвел курок своего ружья и осмотрел полку²³⁶. Бричка приближалась, и отец мой остановился и велел всем стать позади. Наконец бричка поравнялась с нами – в ней сидел наш корчмарь Иосель!.. Он выпрыгнул из брички, бросился к ногам моих родителей и зарыдал. «Ты добрый человек, Иосель!» – сказал отец мой, отворотившись, чтоб не видали слез его. Иосель не мог промолвить слова: он рыдал и только знаками показывал, чтоб мы садились в бричку. Мы уселись, простившись с Иоселем, и слуга его, также еврей, погнал лошадей. Слуги и служанки наши продолжали путь пешком.

Можно себе представить, как удивилось семейство пана Струмилы, когда увидело нас в этом экипаже! Выслушав рассказ об этом происшествии, пан Струмило благодарил отца за доверенность к нему и отвел нам несколько комнат. Мы вышли из дому перед обедом, и семейство пана Струмилы уже пообедало. Для нас состряпали обед, за которым отец мой был так спокоен, как дома. Матушка и сестры были ужасно расстроены и почти больны от испуга; они не прикасались к кушанью. Пан Струмило не мог надивиться хладнокровию моего отца, зная его характер, и я слышал, как он, в его отсутствии, говорил матушке, что надобно непременно посоветоваться с доктором, потому что нет сомнения, что отец мой страдает какою-то необыкновенною болезнью... На другой день пан Струмило послал в Глуск за доктором, а между тем почти всю ночь он провел с моими родителями в совещаниях. Вследствие общего совета отец мой написал просьбу к губернатору и другую в суд, опираясь на важнейший пункт польского законодательства: *Expulsio et violentia*²³⁷. На другой день выслали нарочного в Минск, к нашему поверенному.

V

Старина. – Рассказ современницы о Карле XII и Петре Великом. – Знаменитый гарнец жемчуга. – Переселение в Белоруссию. – Дань благодарности первому учителю. – Переселение в Петербург

Не стану описывать подробностей процесса, продолжавшегося с лишком двенадцать лет во всех инстанциях и кончившегося в нашу пользу²³⁸. Это было бы и длинно, и для многих скучно. Процесс этот наделал в свое время много шума в Литве и в петербургском юридическом мире и важен тем, что представил Сенату совершенно новые вопросы и произвел в новоприсоединенных областях благотворное впечатление, убедив, что в России *есть правосудие*. Этому дотоле там не верили, воображая, что суд и расправа продаются с молотка! Расскажу только обстоятельства, предшествовавшие важнейшему событию в моей жизни, имевшему влияние на всю мою участь, а именно переселению в Петербург.

Недели чрез полторы мы отправились в экипажах пана Струмилы в Минск; но прежде заехали в Русиновичи²³⁹, имение бабушки моего отца (т. е. родной сестры его деда, *grand-tante*), пани Онюховской. Эта почтенная дама представляла собою живой исторический памятник важнейших событий в крае в течение целого столетия и вместе с тем сохраняла остатки ста-

²³⁶ Полка – часть затвора для насыпания пороха в кремневых ружьях.

²³⁷ Изгнание как насилие (*лат.*) – юридический термин в польском законодательстве для обозначения незаконного захвата чужой собственности, поместий.

²³⁸ Решение Сената последовало в 1800 г., см. хранящееся в Национальном историческом архиве Беларуси дело № 299-2-103 «По прошению бобруйского повета помещика Иосифа Дашкевича о поступлении с помещиками Булгариными за противозаконной поступок с атрадованным того Дашкевича имением по законам» (решено 3 мая 1800 г.). Долг Дашкевича в пользу Булгариных в сумме 16 500 руб. был обращен по решению Сената на имение Дашкевича Положевичи с 153 крепостными душами. Положевичи – ныне деревня в Стародорожском районе Минской области.

²³⁹ Русиновичи – ныне деревня в Минском районе Минской области Республики Беларусь.

ропольских обычаев первой половины XVIII века. Такие люди редко встречаются, и я должен поговорить о ней.

Бабушка отца моего родилась в 1697 году, следовательно, в это время ей было ровно *сто лет*. Скажу предварительно, что она умерла скоропостижно от испуга, в 1812 году, т. е. ста пятнадцати лет от рождения, когда партия казаков внезапно и с шумом въехала ночью в ее двор. Она была необыкновенно высокого роста, держалась всегда прямо, и носила шнуровку до последней минуты, и всю жизнь управляла сама хозяйством, вела переписку, не употребляя очков. Во всю жизнь свою она никогда не была до того больна, чтоб лежать в постеле. Имея весьма порядочное состояние и будучи вдовою президента гродского (т. е. уголовного) суда²⁴⁰, она занимала почетное место в обществе, но в течение почти сорока лет только однажды, и то по важному делу, выезжала из своей деревни, охотно принимая гостей и даже славясь радушием и гостеприимством. В доме ее все устроено было на старинную ногу, и многие ездили к ней нарочно, чтоб насмотреться на старопольские обычаи, от которых она не отступала ни на волос. Она не переменила никогда покроя своей одежды и одевалась так, как одевались польские дамы в начале XVIII века, т. е. в длинную белую кофту (в обыкновенные дни канифасную, а в праздники коленкоровую²⁴¹) до колен, с фалборками²⁴² и с узкими рукавами. Корсаж состоял из шнуровки, с черными лентами накрест, как в швейцарском женском костюме. Белая верхняя исподница до колен была обшита фалборками и между ими одною широкою черною лентою. На голове носила она высокий чепец, перевязанный широкою черною лентою (в знак вдовства). Черные башмаки были с пряжками и высокими красными каблуками. Она всегда имела в руках высокую трость с золотым набалдашником, на котором вырезано было изображение Богоматери. При встрече с незнакомым человеком или при какой-нибудь опасности она крестилась и целовала это изображение. Взгляд ее был серьезный, голос громкий и несколько грубый. За нею вроде вестового ходила всегда любимая ее служанка, с ключами и с мешком, в котором были куски сахара, пряники, мелкие серебряные деньги для раздачи детям слуг и сиротам, воспитываемым в ее доме. У нее был один только сын (давно уже скончавшийся), который известен был во всей провинции под именем *короля*, потому что мать не называла его иначе как *мой король* (*mój król*). Она баловала своего *короля* до такой степени, что он был гораздо счастливее настоящего короля Станислава Августа, хотя и был предметом шуток и, так сказать, притчей во языцех в целой Литве. Мать обходилась с ним до старости как с малолетним. Природа дала ему и ум, и доброе сердце, и вообще он был любим всеми, кто знал его близко. Мать не дала ему никакого воспитания, опасаясь науками повредить здоровью, и он едва знал грамоте. Самоучкой и по слуху он играл на фортепиане, и даже весьма приятно, с чувством и выражением. За *королем* ухаживали беспрестанно несколько лакеев и молодых служанок и должны были забавлять его. Для него варили ежедневно более десяти кушаньев, в малых кастрюльках и горшочках, чтоб угодить его вкусу по внезапному желанию и требованию. Сама мать не употребляла никакого лекарства, но расстроила здоровье своего *короля*, подчивая его без нужды всякого рода медикаментами и держа почти круглый год взаперти, чтоб не подвергнуть простуде. Во всех делах женщина умная, она от излишней и дурно постигнутой материнской нежности была причиною и телесной слабости, и умственного закоснения единственного своего сына и сделала его даже смешным. Когда король Польский был в Несвиже в гостях у князя Карла Радзивилла²⁴³, то наслышался так много из рассказов об этом

²⁴⁰ Гродский суд – уголовный поветовый (уездный) суд для шляхты, рассматривавший дела о серьезных преступлениях (убийства, тяжкие телесные повреждения), а также о возвращении беглых крепостных.

²⁴¹ Канифас – легкая плотная хлопчатобумажная ткань, обычно в полоску. Коленкор – гладкокрашенная хлопчатобумажная полотняного переплетения ткань, обычно сильно накрахмаленная.

²⁴² Фалборка (фальбонка) – оборка (*польск.*, от *фр.* *falbala*).

²⁴³ Станислав Август останавливался в Несвиже в 1782 г. «Король провел пять дней в Несвиже. В это время праздник сменялся праздником. Между прочими увеселениями была представлена на несвижских прудах осада Гибралтара» (Карнович

короле, что для шутки велел представить себе, как он говорил, *своего товарища*. Мать выслала своего *короля* в Несвиж с родственником, паном Гораином (отпустив его от себя в первый раз в жизни), и снарядила так великолепно, что он явился точно как удельный принц. Польский король принял его очень милостиво, убедившись, что смеха достоин не он, а что смешна мать его и он смешон только при ней. Он даже нашелся перед королем. «Приветствую (*witam*) вас, как равного!» – сказал король при первой встрече. «Наияснейший король, – отвечал Онюховский, – по шляхетству мы *были* равны и по смерти *будем* равны, а теперь я царствую (*króluje*) только в сердце моей матери!» Все удивились этому ответу. Но я уже сказал, что он был умен от природы, и ум его был только угнетен тяжестью материнских предрассудков и предубеждений.

Прабабушка моя, пани Онюховская, одарена была удивительною, редкою, непостижимою памятью и помнила не только все происходившее в ее детстве и молодости, но даже и то, что произвело на нее сильное впечатление в течение всей жизни. Она была по двенадцатому году от рождения, когда шведский король Карл XII проходил с войском из Сморгонь в Борисов, в 1708 году²⁴⁴. Ровно через *сто* лет после этого события, когда я был у нее в 1807 году, она рассказывала мне про Карла XII, который несколько дней квартировал в доме ее родителей, как будто она видела его накануне. Вот рассказ ее, хотя и не слово в слово.

«Когда родители мои узнали, что шведское войско идет в Россию на Молодечно, они хотели выехать внутрь края и выслать все дорогие вещи, потому что имение наше лежало на большой дороге в Борисов, а шведы были ужасные грабители. В манифестах шведы называли себя нашими *приятелями* и защитниками, а обдирали до последней нитки. Русские также называли себя нашими друзьями и защитниками и тоже не щадили нас. Наши поляки, придерживаясь то партии Станислава Лещинского, то партии Августа II, т. е. то шведа, то москаля, разоряли нас не хуже чужих. Время было тяжелое, и только благодать Божия удержала тогда от гибели край, открытый для всех и каждого, как заездная корчма! Все наши дорогие вещи уже уложены были на фуры, и мы ждали только известия о приближении шведов, чтоб выехать, оставив дом на произвол судьбы. Приятель отца моего, пан Воллович, находившийся при короле шведском, прислал нарочного с известием, что в нашем доме назначена квартира для Карла XII. “Король, верно, не ограбит нас, – сказал мой отец, – а напротив, защитит. Зачем нам таскаться по чужим домам: останемся!” Мать моя согласилась, и мы остались. Родители мои приготовили комнаты, велели даже обить мебель в двух комнатах новым бархатом и адамашком (старинною шелковою тканью, весьма прочною), запаслись лучшими съестными припасами и винами и ждали гостя, хотя и не весьма спокойно. Наконец нам дали знать, что шведы уже приближаются, и к вечеру приехали к нам двадцать четыре человека трабантов²⁴⁵ с офицером, который поставил у ворот двух конных часовых, а на воротах вывесил большой желтый флаг с шведским гербом в знак того, что здесь королевская квартира. Для трабантов и офицера отвели комнаты во флигеле, но шведы не хотели знать их и провели ночь среди двора, возле огня, и даже не расседывали лошадей, хотя ночи были еще довольно холодны, потому что это было в половине марта, а зима того года была продолжительная. Всю ночь вокруг дома и по дороге беспрестанно разъезжали трабанты и подавали сигналы, крича из всей силы, не давая нам уснуть. Со светом потянулось войско шведское мимо нашего дома, и при виде королевского знамени били в барабаны. Полка два пехоты и несколько эскадронов конницы остановились за нашим гумном лагерем, а в самом гумне поместились офицеры. Матушка, я и две покойные мои сестры принарядились; отец надел свой парадный кунтуш²⁴⁶, и мы не отходили от окна, чтоб встретить короля у крыльца. Около полудня въехали во двор два шведские

Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши. СПб., 1873. С. 190).

²⁴⁴ Этим самым путем проходил Наполеон с своим несчастным войском, от Березины до Вильны, в 1812 году.

²⁴⁵ Трабант (от нем. *Trabant* – телохранитель) – офицерская прислуга из нижних чинов.

²⁴⁶ Кунтуш – старинная польская верхняя мужская одежда в виде кафтана с разрезными висячими рукавами.

офицера, а за ними конный солдат. “Неужели это адъютанты шведского короля, так бедно одетые?” – заметил отец мой. Офицеры слезли с лошадей и вошли в переднюю, а потом в залу, окнами в сад; их встретил маршалек нашего дома (мажордом), потому что все мы были в столовой, окнами на двор. Маршалек доложил батюшке, что офицеры спрашивают хозяина дома. Мы все перешли в залу, приказав служанке дать знать, когда король въедет в ворота. “Вы ли хозяин дома?” – спросил вежливо, по-немецки офицер помоложе другого. “К вашим услугам; что вам угодно?” – отвечал отец. “Здесь королевская квартира: укажите, пожалуйста, комнаты короля”, – примолвил офицер. “Весь мой дом и все, что в нем, к услугам его величества”, – возразил мой отец. “Для него довольно и одной комнаты, – отвечал офицер, – а комнаты две прошу я для канцелярии, для королевского министра и для двух адъютантов”. – “Распоряжайтесь, как вы знаете, – весь дом мой принадлежит его величеству! – отвечал батюшка. – Но позвольте узнать, скоро ли король прибудет, чтоб встретить его, как подобает, у крыльца?” Офицер улыбнулся: “Вы уже его встретили, и гораздо покойнее для вас и для него, – я король!” Мы остолбенели. Отец мой хотел извиниться, но не нашел слов и только, кланяясь, провел его в парадные комнаты. Как теперь вижу его перед собою, этого страшного короля, о котором написали столько книг! В три дня я насмотрелась на него вволю. Он напугал весь свет, а сам был смирен, как ягненок, скромн, как монахиня. Он был довольно высокого роста, тонок и поджар. Лицо у него было маленькое, совсем не соразмерное целому туловищу и даже голове. Красавцем он не был; нельзя, однако ж, сказать, чтоб он был дурен лицом, хотя был рябоват. Зато темно-голубые глаза блестели как алмазы. Тогда все носившие немецкое платье покрывали голову огромными париками, что нашим полякам казалось и смешно, и неприлично; но король шведский не носил парика. Волосы у него были каштанового цвета²⁴⁷, легко напудренные, стриженные коротко и взбитые или взъерошенные вверх, а с тыла связанные в небольшую косу. Он казался очень моложавым²⁴⁸. Он всегда был в синем мундире с желтым подбоем и красным воротником, в желтом лосинном нижнем платье и огромных сапожищах с пребольшими шпорами. Палаш его, лосинные перчатки, доходившие до локтей, сапоги и шпоры были вовсе не по его росту, и мы, девицы, насмехались над этим голиафовским²⁴⁹ вооружением. Шляпу носил он маленькую, без галуна, да и во всем его наряде не было на один шеляг²⁵⁰ золота или серебра. Родители мои беспрестанно говорили нам: “Рассматривайте короля! Это великий муж, как наши Ян Собиеский и Стефан Батори!” Отец мой, не любя немцев, весьма уважал Карла XII за то, что он выгнал короля Августа II из Польши и посадил на престол шляхтича, Станислава Лещинского.

Чрез час приехали две коляски и две крытые фуры с людьми королевскими. С этим обозом прибыли королевский министр²⁵¹ и другой, адъютант. Между королевскими людьми был и переводчик, и мать моя чрез него стала расспрашивать камердинера, какое кушанье король более любит. “Всякое жареное мясо, свинину и дичь, – отвечал камердинер, – из зелени шпинат, а из приправ *петрушку* и *руту*. Свежих фруктов теперь нет, но если у вас есть лимоны, положите перед ним на столе: король очень любит их”. – “А какое вино пьет король?” – спросила матушка. “Никакого! – отвечал камердинер. – Король не пьет даже пива; он пьет одну воду”. У нас всего было в запасе; матушка умела даже сохранять целый год свежие яблоки. Обед был готов в два часа, и матушка спросила у камердинера, на сколько особ прикажет король накрывать стол. Камердинер доложил королю и потом объявил матушке, что король

²⁴⁷ На многих портретах и в кабинетах восковых фигур Карла XII изображают *белокурым* и небольшого роста. Оставляю в подлиннике рассказ прабабушки, в справедливости которого удостоверился во время путешествия моего в Швецию. В доме графа Брагге я видел портрет Карла XII с каштановыми волосами¹³⁰.

²⁴⁸ Ему тогда был 26-й год от роду; родился он в 1682 году, в июне.

²⁴⁹ От имени библейского персонажа великана Голиафа, убитого пастухом Давидом.

²⁵⁰ Шеляг – мелкая монета в Речи Посполитой.

²⁵¹ Граф Пипер, попавшийся в плен в сражении под Полтавой.

будет кушать за одним столом со всем нашим семейством. Это всех нас обрадовало, и отец сожалел, что братьев моих не было дома; они тогда были в Вильне, в школе. Я не спускала глаз с короля во время стола. Он ел с аппетитом, и особенно ему понравилась голова дикого кабана (*la hure*) в студене. Он ел охотнее *жирное* и вообще употреблял *много хлеба*. Во время обеда он расспрашивал батюшку о положении края и сказал между прочим, что война скоро кончится и он даст средства королю Станиславу Лещинскому вознаградить Польшу за все, ею претерпенное. Перед обедом приехали к королю три генерала, которых батюшка упросил остаться с нами откушать, и они также поместились за общим столом. Все шведы порядочно пили вино, похваливали его и нисколько не стеснялись присутствием короля. Но он пил одну воду, жевал беспрестанно хлеб и не обращал на других внимания. С нами, т. е. с женщинами, он не промолвил ни словечка и только сказал комплимент матушке насчет ее хозяйства, когда узнал, что яблоки из нашего сада. На другой день камердинер сказал матушке, что король всем очень доволен, но просит, чтоб за столом было не более четырех блюд и чтоб обед продолжался не больше четверти часа. На ужин король пил стакан сладкого молока, *примешав в него соли*, и съедал большой кусок хлеба. Все утро он проводил за бумагами. Камердинер сказал нам, что король для того только и остановился у нас на трое суток, чтоб написать бумаги, которые с нарочным должно отослать в Швецию. После обеда он прогуливался в саду, по большой аллее, с своим министром, а мы рассматривали его из беседки. Отъезжая, король из своих рук подарил отцу моему золотую табакерку с своим вензелем из алмазов и велел заплатить за все забранное для его людей и лошадей. Отец мой обиделся этим и сказал адъютанту, что он шляхтич, а не трактирщик и *угощает* короля, а не *торгует* съестными припасами и фуражом. Когда мы узнали о несчастье Карла под Полтавой, мы душевно сожалели о нем, хотя и не теряли надежды, что он еще поправится, а когда к нам пришло известие о его смерти – мы все плакали!

Видала я также и соперника Карла, московского царя Петра, – примолвила прабабушка, – это было в 1711 году, также в половине марта. В Слуцке стоял русский фельдмаршал Шереметев (прабабушка называла его *Шеремет*), и мы приехали со всем семейством в Слуцк, чтоб просить у него залоги, потому что его казаки и разные дикие народы, башкиры и калмыки, производили страшные грабежи. В это время разнеслась весть, что сам царь будет в Слуцке, вместе с женою своею, которую тогда *впервые* называли царицею. В Польше говорили, что новая царица родом польская шляхтянка, из фамилии, оставшейся в Лифляндии от времени Сигизмунда²⁵² и впоследствии обедневшей. Все наши дамы весьма любопытствовали видеть царицу и подговорили мужей своих дать бал для царя. Для этого убрали огромную залу на Радзивилловской поясной фабрике²⁵³ и приготовили великолепное угощение. Царь прибыл с царицею и своими генералами и офицерами. Он был великан ростом, молодец собою и красавец, с черными усами и орлиным взглядом, только огромный парик весьма вредил его красоте. Он был в синем мундире и казался ловок и развязен. Говорил он громко, шутил и смеялся. Ему было уже под сорок лет, но по лицу он казался моложе. Меня весьма удивило, что и у царя, точно как и у его соперника, Карла, лицо по росту казалось *несоразмерно малым*. Царица была очень недурна собою, с большими черными глазами и прелестными плечами, белыми как снег. Она была в белом атласном платье с малиновым бархатным верхом, впереди расстегнутым, и с шлейфом и вся в алмазах и в жемчугах. Волосы были напудрены, и над высокою прическою была маленькая алмазная корона. Она говорила изрядно по-польски, хотя и примешивала русские слова, но по-немецки объяснялась хорошо. Царь Петр, увидев меня, подошел ко мне и,

²⁵² После брака Петра I в 1712 г. с будущей императрицей Екатериной I официально сообщалось, что Екатерина принадлежит к знатному литовскому шляхетскому роду. Однако, согласно позднейшим разысканиям, она была дочерью литовского (или латышского, или эстонского) крестьянина. При великом князе литовском и короле польском Сигизмунде II Августе в 1561 г. Лифляндия была присоединена к Великому княжеству Литовскому.

²⁵³ Эта фабрика польских поясов давно уничтожена. Такой разноцветной парчи я не видывал нигде, какую выделявали на этой фабрике. Мастер был родом из Турции¹³⁴.

похвалив мой рост, спросил, сколько мне лет, а потом примолвил, что если я хочу идти замуж, то он доставит мне жениха по моему росту. Потом подозвал гренадерского офицера, такого же великана, как и он сам, и представил его мне. Понимая шутку, я отвечала, что, напротив, я хочу маленького мужа. “Чтоб держать в руках, не правда ли? – сказал царь, улыбаясь. – Ой вы, польки!” С этим он оставил меня. Царь и царица танцевали польский и остались ужинать. За столом царь пил вино из большого покала за здоровье короля Польского Августа II и за благоденствие республики²⁵⁴, называя себя другом ее, и был весьма фамильярен с поляками. Наши пили за здоровье царя, царицы и русского войска. Один из нашей шляхты, выпив порядком, сказал, что если б он дожил до выборов, то дал бы голос на избрание царя в короли польские, что весьма ему понравилось, и он провозгласил тост за здоровье польской шляхты. Потом провозглашены были тосты за здоровье дам, и наконец наш знаменитый народный тост “*kochałmy się*”²⁵⁵. Когда все встали при этом, по старинному обычаю, и начали обниматься и целоваться, царь также целовался и обнимался со всеми. Разъехались по домам поздно, и все мужчины уже порядочно навеселе. Наши поляки весьма полюбили царя за его популярность, что именно в нашем народном духе, и жаловались ему на любимца его, князя Меншикова, который не отличался бескорыстием и забрал все драгоценности даже у пани Огинской, тетки пана Огинского²⁵⁶, самого сильного царского приверженца, воевавшего за него противу шведов. Царь сказал, что все зло делается против его воли и что Меншикову не пройдет это даром, а пани Огинская получит обратно все, у нее взятое. Царь с царицею пробыли в Слуцке пять дней, и я видела его ежедневно на улицах и в доме пана Хлевинского. Без большого парика он был красавец. Он узнал меня при первой встрече после бала и повторил свою шутку, утверждая, что я должна быть непременно его гренадершей, т. е. женою его исполинского капитана. Но все же скромный и задумчивый Карл мне больше нравился!..»

Хотя Петру Великому и не удалось выдать замуж моей прабабушки за саженного гренадера, но в доме ее была настоящая гренадерская субординация. Она страстно любила вышивание по канве и в тамбуре²⁵⁷ и, будучи уже не в состоянии сама работать, находила наслаждение в руководстве работами и имела в доме своем род мануфактуры. Более двадцати крепостных девушек, с полдюжины сирот и воспитанниц и несколько бедных шляхтяночек ежедневно занимались вышиванием ковров и обоев. Все стены и все мебели в ее доме обиты были превосходнейшим шитьем, едва ли уступающим гобеленовым обоям. Этих ковров и обоев она никогда не продавала, но не только родным, а даже и значительным людям, не по их силе, а по ее выбору, и самому королю Польскому посылала она в подарок свои изделия, которые высоко ценились знатоками. На выписывание рисунков она не жалела денег. На больших стенных коврах рисунки изображали битвы, охоту; фигуры были в натуральный рост. На старинных массивных мебелих, над дверьми, над окнами и даже на печах и на всей домашней посуде и утвари были вырезаны или нарисованы гербы нашей фамилии. В портретной зале была коллекция портретов наших предков с XVI века. Словом, это был в полном смысле дом исторический, и если б Литва имела своего Вальтер-Скотта, то Русиновичи и вотчинница этого имения непременно играли бы роли в историческом романе.

²⁵⁴ С 1454 г., когда Нешавскими статутами были даны привилегии шляхте, Польша являлась республикой, в которой высшая власть принадлежала сейму. Последним этапом ограничения власти короля в пользу шляхты стал закон *Nihil novi* (1505), который запрещал королям принимать новые законы без согласия сейма. С этого времени государство стали именовать Речью Посполитой, что представляло собой кальку с латинского «*res publica*» (республика). Уничтожение польской государственности произошло в результате разделов Речи Посполитой.

²⁵⁵ Т. е. будем любить друг друга, или будем дружны.

²⁵⁶ У Г. А. Огинского, который здесь имеется в виду, было четыре тетки – Регина, Кристина, Елена и Пракседа, но к 1711 г., о котором идет речь в тексте, первые две умерли.

²⁵⁷ Тамбурная вышивка – вышивка мелкими петлями при помощи иглы или крючка по нанесенному на ткань или приметанному с левой стороны ткани узору, производимая на круглых пяльцах. Названа была так, поскольку натянутая на пяльцы ткань напоминала барабан (по-французски – тамбур).

Обычаи в Русиновичах также принадлежали к истории. Русское *бью челом* и польское *padam do nog* (т. е. *упадаю к ногам вашим*) не суть пустые выражения или одни комплименты. Везде в старину бедный и слабый бросались к ногам богатого и сильного и *били пред ними челом в землю*, как это и до сих пор ведется на Востоке и между крестьянами в России и Польше. И теперь еще, даже у богатых купцов и дворян русских, придерживающихся старины, молодая пара перед венцом бросается в ноги родителям и просит благословения. В Польше в прошлом веке все родные *в нисходящей линии* должны были падать на колени пред старшими родными и целовать ноги родителей. У моей прабабушки, пани Онюховской, этот обычай велся до ее смерти. Когда мы приехали к ней, она сидела в больших креслах. Мои родители и сестра пали к ногам ее, заставив и меня сделать то же, и она протянула ногу, которую мы поцеловали. Потом она приказала нам встать, и дала обе руки для облобызания, и уже после этой операции приподнялась с кресел, поцеловала всех нас в лицо, благословила и велела родителям моим сесть, а мне и сестре стать возле ее кресел.

Отец мой рассказал ей обо всем случившемся с нами, не забыв и того, что все вещи наши остались в руках наездников и что мы имеем только то, что на нас. Прабабушка не сказала в ответ ни слова, а только покачала головою. Мы приехали утром. «Ступайте же в ваши комнаты и отдохните, – сказала прабабушка, – а я займусь хозяйством». Любимая ее девка отвела нас в назначенные нам комнаты, и тотчас явился повар, чтоб расспросить о любимых блюдах каждого из нас. Через час лакеи внесли к нам кипы. Тут был холст, батист, шелковые материи в кусках, кружева, платки, даже сукно. Не забыты были и ковры. По старопольскому обычаю, все это надлежало иметь в запасе в порядочном доме. При каждой покупке земных произведений у помещика купец, по обычаю, должен был дарить хозяйку, и кроме того, на каждой ярмарке покупались новые товары, хотя без нужды, чтоб только купить что-нибудь, и оттого кладовые в домах были полны. По счастью, во время последней войны²⁵⁸ начальник войск русских, человек образованный, узнав, что моя прабабушка лично знала Петра Великого, нарочно ездил к ней и из уважения к памяти великого мужа, хотевшего сделать ее своею гренадершею, дал ей залог и охранительный лист, и дом ее остался неприкосновенным. Любимая служанка прабабушки объявила, что барыня просит нас принять все это *на первый случай*.

Мне ужасно хотелось побегать в саду, но отец мой сказал, что здесь нельзя гулять в саду без особого позволения хозяйки. Все находившиеся под крышею дома должны были сообразоваться с волею хозяйки; таков был старинный обычай! Пей, ешь, спи и прогуливайся не когда хочешь, а когда велят! Каждый был в своем доме властелином, а в чужом доме подданным.

Нас позвали к обеду, и родители мои снова хотели повторить обряд коленопреклонения, но прабабушка не допустила до этого; довольно было и одного раза! Изъявление благодарности моих родителей она выслушала хладнокровно и отвечала только пословицею, соответствующею русской поговорке: «Свой своему поневоле друг». Все кушанья стояли на столе по старинному обычаю. Обыкновенные кушанья, для всех, были в серебряных крытых блюдах, а кроме того, перед каждым гостем и перед сыном прабабушки, *королем*, стояли маленькие красивые горшочки и кастрюльки с отборным кушаньем, по вкусу каждого. Прабабушка сама указала нам места: по правую руку посадила матушку, по левую своего *короля*, за матушкою меня и сестру, а возле своего *короля* отца моего. Далее сидели панны (т. е. шляхтянки, служащие в доме) и поживальницы, или резидентки, комиссар, эконо́м и несколько бедных шляхтичей, приехавших с почтением или за делом. Перед мужчинами стояли кружки с пивом. При конце обеда лакей поднес отцу моему бокал венгерского вина. За столом все молчали и только отвечали на вопросы хозяйки. После обеда я пошел гулять в сад с *королем*. Он хотя уже тогда был в возрасте, однако ж играл со мною, как ребенок, и пускал воздушный змей. Он был близорук,

²⁵⁸ Онюховская умерла в 1812 г., следовательно, «последней войной» Булгарин называет Отечественную войну 1812 г.

оттого что в детстве его держали в комнатах, закрытых занавесами, чтоб *не испортить зрения*; притом он сильно заикался.

Приехал наш адвокат из Минска и сказал, что при просьбе надлежало представить список всем вещам, оставленным в Маковищах, т. е. всей движимости с примерною оценкою ее. Родители мои и сестра Антонина занялись этим, и на другой день от всех представлены были адвокату списки, из которых он должен был сделать общий свод. К общей проверке списков призваны были наши слуги и служанки. Не могу забыть сцены, когда адвокат, начав читать список, поданный матушкою, вдруг бросил его на стол с своими очками, вскочил со стула и, отступив на шаг, поднял руки с удивлением, воскликнув: «*Гарнец²⁵⁹ жемчуга!*» – «Что это значит?» – спросил батюшка. «Тут написано, что у вашей супруги был *целый гарнец жемчуга*, не в деле, а просто как горох в мешке!» – сказал адвокат. Отец мой посмотрел с удивлением на матушку и сказал: «Об этом я ничего не знаю и теперь впервые слышу!» – «Потому что я об этом никому не говорила и хранила этот жемчуг как последнюю помощь в случае несчастья. Анна! – примолвила матушка, обращаясь к моей няньке (самой верной из всех слуг и ее молочной сестре, т. е. дочери ее кормилицы), – помнишь ли тот мешок, который мы зарывали с тобою в землю, ночью, под большим дубом, возле пруда, когда разнеслись вести, что наши снова будут воевать с русскими?» – «Как не помнить, сударыня, – отвечала нянька, – ведь это было в третьем году; мешок был желтый, сафьянный, точно такой, в каких для барина привозят курительный табак, а вырыли мы его только нынешнею весною». – «Это был мешок с моим жемчугом, данным мне братьями моими в приданое при втором моем замужестве», – сказала матушка. Адвокат покачал головою и возразил: «Помните, что в этом вы должны *присягнуть*». – «Присяга не страшна в правом деле; я и братья мои присягнем, что у меня был *целый гарнец жемчуга!*» – «Как угодно», – сказал адвокат, сев на свое место. Отец мой надел шапку и вышел на крыльцо, взяв меня за руку. Он смотрел вверх и посвистывал, а это означало, что он недоволен. Он не сомневался в истине показания матушки, но ему досадно было, что она перед ним скрывала это.

Когда прабабушка узнала об этом *гарнце жемчуга*, она нимало не усомнилась и сказала: «Если б из дома Бучинских дан был и целый *корец²⁶⁰ жемчуга*, то я бы не удивилась, зная, что этот дом исстари славился богатством и порядком, а что Анеля (имя моей матушки) не сказала об этом моему пану Венедикту, за это похваляю ее. Знаю я хорошо его девиз: день мой – век мой, сегодня жить, а завтра гнить!» В самом деле, отец мой повторял это, когда его упрекали в излишней щедрости и хлебосольстве.

Прожив несколько дней в Русиновичах, мы отправились в Минск. Перед отъездом повторились коленопреклонение, целование в ногу и в руки и благословения. Прабабушка дала моей матери кожаный мешочек со ста червонцами, завязанный и запечатанный; сестре подарила десять червонцев, а мне один червонец, на конфекты. Отца моего она только погладила по голове и сказала: «Живи скромнее!» Когда мы уселись в коляску, отец ощупал под ногами мешок; он приподнял его; мешок был с рублями и с надписью: «500 рублей».

Мои родители не могли надивиться щедрости прабабушки: она весьма редко дарила деньгами родных, и подарок ее никогда не превышал ста злотых польских. Видя нас в несчастном положении, она отступила от своего правила. Семейная гордость восторжествовала над всеми чувствами и правилами. Она даже не одобряла смирения отца моего и сказала, что надлежало пустить пулю в лоб дерзкому, осмелившемуся беспокоить шляхтича в его доме! Таковы были польские женщины в старину. Они поджигали мужей и сыновей своих на битвы.

²⁵⁹ Гарнец – единица измерения объема сыпучих тел, равная 3,3 литра.

²⁶⁰ Корец – единица измерения объема сыпучих тел, равная (в Польше) 128 литрам.

Прибыв в Минск, матушка подала просьбу с приложением инвентаря оставшихся в Маковищах вещей и чрез неделю уехала со мною и с сестрою в Белоруссию, к своим родным, а отец мой остался лечиться у доктора Марбурга в Минске.

В Могилевской губернии, в Оршанском уезде, жил близкий родственник матушки Викентий Кукевич, маршал (дворянский предводитель) Оршанский, в имении своем, называемом *Высокое* (принадлежащем ныне князю Любомирскому²⁶¹). Кукевич был холост и уже более нежели в среднем возрасте. Это был самый честный и благородный человек, какой только может быть между людьми, но имел некоторые непостижимые странности. Он любил уединение и проводил большую часть дня или в своей комнате, или в поле, в лесу, *в разговорах с самим собою*. Мы несколько раз смотрели с сестрою в замочную скважину, чтоб узнать, чем он занимается. Он ходил по комнате сперва тихо, потом шибко, говорил громко, щелкал пальцами, смеялся, хохотал, взявшись за бока, садился, кланялся, шаркал, потом пел и наконец, устав, ложился, а отдохнув, являлся в общество, как будто ничего не бывало; был чрезвычайно любезен, снисходителен и вежлив со всеми. Он был в одно время опекуном князей Любомирских и племянницы своей, богатой сироты Куровской, которая и воспитывалась в его доме. Решено было, чтоб сестра моя и я остались в доме Кукевича, сестра для беседы и надзора за родственницею Куровскою, а я для моего воспитания. Отец мой, хотя неохотно, но согласился на это, намереваясь приехать к нам. В доме Кукевича проживало целое семейство филолога, занимавшегося воспитанием детей в домах. Он назывался Цыхра. Старик был человек ученый и превосходный музыкант, нрава кроткого, характера веселого. Сын его Лудовик, немного старше меня, был впоследствии знаменитым виртуозом на гитаре. Старший сын преподавал уроки истории, географии и арифметики. Старик Цыхра, человек чрезвычайно добрый и ласковый, полюбил меня, как родное дитя, и умел возбудить во мне, мало сказать, охоту, нет, страсть к учению. Под его руководством и чтоб ему нравиться, я оказывал удивительные успехи в языках и в музыке, а историю и географию полюбил до того, что меня надлежало силою отрывать от книг, географических карт и глобусов. Много, весьма много, чтобы не сказать *все*, зависит от учителя, от его усердия, от его характера и от обращения с детьми. Глубокая ученость в учителе не принесет пользы, если он не обладает искусством передавать своих познаний, делать их понятными для детей и если не умеет привязать к себе детей, не может заставить их полюбить науку, возбудить в них жажду познаний, представить науку в занимательном виде. Хороших учителей весьма мало на свете, и оттого так мало успехов в науках, вообще во всех учебных заведениях. Обучают по должности, учатся поневоле. Учитель будто стыдится своего звания, чуждается своих занятий и требует, чтоб его почитали чиновником; ученики помышляют не о науках, а об экзамене и чиновничестве!.. Добрый мой Цыхра! Прими и за гробом дань моей благодарности. Ты был образец учителей, учитель, каких я мало встречал в жизни!.. Боюсь сказать, что вовсе не встречал. Все твое честолюбие, почтенный мой наставник, и наслаждение сосредоточивались в успехах, которые делали в науках и музыке дети твои и мы, твои воспитанники...

Между тем процесс кипел в Минске. Отец мой был нелюбим многими из так называемых *выскочек* (*parvenus*) и новых богачей, составивших себе состояние карточною игрою, торговлею совестью, грабежом народного достояния в общем замешательстве края или обкрадыванием польских вельмож при управлении их делами и вотчинами. Особенно оскорбил он одного нового богача, на последних сеймиках (дворянских выборах), желавшего быть дворянским маршалом. «Если вы выкопаете из могилы его деда, – сказал отец мой шляхте, – то на его черепе еще найдете *ермолку*!»²⁶² Я уже сказывал о снятом парике²⁶³. Некто, разбогатевший в

²⁶¹ Имеется в виду Константин Станислав Любомирский.

²⁶² Ермолка (кипа) – маленькая круглая шапочка, плотно прилегающая к голове, носимая евреями.

²⁶³ См. т. 1, с. 56, примеч.

службе князя Карла Радзивилла, играл уже важную роль и занимал какое-то место в службе. Он обошелся слишком фамильярно с отцом моим в большом обществе, в присутствии губернатора Тутолмина. «Мы часто видались с вами в доме князя Карла Радзивилла», – сказал свысока отцу моему новый богач. «Правда, – отвечал отец, – присматриваясь к порядку в доме князя Радзивилла, я иногда заглядывал и в кухню, и в конюшню, и в лакейскую!» Этого не мог никогда забыть оскорбленный выскочка! Словом, отец мой часто говорил горькие истины в глаза, и за чванство наказывал жестокими эпиграммами. Теперь все это обрушилось на него, и за него – на матушку! Процесс принял дурное направление, особенно после отъезда в Петербург Тутолмина. На его место назначен губернатором в Минск действительный статский советник К***²⁶⁴, человек добрый и правосудный, но не знавший ни польского языка, ни польских законов, ни польского порядка сделок. На первых порах он невольно должен был увлечься, как говорится, течением, которому новые люди, прильнувшие к правительству, давали направление. *Гарнец жемчуга*, о котором никто не знал в доме, ни муж, ни дети, послужил предметом к шуткам, насмешкам и наконец к обвинению матушки в *кривоприсяжестве*! Ее отдали под уголовный суд, и к дому ее приставили часовых. Пример единственный и небывалый с польскою дамою!

Лишь только сестра Антонина узнала это, немедленно отправилась к дядям нашим, родным братьям матушки, крайчему и президенту главного витебского суда Бучинскому, и объявила намерение свое ехать немедленно в Петербург, броситься к ногам государя и просить правосудия. Дяди снабдили ее деньгами, а Кукевич вызвался провожать ее. Они немедленно пустились в дорогу, а я остался в Высоком.

Через два месяца сестра моя прискакала на почтовых в Минск с указом об освобождении матушки из-под ареста и о возвращении ей Маковищ в закладное владение, до рассмотрения дела формою суда. Отец мой остался в деревне для нового устройства хозяйства, а матушка с сестрою приехали в Высокое, навестили дядей и, взяв меня с собою, отправились в Петербург, просить удовлетворения за незаконный арест без выслушания свидетелей и без рассмотрения доказательств насчет *гарнца жемчуга* и за несправедливое обвинение в *кривоприсяжестве*.

Никогда я так не плакал и не грустил, как расставаясь с учителем моим Цыхрою. Насильно вырвали меня из его объятий и посадили, почти без чувств, в экипаж. Старик также проливал слезы. Меня успокоили только обещанием, что мы скоро возвратимся в Высокое и что я куплю в городе новую трубку для Цыхры. Родители, особенно матушка, не жили и баловали меня, угождая даже моим прихотям; но Цыхра умел занять мой ум и овладеть душою. Мне хотелось *все* знать, и я беспрестанно мучил его вопросами: это зачем, это что такое, – и старик объяснял мне с величайшим терпением, соображаясь с моими летами и понятиями; он никогда не показывал, что я ему надоедаю моею неотвязчивостью, а напротив, чрез несколько дней спрашивал меня, помню ли я, что он мне рассказывал, и повторял объяснение свое, если замечал, что я сбивался. Где вы найдете такого гувернера? Я прежде играл игрушками, а с Цыхрой играл *наукою* и пристрастился к этой забаве.

Два впечатления остались в моей памяти из нашего путешествия в Петербург. В каком-то городишке, кажется в Сураже²⁶⁵, где мы пробыли двое суток, ожидая возвращения человека, посланного с письмом к какому-то родственнику, квартировал полк или батальон. Я видел ученье. На выгоне, за самою заставою, выстроен был батальон в одну шеренгу и делал ружьем приемы по флигельману²⁶⁶, который *стоял на крыше* небольшого сарая или бани. Для флигельмана устроена была платформа из досок. Полковник сидел в некотором отдалении от фрунта, в креслах, и курил трубку. Несколько офицеров стояли возле него и разговаривали с ним, а

²⁶⁴ Речь идет о З. Я. Карнееве.

²⁶⁵ Сураж – в 1781–1796 гг. центр Суражского уезда Новгород-Северского наместничества, сейчас административный центр Суражского района Брянской области.

²⁶⁶ Флигельман – старослужащий солдат или унтер-офицер, демонстрировавший перед строем ружейные приемы.

майор командовал. Это остатки воинской дисциплины Екатерининских времен, которых, без сомнения, уже никто не увидит. В Могилеве, где мы прожили целую неделю, потому что братья матушки приехали к ней нарочно для свидания и совещания, один родственник повел меня в иезуитскую школу. Я удивился, увидя усатых школьников. Одного из этих усачей профессор (как называли себя иезуитские учителя) поставил на колени. Возвратясь домой, я сказал матушке: «Если ты отдашь меня к иезуитам – я убегу». – «Куда?» – спросила она. «В Высокое, к Цыхре!» – «А если он тебя не примет?» – «Пойду в солдаты», – отвечал я решительно.

В Петербурге мы остановились у Осипа Антоновича Козловского, друга нашей фамилии, бывшего директором театральной музыки. Он жил в доме Льва Александровича Нарышкина, на Мойке, противу Новой Голландии²⁶⁷, рядом с домом, который занимал сам Лев Александрович, где ныне Демидовский дом трудящихся²⁶⁸. Тогда этот дом был храмом роскоши, гостеприимства и благотворения и как будто в память прежнего благодетельного хозяина превращен в богоугодное заведение! Разумеется, у тогдашних русских вельмож в домах не отдавались квартиры внаем, и Осип Антонович жил в доме Нарышкина безвозмездно, занимая целый этаж.

VI

Петербург за полвека пред сим. – Наружный вид столицы. – Общество. – Вельможи двора императрицы Екатерины II. – Быстрые перемены и преобразования в царствование императора Павла Петровича. – Поляки в петербургском высшем обществе. – Определение мое в Сухопутный шляхетный кадетский корпус

Со времени кончины императрицы Екатерины II Петербург совершенно изменился и в наружном своем виде, и во внутреннем устройстве, и в нравах, и в обычаях. Только некоторые памятники зодчества припоминают²⁶⁹ прежнее, – все прочее *новое* или *возобновленное*. Все великолепие города, за пятьдесят лет пред сим, сосредоточивалось на набережной Невы и в центре его, в окрестностях Зимнего дворца; но и в этой части города было весьма немного высоких домов. Почти все каменные дома были или двухэтажные или одноэтажные, с подземельем, т. е. жильем, углубленным в землю. Только на Невском проспекте, между Полицейским и Аничковым мостами²⁷⁰, в двух Морских и двух Миллионных²⁷¹ не было вовсе дере-

²⁶⁷ *Новая Голландия* – два искусственных острова, ограниченные Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами, на которых были размещены склады корабельного леса. Возведенный по проекту С. И. Чевакинского и при участии Ж. Б. Вален-Деламота архитектурный промышленный комплекс является памятником архитектуры классицизма.

²⁶⁸ *Демидовский дом трудящихся* – Санкт-Петербургский дом призрения трудящихся, построенный на пожертвования мецената, камер-юнкера Анатолия Николаевича Демидова (1812–1870), и открытый в 1833 г. на набережной Мойки. Ныне здесь располагается корпус Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта.

²⁶⁹ См. примеч. 24 на с. 259.

²⁷⁰ Речь идет о центральной части Невского проспекта, ограниченной реками Мойкой и Фонтанкой. Название Полицейского моста через Мойку связывают с выстроенным поблизости домом генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина, по другой версии – с находившимся рядом управлением городской полиции (до 1770-х гг. мост назывался по цвету окраски Зеленым, это название было ему возвращено в 1997 г.). В течение XVIII в. деревянный мост неоднократно перестраивался, в 1806–1808 гг. на его месте инженер В. И. Гесте построил первый в Петербурге чугунный мост. Аничков мост через Фонтанку назван по фамилии подполковника-инженера М. О. Аничкова, чей батальон дислоцировался за Фонтанкой в Аничковой слободе. Построенный в 1716 г. деревянный мост перестраивался и модернизировался, в 1783–1787 гг. он стал каменным, современный вид приобрел в 1841–1842 гг. (инженеры И. Ф. Буттац и А. Х. Редер), тогда же на западной стороне моста появились первые бронзовые фигуры скульптурной группы «Укротители коней», созданной П. К. Клодтом.

²⁷¹ Улицы в исторической части Петербурга. Большая и Малая Морские улицы протянулись вдоль реки Мойки, название получили от селившихся на них моряков и служащих Адмиралтейства. Миллионная улица расположена вблизи Зимнего дворца (от Лебяжьей канавки до Дворцовой площади), там жили более обеспеченные петербуржцы, чем объясняется богатая застройка и название, полученное, по одной из версий, в 1736 г. по роскошному, так называемому Миллионному дому графа

вянных домов, а во всех прочих улицах деревянные дома перемешаны были с каменными, и вообще, едва ли только не десятая часть домов были каменные. Но и прежние каменные дома в течение этого времени почти все или перестроены, или надстроены, так что их нельзя узнать. Многие прежние дома, почитавшиеся великолепными, вовсе сломаны, и на их месте воздвигнуты новые огромные здания. Теперь на Невском проспекте из старых домов остались в прежнем виде: дом Васильчикова, где Английский магазин (существующий на одном месте более полувека)²⁷², дом Косиковского²⁷³, у Полицейского моста (бывший дом, *тогда новый*

П. Б. Шереметева. До середины XIX в. существовала Малая Миллионная улица, представлявшая собой начальную часть (от Дворцовой площади до Невского проспекта) Большой Морской улицы.

²⁷² Построен в 1760-е гг. архитектором А. В. Квасовым для генерал-поручика И. Я. Овцына, затем принадлежал женившемуся на его дочери В. А. Васильчикову. С 1786 г. в здании находился Английский магазин купца Джона Пикерстиля, затем, с 1815 г., Большой английский магазин К. В. Никольса и В. Ф. Плинке. Перестроен, современный адрес – Невский пр., д. 16/7.

²⁷³ Построен в 1768–1771 гг. для генерал-полицмейстера Н. И. Чичерина; в 1792–1800 гг. принадлежал вице-канцлеру князю А. Б. Куракину, который в 1794 г. пристроил новый трехэтажный флигель со стороны Мойки; в 1806–1858 гг. – семье купца 1-й гильдии А. И. Косиковского, пристроившего в 1820-е гг. четырехэтажный корпус со стороны Большой Морской. В 1821–1825 гг. в доме Косиковского жил Н. И. Греч, в верхнем этаже находилась его типография, в которой печатались булгаринские «Северный архив» и «Литературные листки». Перестроен, современный адрес – Невский пр., д. 15 / наб. р. Мойки, д. 59 / ул. Большая Морская, д. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.